

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2020 / № 4

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2020 / № 4

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. – д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. – д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. – к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. – д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. – д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. – д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. – д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. – д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. – д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. – д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. – д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. – д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. – д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. – доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. – д.и.н., проф., МГОУ (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. – д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Фукс А. Н. – д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» – печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

Индекс серии «История и политические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 4. – 168 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»**
Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73347.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2020. – № 4. – 168 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Наумов О. Н., Калинин Д. А., Ильина Е. Б., Сахаров И. В., Полянская Ю. Н., Александрова Н. А. Современные проблемы российской генеалогии (круглый стол)	6
Ивашко М. И. Проблемы периодизации Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на страницах вузовских учебников по истории	35
Кузнецов Е. В., Курдин Ю. А. Античные реминисценции «Слова о полку Игореве»	45
Тетерин П. В., Кудакеев Р. Ф. Осмысление темы «холодная война» в англоязычной историографии	57

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Фанталов А. Н. Военно-политическое противостояние Англии и Франции в XVIII в.: войны и секретные операции	68
--	----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Мишин И. О. Представление русского инокa XIV–XV вв. об иночестве	80
Захаров В. Н. Внутренняя торговля в России при Петре I	91
Севостьянов А. С. Походные канцелярии и переезд Посольского приказа в Петербург	102
Бухаренкова О. Ю., Морова О. В. Градообразование в условиях «многовластия» 1917 г. (на примере создания города Орехово-Зуево)	115
Горлов В. Н. Первый официальный визит главы Советского Союза в США: шаг на пути к взаимопониманию	124
Бобровская Е. В. «Государственный феминизм» в СССР: особенности гендерного (не)равенства в советской России	133
Маслов Д. В. Советский человек в условиях реформ 1980–1990-х гг.: теоретические вопросы изучения	141

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гарольд Ласки. О суверенитете государства	152
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кузнецов М. Н. Политико-правовое измерение идентичности: ценностный суверенитет и деятельностная концепция нации на страже безопасности общества и государства (размышления о книге В. Ш. Сургуладзе)	162
--	-----

CONTENTS

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

- O. Naumov, D. Kalinin, E. Ilina, I. Sakharov, Yu. Polyanskaya, N. Alexandrova.** Modern Problems of Russian Genealogy (Round Table)7
- M. Ivashko.** Problems of Periodization of the 1941–1945 Great Patriotic War on the Pages of University History Textbooks35
- E. Kuznetsov, Yu. Kurdin.** Antique Reminiscences in “The Tale of Igor’s Campaign”45
- P. Teterin, R. Kudakaev.** The Problem of the Cold War in English-Language Historiography57

GENERAL HISTORY

- A. Fantalov.** Military and Political Confrontation Between England and France in the 18th Century: Wars and Secret Operations68

NATIVE HISTORY

- I. Mishin.** Beliefs of a Russian Enoch of the 14TH–15TH Centuries About Monasticism80
- V. Zakharov.** Domestic Trade in Russia under Peter the Great91
- A. Sevostyanov.** Field Offices and Relocation of the Embassy Order to St. Petersburg 102
- O. Bukharenkova, O. Morova.** City Formation under the Conditions of “Multiple Power” in 1917 (on the Example of Orekhovo-Zuyevo) 115
- V. Gorlov.** The First Official Visit of the Head of the Soviet Union to the United States: a Step on the Path to Understanding 124
- E. Bobrovskaya.** State-Approved Feminism in the Ussr: Peculiarities of Gender (In)Equality in Soviet Russia 133
- D. Maslov.** Soviet Man under the Conditions of the Reforms of 1980-90: Theoretical Issues 141

MONUMENTS OF THE WORLD THOUGHT: FIRST PUBLICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

- H. J. Laski.** On the Sovereignty of the State 152

SCIENTIFIC LIFE

- M. Kuznetsov.** Political and Legal Dimensions of Identity Policies: the Value Sovereignty and Activity Concept of a Nation on Guard Over the Security of the Society and the State (Reflections on the Book by V. Sh. Surguladze) 162

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 929.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-6-34

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

*Наумов О. Н.¹, Калинин Д. А.¹, Ильина Е. Б.², Сахаров И. В.³,
Полянская Ю. Н.³, Александрова Н. А.⁴*

¹ Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

² Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

«Александровская слобода»

601652, Владимирская область, г. Александров, Музейный пр-д., д. 20, Российская Федерация

³ Российская национальная библиотека

191069, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 18, Российская Федерация

⁴ Государственный музей А. С. Пушкина

119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 12, к. 2, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. В ходе круглого стола рассмотрены современные проблемы российской генеалогии, её информационная и источниковедческая модернизация.

Процедура и методы. Исследуются проблемы теории, методики, историографии и источниковедения генеалогии на примере различных сословий, анализируются междисциплинарные связи генеалогии с социальной историей, фалеристикой и музейным делом.

Результаты. Показаны основные направления развития современной российской генеалогии, её междисциплинарные связи, осуществлён анализ изучения генеалогии различных социальных групп и дана характеристика новых генеалогических источников.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты круглого стола могут способствовать совершенствованию генеалогических исследований в России в контексте современных подходов к изучению прошлого. Выводы и рекомендации авторов могут быть использованы в практической работе музеев и архивов.

Ключевые слова: генеалогия, фалеристика, дворянство, купечество, генеалогические источники, социогенеалогия

MODERN PROBLEMS OF RUSSIAN GENEALOGY (ROUND TABLE)

O. Naumov¹, D. Kalinin¹, E. Ilina², I. Sakharov³, Yu. Polyanskaya³, N. Alexandrova⁴

¹ *Moscow State Regional University*

10A, ul. Radio, Moscow 105005, Russian Federation

² *State Historical-Architectural and Art Museum-Reserve "Aleksandrovsкая Sloboda"*

20, Muzejnyj pr., Alexandrov, Vladimir region 601652, Russian Federation

³ *Russian National Library*

18, ul. Sadovaya, St. Petersburg 191069, Russian Federation

⁴ *State Museum Named After A. S. Pushkin*

12, korp. 2, ul. Prechistenka, Moscow 119034, the Russian Federation

Abstract.

Aim. The round table was organized to consider modern problems of Russian genealogy with the purpose of assessing its current level of theoretical and methodological development.

Methodology. The problems of the theory, methodology, historiography and source study of genealogy were discussed on the example of various social strata. The interdisciplinary links of the discipline with social history, phaleristics and museology were analysed.

Results. The main directions in the development of modern Russian genealogy and its interdisciplinary connections were outlined. An analysis of approaches to the study of the genealogy of various social groups was conducted. New genealogical sources were characterized.

Research implications. The results of the round table can be used for the modernization of genealogical research in Russia, as well as in the practical work of museums and archives. The results contribute to the development of Russian genealogy in the context of contemporary approaches to the study of the past.

Keywords: genealogy, nobility, phaleristics, merchants, genealogical sources, sociogenealogy

Наумов О. Н.

Вступительное слово

Современная генеалогия – это мощное, многообразное, универсальное научное знание и сфера перманентного социального интереса. Несмотря на то, что эта дисциплина является специальной, она в полной мере интегрирована в общий процесс познания макроисторического прошлого через микроисторические реалии. Однако то обстоятельство, что генеалогии приходится работать с огромными объёмами информации, детерминирует общие задачи, которые стоят перед ней в настоящее время. Общественный интерес, массовый поиск сведений о собственных предках приводят к доминированию эмпиричности в родословном дискурсе, к поиску информации ради информации, и в такой ситуации утрачивается осно-

вополагающий смысл генеалогического анализа – раскрывать процессы политического, социального, интеллектуального развития человечества и механизмы их реализации в повседневности. Названное противоречие можно обозначить как кризис родословного знания, и он происходит вне зависимости от обширности эмпирического поиска. Всё это актуализирует потребность в выработке новых подходов к осмыслению информации, которые придали бы бесконечному перечню фактов упорядоченность и раскрыли бы их глубинный, онтологический смысл. Именно теоретические, методические, источниковедческие и историографические проблемы становятся сейчас наиболее востребованными для модернизации современной генеалогии.

В данном контексте наш круглый стол преследует цель наметить пути преодоле-

ния кризиса этой научной дисциплины и способствовать ее развитию в контексте исторического познания.

Наумов О. Н.

Инновационные методы в изучении русского дворянства (социогенеалогия)

Методологически большинство современных исследований по родословию дворянства остаются позитивистскими, представляя собой собрание биографических фактов и сведений о семейных связях без попыток их анализа. Между тем познавательные возможности генеалогии как научной дисциплины гораздо многообразнее. Родословный субстрат присутствует в политической, экономической, интеллектуальной истории, в разных областях гуманитарного знания (праве, этнологии, литературоведении и т. д.). Очевиден разрыв между познавательным потенциалом генеалогии и его реализацией. Одним из способов преодоления этого может стать применение методики социогенеалогического анализа.

Генеалогия неразрывно связана с социальным бытованием дворянства. Она выполняла регулирующие и стратифицирующие функции, обеспечивала трансляцию внутрисословной культуры и образа жизни, определяла переход собственности и правовой статус. Следовательно, необходима методика, основанная одновременно и на генеалогии, и на социальной истории, и её можно назвать социогенеалогией.

В социогенеалогическом дискурсе род понимается как совокупность связанных родством и общим происхождением моделей, которые бытуют синхронно в конкретный период и эволюционируют вследствие объективных общеисторических и субъективных, антропологически ориентированных факторов. Принадлежность к социогенеалогической модели определяла место семьи или индивидуума внутри сословия.

Элита России всегда была неоднородна и состояла из различных категорий. Каждую из них можно интерпретировать как самостоятельную социогенеалогическую модель, имеющую структуру и состоящую из постоянных и временных элементов. К первым относятся: генезис рода, его гендерный состав, демографические параметры, стратификация, матримониальные связи, служебно-должностное положение, материальное благосостояние, территориальная локализация и др. Их интегрированное изучение позволяет идентифицировать принадлежность рода к конкретной модели. Однако существовали специфические, хронологически обусловленные элементы структуры: для XVI – XVII вв. – участие в местнических спорах, для XVIII – начала XX в. – правовое признание сословных прав, геральдикация, образовательная стратегия и др.

Стратификация элиты допетровской Руси очевидна и детально описана [43], а в последующих эпохах она как будто исчезает вследствие политики по консолидации дворянства. Однако в действительности и в XVIII – начале XX в. внутри сословия присутствовала латентная дифференциация, не выраженная юридически, но однозначно осознаваемая самими дворянами. Она выражалась в противостоянии родов древних и недревних. Социогенеалогическая стратификация сословия, желание правительства обеспечить лояльность старинных родов, недовольных официальным пренебрежением к происхождению, проявились при установлении новых норм признания статуса в 1785 г. Разделение учреждённых тогда губернских родословных книг на 6 частей в зависимости от способа получения дворянства противоречило идее о единой элите. На бытовом уровне неоднородная структура отображалась в конфликтах, которые возникали, например, при заключении браков между неравными в социогенеалогическом положении лицами.

Для элиты XVIII – начала XX в. можно выделить следующие социогенеалогиче-

ские группы: титулованное дворянство, нетитулованная аристократия, древнее столичное дворянство, древнее провинциальное дворянство, иностранные роды на русской службе и роды, выслужившие дворянство по чину или получившие его по ордену.

Социогенеалогический метод даёт возможность преодолеть хаотичность генеалогических и биографических фактов, выстроить их в систему на основе теоретической идеи, позволяет отказаться от позитивистского подхода к изучению благородного сословия, по-новому раскрыть механизмы взаимодействия макроисторических процессов и микроисторической событийности.

Для социогенеалогического исследования собирание конкретной информации не является приоритетной целью: оно только создаёт эмпирическую базу для осмысления истории рода. Точность анализа прямо зависит от полноты и разнообразия сведений, от количества и достоверности использованных источников. Определённая трудность при реализации метода возникает из-за необходимости работать с информацией широкой тематики и относящейся к различным периодам, поскольку род изучается многоаспектно на всём протяжении его существования.

Не следует отождествлять социогенеалогическое исследование с другими направлениями научного поиска: с просопографическим анализом, когда итогом является коллективная биография общности индивидуумов, ограниченной какими-либо критериями, с направлением, известным как история семей, когда цель изысканий заключается в реконструкции и синтезе представлений об образе жизни семьи, выяснении её характеристик и этапов развития, и с исторической антропологией, ориентированной на микроисторию преимущественно в культурологическом аспекте.

В социогенеалогическом дискурсе особое место занимает вопрос о гене-

зисе рода. Это сложный, многогранный процесс самоидентификации, далеко не одномоментный, занимавший иногда длительный, вплоть до столетия, период. Сначала из некоего «прарода» выделялась ветвь, она постепенно обретала самостоятельность. Формирование рода завершалось в момент, когда чётко определялось его место в структуре элиты, устанавливалась фамилия, избирался семейный духовный центр (монастырь, куда регулярно делались вклады и где погребали усопших) и, главное, начиналась внутренняя дифференциация. Становление многих русских древних родов относится к концу XV – первой половине XVI в., совпадая, таким образом, с периодом генезиса служилого сословия централизованного государства.

Для социогенеалогии принципиален структурно-гендерный анализ, связанный с определением демографических параметров рода. Одна из основных его задач состоит в том, чтобы установить максимально приближённую к истинной численность рода и, соответственно, отнести его к категории малочисленных, средних или многочисленных. Определение количественных характеристик представляет собой сложную задачу. Состояние источников по генеалогии и истории отечественной элиты таково, что далеко не все имена сохранились, а принадлежность многих лиц к конкретным семьям остается дискуссионной.

Для XV–XVII вв. недоучёт происходил прежде всего из-за отсутствия сведений о женщинах. Информация о них случайна и извлекается преимущественно из актов, связанных с недвижимостью, синодиков, немногих уцелевших надгробных памятников. По отношению к XVIII в. ситуация упрощается благодаря росту количества и разнообразия источников, фиксации женщин в опубликованных некрополях и т. д., но возникает другая сложность. Она определяется отсутствием до конца столетия целенаправленной посемейной фиксации дворянства. Это приводит к

появлению в любой родословной многочисленных лиц и даже целых ветвей, точное происхождение которых неизвестно.

Истинная численность устанавливается только для XIX – начала XX в., когда удалось наладить сравнительно полный учёт дворян в губернских родословных книгах. Неточности могут быть и в данном случае: из-за детей, умерших малолетними, или дочерей, которые не всегда причислялись к сословным корпорациям. Кроме того, подсчёты осложняются появлением однофамильцев.

Отчасти компенсировать лакуны источников позволяет структурно-гендерная статистическая таблица. Благодаря ей количество членов рода в каждом поколении устанавливается более адекватно. Обычно число женщин и мужчин в родословных оказывается примерно одинаковым к XIX в., а по отношению к предыдущим векам наблюдается диспропорция, иногда существенная. Мужчин всегда больше. Для определения приближенной к действительной численности следует в поколениях, приходящихся на XVI – XVIII вв., уравнивать количество мужчин и женщин. Известной закономерностью, что мальчиков рождается больше, чем девочек, в данном случае можно пренебречь. Очевидно, что полученная цифра тоже примерна, мужчины могут учитываться не полностью, но, все-таки, она более верна, чем если принимать во внимание только мужских представителей рода, как делается традиционно. В качестве примера рассмотрим гендерную структуру Аксаковых. Их известно 252 человека (167 мужчин и 85 женщин) [35, с. 465]; применяя описанную методику, получаем, что в роде насчитывалось 326 представителей.

Определяя принадлежность рода к количественной категории, следует принимать во внимание три обстоятельства: во-первых, то, что численность могла меняться в разные периоды (в одном веке род малочисленный, в другом – многочисленный); во-вторых, она могла разли-

чаться по ветвям (одна ветвь малочисленная, другая – нет); в-третьих, необходимо учитывать общие демографические процессы, особенно увеличение числа дворян в XIX – начале XX в. После 1917 г. из-за Гражданской войны, репрессий и последовавшего снижения рождаемости произошло резкое сокращение всех дворянских семей, что, в свою очередь, увеличило риск их пресечения.

При социогенеалогическом анализе необходимо учитывать стратификацию рода, часто состоявшего из ветвей, которые принадлежали к различным моделям. Выделение ветвей происходит по четырем основным критериям: 1) социальный статус; 2) место жительства или нахождения недвижимого имущества; 3) генеалогическое старшинство; 4) происхождение от определённого лица. Полноценная ветвь насчитывает не менее четырёх поколений, т. е. превосходит традиционную семью, состоящую из трёх поколений (бабушки и дедушки, родители, дети). Понятие «ветвь рода» неустойчиво. До XVII в., когда в семье были только родители с детьми, допустимо выделение ветви из трёх поколений.

Место рода в сословной иерархии наглядно демонстрируют матримониальные связи. Брачный союз с человеком более высокого положения становился «социальным лифтом» как для самой семьи, так и для родов, связанных с ней свойственными отношениями. Особую ценность всегда имело любое родство с монархами. В XVIII в. лица, выдвинувшиеся в петровское время или немного позже, широко использовали браки со старой аристократией, чтобы закрепить новый социогенеалогический статус и обеспечить его трансляцию. Брачные связи большинства родов были обусловлены территориальной близостью имений, местом жительства или службы, принадлежностью к одному родственному клану. Существенные социогенеалогические модификации произошли во второй половине XIX – начале XX в. Рас-

пространились союзы с лицами из иных сословий. Тенденция проявлялась во всех слоях сословия, в том числе в аристократии. Например, граф Б. А. Ефимовский в 1889 г. женился на дочери потомственного почётного гражданина О. А. Колли, а граф В. В. Капнист в 1906 г. – на дочери купца М. Г. Трофимовой¹. Дворянство утрачивало замкнутость, становилось более открытым сословием.

Принадлежность к социогенеалогической модели детерминировала служебно-должностное положение рода. Во многих случаях оно определилось ещё в конце XV – первой половине XVI в., когда формирование централизованного государства потребовало новой элиты. Рубежным событием стала Тысячная реформа 1550 г. Она создала возможность для служилых людей переместиться в столицу и предопределила их принадлежность к социогенеалогической модели (московское или провинциальное служилое сословие). На протяжении XVII в. постоянный рост численности государева двора, реформы в организации службы обусловили мобильность семей, их перемещение в иные категории.

При изучении истории родов в XVI–XVII вв. необходимо учитывать их включённость в местнический процесс, динамику и активность споров, круг соперников. Местничество интегрировало генеалогические и социальные факторы и изначально было, по сути, явлением социогенеалогическим. Состав участников разбирательств менялся, а «вымывание» рода из них определялось его угасанием или «захуданием» [58, с. 123]. Известны многочисленные случаи, когда социально выдвинувшиеся ветви отрицали общее происхождение с провинциальными и обедневшими однородцами [4, с. 51–53, 56]. Так произошло, например, у Пушкиных, когда младшая, но достигшая боярства ветвь умолчала о своих захудалых новгородских родичах.

¹ Центральный государственный архив Москвы. Ф. 4. Оп. 13. Д. 254. Л. 39; Д. 270. Л. 21.

В императорской России служебно-должностное положение, динамика движения в чиновничьей иерархии, пожалование придворного звания или чина определялись не только ограничениями или возможностями, которые давали происхождение и родство, но и социальным приоритетом, когда военная служба считалась более почётной, чем гражданская. В реальности это положение реализовалось через представление о «семейной традиции», стремление сыновей повторить карьеру отца. Наглядным случаем может служить род Аксаковых, где в одной ветви традиционно избирали военную, а в другой – гражданскую службу [35, с. 456, 459].

При социогенеалогическом дискурсе нельзя упускать из виду материальное благосостояние, опосредованно, но очевидно связанное с генеалогическими факторами. Сопровождаемое приданным заключением брака, наследование собственности, разделы имущества между родственниками, будучи фактами генеалогии, одновременно влияли и на благополучие семьи. Кроме того, материальный достаток часто зависел от служебно-должностных реалий, косвенно отражая социогенеалогический статус. Бюрократическая верхушка всегда обладала широкими возможностями для увеличения недвижимой собственности. В допетровский период существовало прямое соотношение чина с размером помещного и денежного окладов, в XVIII в. аристократия поддерживалась через императорские пожалования земель и денежных сумм.

Динамика благосостояния напрямую зависела от служебно-должностного статуса. Как правило, перемещение из высших слоёв сословия в низшие влекло за собой изменения в достатке семьи – прежде всего, уменьшение земельной собственности – но это происходило не сразу, а через 1–2 поколения. Обратный процесс, перемещение в категорию аристократии, также приводило к экономи-

ческой эволюции, но, в отличие от первого случая, когда условное «обнищание» растягивалось во времени, обогащение происходило быстро. В качестве примера можно указать на стремительный рост вотчин у Стрешневых после породнения с царской семьей [36, с. 10–11].

При изучении родов на рубеже XVIII – XX в. необходимо учитывать правовые аспекты бытования дворянства. Юридическое признание или непризнание за человеком принадлежности к благородному сословию влекло многочисленные социальные, служебно-должностные, экономические последствия. Интегрирующим моментом правового оформления статуса и происхождения стало внесение рода или лица в родословные книги. Фиксация в них была юридическим действием, означавшим вступление в сословную корпорацию, после которого дворянин получал возможность реализовать свои права и привилегии. Изучение хронологической динамики записи в книги, гендерного состава внесенных, составление перечня корпораций, к которым принадлежала семья, создают основу для выяснения стратификации рода, реконструкции его демографических параметров, определения территориальной локализации и т. д.

Изучение дворянского рода должно происходить в контексте социальной, политической, экономической и интеллектуальной истории. Такая методика позволяет объективно объяснить его эволюцию, принадлежность к конкретной социогенеалогической модели, дистанцировать события, обусловленные тенденциями в развитии сословия, от индивидуализированных сюжетов. Это создает возможность верифицированно реконструировать сочетание макро- и микроисторических факторов в историческом процессе.

Социогенеалогическое исследование информационно, методически и тематически является комплексным, интегрирующим различные области науки

(генеалогию, геральдику, историю экономики, антропониимику, демографию, право и т. д.). Оно полностью соответствует инновационным направлениями гуманитарного дискурса, направленным на познание Человека во всем многообразии его исторического бытия. Массовое использование нового метода способно сделать модернизацию родословного знания более интенсивной, расширить гносеологические возможности генеалогии, добиться качественных изменений в понимании прошлого, что будет способствовать совершенствованию методологических основ современной гуманитарной науки в целом.

Калинин Д. А.

Фалеристический аспект в генеалогических исследованиях (по материалам советского периода)

Интерес к прошлому своей семьи в последнее время переживает в России очередную подъём. Для генеалогических исследований необходим багаж знаний и умений, относящихся к специальным историческим дисциплинам. Почти всегда исследования носят междисциплинарный характер, и примером такой связи является информационный диалог между генеалогией и фалеристикой.

Нередко интерес к истории рода начинается с вопроса о том, был ли кто-то отмечен наградами. Награда – знак социально-политический, и поэтому включённый в социогенеалогическую историю рода. Наряду со званиями, чинами, титулами наградные знаки отличия входили в систему социального этикета, близко примыкающую к генеалогии [9]. Не случайно в досоветский период наличие наград указывалось в биографических справках поколенных росписей знатных родов. Эта традиция сохранилась и в современных генеалогических изданиях [15]. С течением времени состав справки расширялся: сначала ордена не указывали или упоминали только их высшие сте-

пени [14; 19; 20; 48], а также отмечалось наличие дополнительных элементов, повышавших статус награды (например, украшение знаков ордена бриллиантами) [28]; затем стали перечислять все имевшиеся у конкретного лица ордена (включая иностранные)¹[31], а потом упоминали медали и другие отличия [5; 53]. Даты награждения также сначала почти не указывали [14; 28; 48], но потом и они появились, иногда с конкретизацией заслуг [5; 53]. Из этого можно сделать любопытный вывод: со временем, когда наименований знаков отличия становилось все больше, награждения производились чаще и охватывали уже не только представителей дворянского сословия, в сознании последнего девальвации наградного института не происходило. Перечисление как можно большего числа фалеронимов свидетельствовало об их высоком значении для общего представления о статусе рода, его вовлечённости в общественно-политические процессы, о выполнении его представителями главной цели дворянина – служения Отечеству и Государю. Награждения выступали мерилем благосклонности монархов и, соответственно, демонстрировали близость к престолу.

При советской власти, отвергшей прежние награды, тоже была привилегированная часть общества, были свои звания и знаки отличия, а также настоящий культ Героев. Награждения выступали средством формирования, поощрения и дифференциации элиты общества [18, с. 130]. На государственном уровне издавались справочники о кавалерах высших наград – героях войны и труда, краснознаменцах, лауреатах премий. В годы Великой Отечественной войны и в послевоенные десятилетия награды стали массовым явлением, важным атрибутом повседневности. Именно в этом видится возрождение интереса к семейной героической истории в условиях «развитого социализ-

ма». Поскольку награждения советского периода тщательно документировались, вёлся их централизованный учёт и хранение сопроводительных материалов, в настоящее время именно награды являются одним из наиболее ценных источников для реконструкции биографий.

Согласно классификации награды занимают промежуточное положение между вещественными и письменными источниками, поскольку любому награждению сопутствует комплекс документов, адресованных как награждателю (для обоснования награждений и их учёта), так и наградополучателю (для подтверждения факта награждения). Отсюда появляется возможность с помощью имеющихся в распоряжении знаков отличия с идентификационными признаками (номерами) и/или документов к ним установить факты биографии их владельцев. Кроме того, в фалеристическом аспекте генеалогического исследования могут быть задействованы и другие источники, носящие изображение награжденного либо повествующие о получении им орденов, медалей, знаков.

При наличии в семье наград или фотографий лиц, отмеченных ими, существует возможность узнать имя отличившегося и получить дополнительные сведения о нём. Простейший метод исследования – изучение наград и документов к ним, а также беседы с родственниками. Однако этого не всегда достаточно. Проанализируем типовые исследовательские ситуации, которые могут возникнуть при реконструкции сведений о предках, живших в советский период.

Ситуация первая: есть награды, но нет документов к ним. Для начала следует понять, сохранился ли полный комплект знаков отличия, принадлежавших одному лицу, или он фрагментирован. Нередки случаи, когда после смерти награжденного его ордена, медали и знаки могли поделить между собой родственники. Следует также учитывать, что до февраля 1977 г. на законодательном уровне

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 720. Оп. 1.

была закреплена практика возвращения орденов и медалей и документов к ним государству; исключения были сделаны для некоторых медалей, в основном памятных и юбилейных, а также для ордена Отечественной войны, которые оставались на хранение в семье как память. Однако если это требование и выполнялось, то преимущественно для наград известных и высокопоставленных кавалеров, прежде всего, из числа военных.

На начальном этапе установить перечень наград могут помочь изобразительные источники разного периода (т. к. со временем могли не только появляться новые награды, но и быть утрачены прежние), а также любые документы, в которых зафиксированы факты награждения. В дальнейшем для успешного исследования необходимо соответствие хотя бы одному условию: имеющиеся награды должны быть номерными либо редкими, относиться к определённым организациям или иметь связь со значительными событиями. Последнее условие в настоящее время актуально лишь для орденов, медалей и знаков отличия, связанных с Первой мировой и Великой Отечественной войнами, благодаря появлению таких банков данных, как «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов», «Подвиг народа» и «Память народа», ориентированных на поисковые запросы о наличии наград.

Сведения об установлении принадлежности орденов и медалей по их номерам находятся преимущественно в ведомственных архивах, к фондам которых доступ ограничен. Установить награждённого по номеру знака отличия можно только по запросу, направленному органом власти, музеем или иной организацией. Без обращения в архив по номеру можно определить примерную дату вручения награды, сравнивая её с датами выдачи одноимённых фалеронимов, имеющих близкий номер.

Ситуация вторая: самих наград нет, но есть документы к ним или только с

упоминанием о них. Основными личными документами, содержащими сведения о наградах, являются орденские книжки, удостоверения к медалям, военные билеты и трудовые книжки. В 1960-е гг. военнообязанным вместо красноармейских и краснофлотских книжек выдавали военные билеты, где содержатся сведения о наградах. В годы Великой Отечественной войны, как правило, выдавали временные удостоверения, которые затем следовало обменять на постоянные наградные документы; большинство таких удостоверений были обменены на орденские книжки или удостоверения к медалям в 1946–1947 гг.

Некоторые документы подтверждают факт участия в событиях, за которые при соблюдении определенных критериев следовало награждение: это удостоверение участника или инвалида войны, комсомольские путёвки на строительство БАМа, грамоты за участие в оказании интернациональной помощи и др. Сведения о награждении могут содержаться в семейных архивах: дневниках, воспоминаниях, письмах с фронта, в вырезках из газет, мемуарах.

Определенный нюанс связан со званием ветерана труда: за ним может скрываться как награждение одноименной государственной медалью, врученной от имени Президиума Верховного Совета СССР с 1974 по 1991 гг., так и всего лишь знак за долголетнюю работу на предприятии (при этом медали могло и не быть).

Ситуация третья: есть только изобразительные источники (фотографии, видео, портреты), запечатлевшие родственника с наградами или планками с лентами от них. В данном случае проводится фалеристическая экспертиза, заключающаяся в анализе знаков отличия или их лент, в определении даты, ранее которой снимок не мог быть сделан (по наиболее поздно учрежденной награде), либо промежутка времени (между достоверно известными награждениями). При этом можно привлекать наградные доку-

менты или вовсе обойтись без них. Следует иметь в виду, что набор наград или лент может быть неполным.

Маркёрами на изображениях выступают также знаки общесоюзного образца, например, для ударников труда или пятилеток, победителей соцсоревнования, выпускников учебных заведений, лауреатов премий, носителей почётных званий. Для военнослужащих и граждан, работавших в ведомствах, в которых было предусмотрено ношение форменной одежды, именно форма выступает в качестве дополнительного датирующего признака.

Ситуация четвертая, наиболее сложная: от родственника в наследство не осталось никаких личных материалов, кроме минимальных биографических сведений и предположений об участии в войне или упоминаний, например, о том, что человек являлся ударником-орденоносцем. В данном случае проще установить факт награждения в отношении участников войны, поскольку информацию о них можно попытаться отыскать на ресурсах «Подвиг народа», «Память народа», «Герои страны» или «Бессмертный полк». Поскольку ещё не все документы выложены в свободный доступ, целесообразно обращаться в архивы, в фондах которых хранятся награжденные материалы, особенно если человек имел отношение к определённому ведомству.

При поиске информации о судьбе военнослужащих в архивах генеалогии рекомендуют делать самостоятельный запрос о наличии наград. При положительном ответе результатом может быть обнаружение учётной карточки, а также представления к награде, приказа о награждении и наградного листа; последний является ценным источником персональных сведений, не ограничивающихся описанием боевого пути (от места призыва до места демобилизации или гибели), подвига и прочих заслуг. Учётные карточки, введённые в 1947 г., заполнялись только на награждённых солдат и офице-

ров. В них переносились сведения из карточек, заполненных во время войны; на погибших карточки не переоформляли. Эти карточки привязывались к номеру орденовой книжки и/или удостоверению к медали. Возможно наличие нескольких карточек на одного человека, составленных в разное время и привязанных к разным наградным документам. Помимо общих сведений о владельце награды они содержат информацию о ближайших родственниках с годами их рождения и адресом проживания.

Анализ методики поиска сведений о лицах, награждённых советскими знаками отличия, свидетельствует о наличии тесной связи между фалеристикой и генеалогией. Являясь одним из источников, награды, связанные с государственной властью и осуществляемыми ею мероприятиями в различных сферах жизни, демонстрируют включённость их обладателей в общественно-политический процесс, что в свою очередь практически гарантирует возможность через изучение наградных материалов осуществить восстановление истории рода.

Ильина Е. Б.

Проблемы изучения генеалогии провинциального купечества (по материалам Владимирской губернии)

Переломным временем для купечества является конец XVIII – начало XIX в. Именно в это время формируется купец-предприниматель, для которого был важен не только рост капитала, но и служение обществу. В XIX в. произошло разделение купечества на группы, различавшиеся видами предпринимательской деятельностью, гильдейской принадлежностью, уровнем жизни и размером капитала. Но отличия намечались и в образе жизни столичного и провинциального купечества. Первое из них стремилось приобщиться к жизни дворянства, тогда как провинциальное оставалось консер-

вативным, сохраняя семейные традиции и устои своего сословия.

Следует отметить, что большинство исследований посвящено проблемам экономической деятельности купцов, тогда как демографический, генеалогический, этнографический, социальные аспекты истории этого сословия остаются практически не изученными. Большинство работ касается столичного или сибирского купечества, а изучение купечества других регионов оставляет желать лучшего.

С объективной точки зрения тема провинциального купечества практически не исследована, и это касается таких семей, как Зворыкины, Мурашкины, Никитины, Первушины, Зубовы, слава о которых гремела по всей России. О менее известных купцах и говорить не приходится. Между тем изучение генеалогии купечества сейчас очень актуально, поскольку с конца 1980-х гг. Россия вернулась на традиционные пути своего развития, в том числе возросла ценность семейной, родовой культуры.

В литературе о купцах Владимирской губернии писалось довольно много. Это, прежде всего, региональные издания, в том числе периодики. Богатейший материал для исследований дают «Владимирские губернские ведомости» и «Владимирские епархиальные ведомости». Нельзя не отметить работы, которые создавались специально к какому-либо событию. Например, труды экономистов В. С. Пругавина и С. А. Харизоменова «Промыслы Владимирской губернии» [47], вышедшие в печать в 1882 и 1884 гг. в Москве. Материалы для работ экономисты собирали в течение 1880 г. по поручению комиссии по устройству кустарного отдела промышленно-художественной выставки в Москве 1882 г. Рассматривая промыслы, авторы упоминали о деятельности династий купцов и об их взаимодействии с другими предпринимателями. Упоминались владимирские купцы и в мемуарной литературе: воспоминаниях М. П. Чехова, С. Я. Елпатьевского,

Н. А. Варенцова, П. А. Бурьшкина и др. [57; 22; 11; 10]. О взаимодействии купцов разных уездов между собой дают представление книги М. Н. Барышниковой, П. А. Примаченко, «1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов», вышедшие в 1990-х гг. [7; 46; 56]. Используя документы и печатные материалы XIX в., авторы порой не указывают своих источников, например, так поступил П. А. Примаченко [46], рассказывая о крупнейших фабрикантах Прохоровых, Крестовниковых и др.

Неотъемлемой задачей любого генеалогического исследования является составление родословной. Для этого используют массовые делопроизводственные документы, хранящиеся в фондах Москвы и Владимира. Огромное количество не изученной пока генеалогической информации содержат метрические книги и ревизские сказки купцов.

В метрических книгах имеются сведения о месте и дате рождения, сословии, именах и фамилиях родителей, бракосочетаниях, количестве детей, их именах и возрасте. Но, несмотря на то, что метрические книги содержат уникальную информацию для составления родословных купечества, в них есть ряд существенных недостатков: проблемы идентификации личности при рождении, бракосочетании, смерти; неточность сведений о возрасте; сокращение слов с выносом титлов. Многие ошибки не поддаются анализу и расшифровке.

Основным источником для изучения генеалогии провинциального купечества, в том числе и владимирского, являются ревизские сказки. Они содержат информацию, записанную представителем власти для взывания налогов. Это уникальные сведения о демографическом составе купеческого сословия. Сказки записывались со слов самих купцов и содержат достоверную информацию о домохозяйстве, отношениях родства, половозрастном составе, годе причисления в купечество.

Генеалогический аспект занимает важное место в изучении купеческих семей. Это связано с их деятельностью, так как успех предпринимательской деятельности напрямую зависел от наличия преемственности капитала и образования династий.

В данном случае династия – это преемственность, сохранение и накопление капитала, сохранение положения в первых двух гильдиях не менее двух поколений. Наиболее крупными по численности купечества и промышленным заведениям в XIX в. во Владимирской губернии считались города Владимир, Суздаль, Муром, Юрьев-Польский, Александров. Исследование подтверждает неустойчивость купеческих родов и династий, длившихся одно-два поколения. Из 70 семей, которые числились в первой и второй гильдиях, значительная часть (56%) выбыла из состава гильдий ещё при жизни купца, который объявил капитал (например, Первушины, Сущевы). В отдельных случаях (22%) перемещение из состава купечества в мещанство осуществлялся детьми (Бибановы, Ермолины). Переход в мещанство или в третью гильдию происходил в третьем поколении рода (в частности, Зворыкины, Агаповы, Растворовы) у 9,1%. И только 4,5% купеческих родов насчитывали больше трёх генераций (Барановы, Зубовы, Никитины)¹. Переходы из одной гильдии в другую или переход в мещанство сильно затрудняют изучение генеалогии провинциального купечества.

Несмотря на это, наибольшей стабильностью и преемственностью отличались купеческие семьи первой гильдии. Высокая устойчивость родов определялась совместной деятельностью и торгово-промышленным предпринимательством. Недвижимость (жилые дома, торговые помещения, промышленные предприятия) играли большую роль в укреплении преемственности купеческих родов.

¹ Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 15, 16, 22, 26, 28.

Неустойчивость купеческих семей может быть обусловлена несколькими факторами: отсутствие наследников, деловая хватка, налогообложение, правовое положение, таможенная политика, особенности развития различных отраслей промышленности и т. д. Эти факторы одновременно оказывали существенное влияние на успешность торгово-промышленного дела и на генеалогическую устойчивость династии. Доктор исторических наук А. И. Аксенов считал социально-экономические факторы основными из всех [2], но он также не отрицал того факта, что в отдельных случаях первичными оказывались биологические факторы. Подобную ситуацию можно проследить на примере истории рода муромских купцов 2-й гильдии Зворыкиных. Их последний представитель умер, не оставив потомства. На устойчивость династии, несомненно, влияла многодетность. В подобном случае имелись негативные экономические последствия из-за раздела имущества между родителями и детьми. Это могло частично или полностью способствовать перемещению семью в низшую гильдию или иное сословие, хотя и в такой ситуации имелись исключения. В качестве примера можно привести историю раздела имущества между братьями Мездряковыми (Муром, 1828 г.) или Барановыми (Александров, 1863 г.)². Все члены этих семей после раздела числились в составе первой гильдии.

«Продолжительность купеческих династий, как правило, составляла два-три поколения. Наследникам не передавались качества, характер родоначальника рода, и он угасал, вырождался» [7, с. 46]. Упомянутый выше М. Н. Барышников отмечал важность личных качеств и способностей. Определить, кто из купцов имел необходимые деловые качества, в большинстве случаев очень сложно и возможно лишь косвенно, исходя из успешности их коммерческой деятельно-

² Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 301. Оп. 3. Д. 407; Ф. 389. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–13.

сти. Примером такого удачливого предпринимателя могут считаться суздальские купцы Ермолины. Основоположник их династии Лука Дмитриевич всю жизнь увеличивал капитал и занимался приобретением недвижимости. Его сын Федор Лукич выбыл в мещанство после смерти отца¹. Возможно, что он не имел качеств коммерсанта, как родитель.

Исторически сложилось так, что купцы вкладывали капиталы в промышленность или отдельные купцы являлись владельцами предприятий, так как «российское купечество видело в приобретении или строительстве промышленных предприятий наиболее надежное помещение капиталов, обеспечивающее прочность существующей фамилии» [45]. Из изученных нами купеческих родов Владимирской губернии большинство были владельцами фабрик и заводов. Те же, кто не имел таких предприятий, являлись представителями торгового капитала. При этом необходимо отметить такую генеалогическую тенденцию: среди них полностью отсутствуют династии, в которых насчитывалось бы более двух поколений. Основная часть их династий не сформировалась. Данный факт свидетельствует о том, что вложение капиталов детерминировало сохранение династии.

Однако купцы-промышленники в очень значительной степени зависели от рыночного спроса на товар, который ими производился, а торговое купечество являлось более мобильным, могло легко изменить объект торговли на более выгодный. Возможной причиной разорения купеческих родов и перехода в другое сословие являлось резкое снижение спроса. Представители династий, в основном первой и второй гильдий, пережили в 1850-х – 1870-х гг. не лучшие времена. Так, многие купеческие семьи Суздаля и Юрьев-Польского разорились, некоторые предприятия были преобразованы в товарищества (Зубовская, Соколовская в

Александрове). Кризис в Муроме на полотняных фабриках затронул купеческие семьи в середине XIX в. Многие фабрики производили полотняные ткани для изготовления парусины, которые поставлялись на экспорт и в казну. Развитие парохозяйства стало угрозой для существования и фабрик, и капиталов их владельцев соответственно.

Кожевенная промышленность также была связана с экспортом. Во Владимирской губернии, как и по всей России, существовало множество мелких мануфактур по выделке кож. Весь XVIII в. действовал запрет на вывоз выделанных кож, что способствовало сохранению отечественного производителя. В конце XVIII в. в губернии насчитывалось 98 кожевенных заводов, большинство из которых находилось в Суздале и Муроме (21 и 17) [54, с. 8]. Они поставляли выделанные кожи на европейский рынок, но повышение тарифов позволило вывозить из страны сырые кожи. Это привело к тому, что к 1830-м гг. число кожевенных заводов резко сократилось, в Муроме их стало 6, в Суздале – 3. Большинство купеческих семей разорилось, что привело их к переходу в другие гильдии или сословия. Положение сохранили купцы, вовремя изменившие производство (в частности, муромские купцы Емельяновы стали заниматься не кожевенным производством, а полотняным), или те, кто владел одновременно несколькими производствами различного профиля (например, купцы Мяздриковы владели наряду с кожевенными заводами салотопленным производством) [54].

Провинциальное купечество сталкивалось с различными и многочисленными трудностями при сохранении рода в составе своего сословия. Помимо стабильного капитала было необходимо обладать определенными деловыми и коммерческими качествами. Не все семьи смогли справиться с такими проблемами, что оказывало влияние на их генеалогическую стабильность.

¹ Государственный архив Владимирской губернии. Ф. 405. Оп. 1. Д. 600.

К сожалению, очень сложно проследить все аспекты наследования, взаимодействия купеческих родов между собой, их связь с собственностью. Причина такой ситуации заключается в недостаточной разбросанности материалов, отсутствии систематической информации, малой изученности темы. Не исключено, что при работе с архивами Москвы и Владимира будут выявлены новые факты по истории и генеалогии купеческих родов, таких как Семеновы, Обрезковы, Филимоновы и др., что позволит более полно и объективно представить жизнь купечества Владимирской губернии, создать полную картину генеалогической преемственности купеческих родов.

Полянская Ю. Н., Сахаров И. В.

Генеалог А. А. Сиверс в окружении друзей и коллег

Возрождение интереса к генеалогическим исследованиям в нашей стране, начавшееся в конце 1980-х гг., и воссоздание вслед за этим Русского генеалогического и Историко-родословного обществ привели к осознанию необходимости изучения деятельности и наследия наших предшественников. В конце XIX – начале XX в., когда генеалогическая наука в России переживала расцвет, был накоплен значительный источниковедческий и методический опыт, который может быть использован современными исследователями. Изменение политической ситуации после 1917 г. не позволило многим генеалогам завершить и опубликовать свои труды. Между тем эти работы до сих пор не потеряли актуальности и ждут введения в научный оборот.

Деятельность историков-генеалогов необходимо изучать, принимая во внимание среду их профессионального и дружеского общения, подходить к каждому человеку не изолированно, а в окружении единомышленников. Поэтому в данном случае целесообразно использовать метод просопографического анализа.

Пристального внимания историков науки заслуживает Александр Александрович Сиверс (1866–1954), генеалог, внёсший своей научной и общественной деятельностью заметный вклад в развитие этой научной дисциплины [41]. При этом А. А. Сиверс продолжил заниматься генеалогией после 1917 г., когда она оказалась фактически запретной, и стал связующим звеном между дореволюционными и современными исследованиями.

Для написания статьи были привлечены, прежде всего, материалы четырёх личных фондов А. А. Сиверса, сохранившихся в архивохранилищах Петербурга и Москвы (Архива Санкт-Петербургского института истории РАН, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, отдела письменных источников Государственного исторического музея), и документация этих фондов в архивах. Использованы также документы Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры, сотрудником которых А. А. Сиверс был в 1920-е гг., его следственное дело и другие архивные материалы. Некоторые важные моменты раскрывают воспоминания его дочери – Т. А. Аксаковой.

Судя по сохранившимся свидетельствам, а также по богатому наследию А. А. Сиверса, он был человеком чрезвычайно трудолюбивым. Однако, несмотря на постоянную загруженность, историк находил время для общения с друзьями и коллегами. Неизменной темой их обсуждений были генеалогические вопросы.

Долгие годы одним из самых близких друзей А. А. Сиверса был Николай Николаевич Муханов (1861–1922). Они оба служили в удельном ведомстве в Петербурге, а в 1890–1891 гг. даже наняли вместе квартиру на Шпалерной улице. Вместе с ними в той же квартире поселились Яков Исаевич Элиасберг (1859–1905), служащий в Гражданском кассационном департаменте Сената, и Иван Павлович Шипов (1865–1920),

чиновник канцелярии Комитета министров. «Содружество на Шпалерной улице» (выражение Т. А. Аксаковой [1, с. 48]) одним из первых покинул А. А. Сиверс после женитьбы. Однако дружба продолжилась, более того, А. А. Сиверс увлек друзей историей. Так, когда в сентябре 1897 г. А. А. Сиверс подал прошение о зачислении в Археологический институт, одновременно с ним аналогичные прошения подали его друзья Н. Н. Муханов и Я. И. Элиасберг¹. В воспоминаниях дочери А. А. Сиверса упоминается, что эти его друзья часто бывали у них дома.

В 1902 г. А. А. Сиверс стал членом закрытого элитарного клуба – Санкт-Петербургского Английского собрания. Здесь у него появилась возможность регулярно общаться не только с И. П. Шиповым и Н. Н. Мухановым, но также с другими членами клуба. Так, собрание посещали некоторые генеалоги – члены Русского генеалогического общества (РГО) Михаил Иванович Ушаков, а также Александр Сергеевич Ермолов (1851–1916) и князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921). А. С. Ермолов, вероятно, познакомил А. А. Сиверса с другим членом Клуба – своим двоюродным братом генерал-лейтенантом Григорием Петровичем Ермоловым (род. в 1834 г.), личные бумаги которого впоследствии оказались в собрании А. А. Сиверса². То же можно сказать о части личного архива другого посетителя Английского клуба – Сергея Елизаровича Смельского (род. в 1838 г.), члена Совета министра Императорского двора³.

В ноябре 1906 г. А. А. Сиверс и Н. Н. Муханов одновременно были при-

няты в члены Историко-родословного общества в Москве. Известно, что А. А. Сиверс общался со многими его членами. Свидетельством этого являются адресованные ему письма Л. М. Савелова⁴, Н. В. Мятлева⁵, Н. П. Чулкова⁶ и Д. В. Ульянинского⁷, из которых видно, что А. А. Сиверс регулярно обменивался с ними различными генеалогическими сведениями. Кроме того, А. А. Сиверс принял участие в сборнике статей, посвященном Л. М. Савелову [52].

В это же время происходит сближение А. А. Сиверса с Русским генеалогическим обществом в Петербурге. Способствовал этому Борис Львович Модзалевский (1874–1928) [21; 38], в то время уже известный литературовед, который активно интересовался просопграфией и генеалогией. Вероятно, именно Б. Л. Модзалевский, ставший в 1907 г. членом-сотрудником Русского генеалогического общества, окончательно склонил А. А. Сиверса к вступлению в него. Б. Л. Модзалевский и А. А. Сиверс регулярно обменивались сведениями по интересующим их фамилиям⁸. Со временем он стал, по словам дочери А. А. Сиверса, «ближайшим другом» её отца [1, с. 329, 441].

5 марта 1908 г. на общем ежегодном собрании Русского генеалогического общества А. А. Сиверс был избран действительным членом. Его кандидатура была предложена бароном Н. А. Типольтом и В. С. Арсеньевым⁹, которые вошли в круг его близких друзей.

Барон Николай Аполлонович Типольт (1864–1948), морской офицер, генерал-майор флота, был членом Русского генеалогического общества со времени его создания, а с 1907 г. – членом совета (казначеем). Он основательно интересо-

¹ Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга. Ф. 119. Оп. 1. Д. 75. Л. 257–260.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1068. Оп. 1. Д. 233–305; Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 163, 179.

³ ГАРФ. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 760–823; Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 67, 178, 208.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 720. Оп. 1. Д. 64.

⁵ РГИА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 54.

⁶ РГИА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 75.

⁷ РГИА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 72.

⁸ РГИА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 51.

⁹ РГИА. Ф. 1491. Оп. 1. Д. 19, 23.

вался вопросами генеалогии и особенно геральдики. Барон Н. А. Типольт тесно сотрудничал с Владиславом Крескентьевичем Лукомским (1882–1946), в 1915 г. они совместно издали книгу «Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов». Вероятно, именно барон Н. А. Типольт познакомил А. А. Сиверса с В. К. Лукомским. Последний вступил в Русское генеалогическое общество в 1910 г., с 1915 г. состоял в должности управляющего Гербовым отделением Сената.

Василий Сергеевич Арсеньев (1883–1947) был хорошо известен в генеалогических кругах, несмотря на то, что в 1908 г. ему было всего 25 лет [35, с. 165–208]. В 1903 г. был издан его капитальный труд «Род дворян Арсеньевых. 1389–1901» [16]. С 1910 г. В. С. Арсеньев служил в Туле, где стал одним из главных организаторов и первым председателем Тульской ученой архивной комиссии. В 1915 г. он занял должность псковского вице-губернатора, стал членом-учредителем и фактическим создателем Псковской ученой архивной комиссии. Надо полагать, что именно благодаря знакомству с В. С. Арсеньевым А. А. Сиверс стал членом обеих названных комиссий.

После вступления в Русское генеалогическое общество А. А. Сиверс завершил и опубликовал монографию, подготовленную совместно с Н. Н. Мухановым, – «Материалы к родословию Мухановых» [42; 50].

В декабре 1908 г. благодаря посредничеству Б. Л. Модзалевского завязалась переписка А. А. Сиверса, а затем и личное знакомство, с состоявшим в то время на военной службе Вадимом Львовичем Модзалевским (1882–1920), младшим братом Б. Л. Модзалевского [55]. Незадолго до этого В. Л. Модзалевский опубликовал первый том «Малороссийского родословника» [32], А. А. Сиверс сообщил ему дополнения и поправки к одной из родословных (Дунин-Борковских) и задал вопрос о малороссийском роде,

которым сам интересовался – Мартосах (к нему принадлежали его предки по линии матери)¹. Встретились интересы двух увлеченных историков, и их сотрудничество стало очень продуктивным. Так, А. А. Сиверс внёс большой вклад в опубликованную В. Л. Модзалевским поколенную роспись Мартосов [32, т. 3, с. 433–459].

В феврале 1911 г. в Русское генеалогическое общество вступил Николай Карлович фон Эссен (1885–1945) [24; 39]. Общие генеалогические интересы сблизили его с А. А. Сиверсом. Заведую полковым музеем лейб-гвардии Семеновского полка, Н. К. Эссен отдавал много сил изучению истории своего полка, уделяя особое внимание персоналии и генеалогии. О том, в какой степени он был увлечён генеалогией, говорит тот факт, что даже во фронтовых условиях во время Первой мировой войны не оставлял генеалогических занятий. В то же время Н. К. Эссен поддерживал переписку с А. А. Сиверсом². Свидетельством близких отношений генеалогов является то, что Н. К. Эссен, эмигрируя в Эстонию в 1920 г., оставил свой архив А. А. Сиверсу.

В 1913 г. А. А. Сиверс занял пост библиотекаря Русского генеалогического общества [40]. Приняв библиотеку, он установил чёткий порядок её использования членами общества – предоставил возможность посещать библиотеку еженедельно, по четвергам. В определённые часы они не просто могли приходиться за книгами – для них появилась возможность регулярных встреч и общения с коллегами-генеалогами. Такие четверговые встречи со временем приняли форму научных собраний, где читались доклады. Еженедельные встречи способствовали установлению тесных связей между А. А. Сиверсом и его коллегами.

После ликвидации удельного ведомства в 1918 г. А. А. Сиверсу удалось начать новую деятельность в качестве исто-

¹ РГИА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 52; л. 1–1 об.

² РГИА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 77. Л. 5–6.

рика-архивиста. Еще в марте 1917 г. он вошёл в число членов-учредителей Союза российских архивных деятелей, а после его преобразования в октябре 1919 г. А. А. Сиверс был избран заместителем председателя и казначеем (председателем стал С. Ф. Платонов, секретарем – А. Н. Макаров) [23].

В августе 1918 г. А. А. Сиверса пригласили работать в Петроградском отделе новосозданного Единого государственного архивного фонда, и вскоре он был утверждён в должности заведующего одного из его отделов¹. Его непосредственным начальником стал Александр Николаевич Макаров (1888–1973). У А. А. Сиверса сложились с ним дружеские отношения, А. Н. Макаров часто бывал в его доме [1, с. 369], А. А. Сиверс увлёк его генеалогией, 14 октября 1919 г. тот вступил в генеалогическое общество².

Генеалогические интересы объединяли А. А. Сиверса с некоторыми другими коллегами по архиву. Среди них назовем Сергея Васильевича Любимова (1872–1937) и Юрия Александровича Нелидова (1874–1940), а также князя Николая Владимировича Голицына (1874–1942), Алексея Васильевича Шебалова (род. 1869 г.) и Георгия Соломоновича Габаева (1877–1956).

С. В. Любимов (член Русского генеалогического общества с 1912 г.) до 1917 г. опубликовал ряд генеалогических трудов [29; 30]. В 1926 г. он был частично парализован [34; 50, с. 163–165]. Вероятно, к этому времени относится передача им некоторых своих бумаг А. А. Сиверсу, в частности росписи гр. Булгари³.

Ю. А. Нелидов (член Русского генеалогического общества с 1913 г.) позднее стал заведовать библиотекой Александринского театра, а в 1935 г. был выслан из Ленинграда в Горький [13]. Значительная часть генеалогических трудов

Ю. А. Нелидова хранится в его личном фонде в отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁴. Вместе с тем в личном фонде А. А. Сиверса в отделе письменных источников Государственного исторического музея отложилось шесть папок с рукописями Ю. А. Нелидова, в том числе материалы о потомстве барона Павла Шафирова.

Примечательно, что и С. В. Любимов, и Ю. А. Нелидов продолжили свою деятельность как генеалоги в советские годы – они печатались в «Русском евгеническом журнале».

Князь Н. В. Голицын, А. В. Шебалов и Г. С. Габаев вступили в генеалогическое общество после 1917 г., вероятно под влиянием А. А. Сиверса, который фактически руководил его деятельностью с конца 1917 г. (после того как уехал в эмиграцию товарищ председателя Русского генеалогического общества барон М. А. Таубе).

В апреле 1923 г. в результате первой «чистки» Петроградского отделения Единого государственного архивного фонда А. А. Сиверс и другие специалисты были уволены. В то же время А. А. Сиверс сохранил должность научного сотрудника постоянной комиссии по нумизматике и глиптике в Российской академии истории материальной культуры. Здесь его коллегой был, например, нумизмат Алексей Константинович Марков (1858–1920). После его смерти, вероятно, его дочь передала А. А. Сиверсу семейные бумаги (имущественные документы и письма) рода Марковых⁵.

С августа 1923 г. А. А. Сиверс состоял сотрудником отдела нумизматики Государственного Эрмитажа⁶. Директором Эрмитажа в 1918–1927 гг. был известный геральдист и издатель Сергей Николаевич Тройницкий (1882–1948), член Русского генеалогического общества с

¹ РГИА. Ф. Архив архива. Д. 24. Л. 105–106.

² Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 53. Л. 3.

³ Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 102.

⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 515.

⁵ ГАРФ. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 372–412.

⁶ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 13. Д. 776. Л. 33.

февраля 1910 г. (можно предположить, что именно тогда он познакомился с А. А. Сиверсом¹).

Близким другом А. А. Сиверса стал его коллега по Эрмитажу, другой нумизмат – Николай Павлович Бауер (1888–1942). Они оба интересовались книжным экслибрисом и были активными членами Ленинградского общества экслибрисистов [12]. Позднее, в 1937 г., Н. П. Бауер, оставаясь в Ленинграде, в то время как А. А. Сиверс был лишён права проживания в городе, переправил ему свыше семисот томов из его личной библиотеки, в первую очередь книги по генеалогии и истории семей.

Помимо выполнения новых служебных обязанностей А. А. Сиверс продолжал активную общественную деятельность. Он и его коллеги делали всё, чтобы Русское генеалогическое общество продолжало существовать. Во многом благодаря его усилиям в 1918–1919 гг. оно продолжало регулярные встречи, впрочем, собиравшие порой совсем немногих.

В новых условиях Русское генеалогическое общество должно было пройти перерегистрацию. Для этого была создана инициативная группа, в состав которой вошли: А. А. Сиверс, князь Н. В. Голицын, Н. П. Лихачев, В. К. Лукомский, Б. Л. Модзалевский, Ю. А. Нелидов, С. Ф. Платонов, Ю. В. Татищев, С. Н. Тройницкий, А. В. Шебалов [25, с. 38]². В октябре 1919 г. на общем собрании было постановлено изменить устав и переименовать общество в Русское историко-генеалогическое. Тогда же были проведены выборы нового состава совета. Председателем был избран А. А. Сиверс, товарищем председателя – С. Н. Тройницкий, а секретарём – научный сотрудник Историко-бытового отдела Эрмитажа Юрий (Георгий) Владимирович Татищев (1875–1928), ставший ближайшим помощником А. А. Сиверса.

¹ РГИА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 71.

² Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 51. Л. 26–28.

С юных лет Ю. В. Татищев интересовался генеалогией, поскольку был племянником известного историка и генеалога Сергея Спиридоновича Татищева (1846–1906). В 1914 г. Ю. В. Татищев вступил в Русское генеалогическое общество, тогда же ему поручили издание второго тома незавершенного труда Г. А. Власьева «Потомство Рюрика» (в 1918 г. ему удалось опубликовать первую, в итоге оставшуюся единственной, часть этого тома).

Благодаря совместным усилиям новое общество было зарегистрировано, а в начале 1920 г. удалось решить вопрос с помещением – его библиотека и архив были перевезены в Фонтанный дом графов Шереметевых. Выделение места стало возможно, поскольку находящийся там Музей быта в то время состоял в ведении Археологического института во главе с С. Ф. Платоновым, а хранителем музея был выпускник этого института Николай Грацианович Пиотровский (1874–1931), сочувственно относившийся к генеалогическому обществу. Так, известно, что уже после переезда во дворец последний стал членом Русского историко-генеалогического общества и выступал на его заседании с докладом [25, с. 41, с. 269–279]. Архивом и библиотеками музея с января 1920 г. заведовал член совета общества В. К. Лукомский³. Однако, несмотря на все старания, в ноябре 1922 г. общество не было перерегистрировано и прекратило деятельность.

В 1920–1922 гг. А. А. Сиверсу и его коллегам удалось осуществить издание трёх выпусков научного исторического журнала «Дела и дни» (в состав редакционного комитета, кроме А. А. Сиверса, входили А. И. Андреев, А. Н. Макаров, А. С. Николаев и С. В. Рождественский). Каждая из книг насыщена интересным материалом [17]. Авторами выступили сам А. А. Сиверс и другие члены редакционного комитета, а также Я. Л. Барсков, И. А. Блинов, Б. Л. Модзалевский, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, А. А. Шахматов и др.

³ РГИА. Ф. 986. Оп. 1. Д. 77. Л. 59.

В 1928 г. А. А. Сиверс по вымышленному обвинению был арестован. В следственном деле ОГПУ фигурировали имена близких ему людей – Н. А. Типольта, Н. К. Эссена и А. Н. Шебалова, «скомпрометировавших» себя работой в архивных учреждениях. Однако названные «свидетели» уже не были доступны ОГПУ: Н. А. Типольт и Н. К. Эссен находились в эмиграции, а А. Н. Шебалов ещё в 1926 г. был сослан на Соловки «за хищение архивных материалов и выдачу архивных справок и документов лицам, бежавшим от Соввласти»¹.

По приговору 1929 г. А. А. Сиверс был сослан на три года в Туруханский край. Позднее его дочь писала: «Благодаря переписке с друзьями, присылавшими интересные его журналы и издания, отец всё время был в курсе происходящего не только на белом свете, но и в научном мире» [1, с. 480]. Кроме того, к А. А. Сиверсу не раз обращались с генеалогическими вопросами. Так, например, ему писала Ольга Геннадьевна Шереметева (1885–1941), которая состояла сотрудником Литературного музея и занималась изучением наследия П. Я. Чаадаева.

На обратном пути из ссылки А. А. Сиверс встретился в Енисейске с сосланным туда историком Александром Игнатьевичем Андреевым (1887–1959), в прошлом – коллегой по Обществу российских архивных деятелей и по редколлегии журнала «Дела и дни» (в 1933–1935 гг. тот работал научным сотрудником в Енисейском краеведческом музее).

После возвращения, будучи лишен права жить в ряде центральных городов, А. А. Сиверс поселился во Владимире. Там он оказался в окружении многих таких же «бывших» людей. Так, он общался с увлеченным историком и генеалогом Алексеем Александровичем Пазухиным (1883–1942), автором книги «Родословная Пазухиных и родословные матери-

алы Пазухинского архива» [37]. Будучи выпускником Александровского лицея, он служил в Государственной канцелярии, а после 1917 г. работал в Русском музее. Был репрессирован по «делу лицестов» [6; 49, с. 281].

В январе 1944 г. А. А. Сиверсу удалось поступить на работу в Москве в Государственный исторический музей на должность заведующего кабинетом нумизматики. В годы работы в музее А. А. Сиверс продолжал генеалогические исследования, а также встречался с близкими по интересам людьми. Известно, что в музее его навещали В. К. Лукомский и С. Н. Тройницкий. В. К. Лукомский был эвакуирован в Москву из блокадного Ленинграда в 1942 г., после того, как погибли его уникальная библиотека и архив, в 1942–1944 гг. был профессором Историко-архивного института. С. Н. Тройницкий жил в Москве после трёхлетней ссылки в Уфу, работал в Музее керамики в Кусково, а затем в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина [27]. В 1940-е гг. в Москве жил А. И. Андреев, в 1943–1949 гг. он заведовал кафедрой вспомогательных исторических дисциплин в Историко-архивном институте.

* * *

А. А. Сиверс объединял вокруг себя людей, которые интересовались историческими науками, и в результате их активного сотрудничества был опубликован целый ряд генеалогических трудов высокого уровня. После 1917 г., благодаря деятельности А. А. Сиверса и его коллег, было продлено существование Русского генеалогического общества.

Своим пристрастием к генеалогии А. А. Сиверсу удавалось увлечь многих людей, изначально далеких от этой науки. Можно утверждать, что все близкие ему люди не остались в стороне от такого увлечения: они сообщали генеалогу сведения о своих предках, нередко передавали

¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П–33433. Л. 4 второй паг.

ему свои семейные документы, особенно это относится к тем, кто вынужден был эмигрировать. Заметим, что А. А. Сиверс сумел сберечь эти бумаги в трудные годы и передать их на государственное хранение. Таким образом, широкий круг общения А. А. Сиверса способствовал росту его собрания: в настоящее время в его личных фондах сохранилось значительное число материалов по генеалогии и истории семей, ранее принадлежавших его коллегам и знакомым. Это богатое наследие до сих пор недостаточно оценено, хотя имеет важное значение для современных исследователей.

Александрова Н. А.

Генеалогия и атрибуция музейных предметов в работе Государственного музея А. С. Пушкина

Повседневная жизнь музейного работника состоит не только из подготовки выставок и экспозиций, проведения экскурсий и лекций, хранительской деятельности, но и научно-фондовой работы. Самым кропотливым процессом в жизни музейного предмета является его атрибуция, которая происходит на всех стадиях перемещения предмета в музее.

Значение понятия «атрибуция» отличается в разных дисциплинах. В филологии – это определение подлинности рукописного текста и установление его авторства, в искусствоведении – определение авторства и времени создания произведения. В музейном же деле атрибуцией предмета называют «выявление всех присущих ему признаков, выражающих разные стороны содержания этого предмета. Такими признаками являются материал, форма, размер, вес, цвет, тема, сюжет, техника исполнения, авторство, время и место создания и бытования, отношение к событию или явлению, принадлежность конкретному лицу и т. д.» [33, с. 302]. Чем точнее сделана атрибуция предмета, тем больше возможности у него для экспонирования и изучения.

Часто процесс атрибуции превращается в многолетнее исследование, когда надо из небытия вернуть автора, изображенное лицо, владельцев произведения. В процессе этой работы на помощь приходят многие исторические дисциплины, в том числе и генеалогия.

Владение методикой поиска генеалогической и биографической информации в опубликованных источниках и архивах, знание основных справочных изданий и электронных баз данных даёт возможность определить неизвестные факты, связанные с историей музейного предмета. И если авторство произведения определяется по внешним признакам, а имена владельцев можно выявить по истории бытования, то самым сложным становится работа по определению изображенных лиц. Это касается всех видов изображений – живопись, графика, фотография.

Атрибутировать портрет по внешним признакам, например, похожести двух лиц, практически невозможно. Это получается только тогда, когда человек имеет сильные отличительные характеристики.

В некоторых случаях, когда портрет предка находился постоянно во владении его потомков, то изображенное лицо определяется путём составления восходящей родословной таблицы. Так произошло с портретами из семьи Бегичевых. В 1974 г. в Государственный музей А. С. Пушкина поступили миниатюры от Веры Филипповны Захаровой (1913–2002). Они были именованы как портреты «молодого человека в мундире юнкера и неизвестной женщины из семьи Бегичевых» и датированы первой половиной XIX в.¹ При изучении родословия В. П. Захаровой было выяснено, что она была замужем за Владимиром Георгиевичем Бегичевым (1911–1997) – правнуком Петра Львовича Бегичева (1797 – до 1851)². На этом основании можно ут-

¹ Государственный музей А. С. Пушкина. КП 6033 ОР-1688; КП 6034 ОР-1689.

² Бегичев Ю. Бегичевы: их родственники, друзья и знакомые (генеалогия, воспоминания). М., 2006

верждать, что на одном портрете изображен сам Пётр Львович, а на другом – его жена Мария Павловна Бегичева, урожденная Казаринова (ум. после 1846), что подтверждают и другие их изображения.

Бывает, что отсутствие достоверной генеалогической информации приводит к ошибке в определении изображенных лиц. Так случилось с фотографиями из архива родной сестры А. С. Пушкина – Ольги Сергеевны Павлицевой (1797–1868). Этот архив поступил в музей в 1962–1965 гг. от семьи пушкинистов Александра Леонидовича и Лидии Леонидовны Слонимских. Л. Л. Слонимская доводилась Ольге Сергеевне правнучкой по линии её дочери, художницы-пейзажистки Надежды Николаевны Панэ (1837–1909). В Павлицевский архив входят официальные документы, переписка О. С. Павлицевой с родными, фотографии. При изучении её переписки с мужем, дочерью и сыном стало понятно, что некоторые сведения о семье Павлицевых, утвердившиеся в пушкинистике, неверны.

На начальном этапе исследования было составлено нисходящее родословие семьи Павлицевых, которое строилось от Ивана Васильевича Павлицева (1766–1816). Выяснилось, что, кроме дочерей, у него было два сына – Павел (1795–1863) и Николай (1802–1879). Н. И. Павлицев был женат на О. С. Пушкиной, а П. И. Павлицев – на Анне Федоровне Офросимовой (умерла в 1899 г.). Стало понятно, что портреты, которые были приняты в музей как изображения детей и внуков О. С. Павлицевой, на самом деле изображают членов семьи П. И. Павлицева [см. 3].

Изучение архива семьи Павлицевых помогли атрибутировать портреты не только из собрания Государственного музея А. С. Пушкина, но и других пушкинских музеев. При составлении родословной таблицы потомков О. С. Павлицевой

(Государственный музей А. С. Пушкина. На правах рукописи).

были установлены неизвестные ранее генеалогические и биографические факты, что позволило уточнить сведения о некоторых музейных предметах, хранящихся во Всероссийском музее А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге.

Приведем пример: в книге «Преданья русского семейства: Портреты. Реликвии. Документы» опубликована фотография с подписью «О. С. Павлицева с семьей своей дочери Н. Н. Пане. 1860-е гг.» [44, с. 87, № 131]. На сайте Музейного фонда РФ он описан следующим образом: «Неизвестный фотограф. Групповой портрет: Павлицева О. С. (1797–1868), урожд. Пушкина, сестра поэта, её дочь Надежда Николаевна Пане (1837–1909), зять Осип Пане и внуки: Гумберт-Николай (1865–1919), Ольга (1866–1930) и Елена (1867–1942). Период создания: 1867–68 гг. Материал, техника: картон – фирменный бланк, альбуминовый отпечаток. Размер: 13,2 x 9,6 фото, 13,5 x 9,7 картон. Место создания: Петербург, Морская, 26. Номер в Госкаталоге: 3090620. Номер по ГИК (КП): 11451. Инвентарный номер: Дф-563. Описание: Групповой портрет. На переднем плане на стуле сидит Ольга Сергеевна в накидке и чепце, на руках она держит маленькую внучку; за нею стоит Н. Н. Пане в тёмном платье и Осип Пане в сюртуке. Впереди вторая внучка в коляске и внук в белой рубашке и русских сапожках. На об[ороте] кар[тона]: “Осип Пане / Надежда Николаевна / Гумберт-Никол[ай] / Ольга, Елена”. Справа на об[ороте] кар[тона]: “Павлицева / О.С., с семь/ей ее дочери (?)”. В центре на об[ороте] золотом штамп фотоателье: “АН / С.Петербургская / фотографія / Б.Морская 26 / копія”. Углы паспарту закруглены».

По письмам Н. Н. Панэ, которая после замужества жила в Неаполе, и ответным письмам О. С. Павлицевой, понятно, что последняя никогда не видела своих внуков. В 1864–1868 гг. она жила в Санкт-Петербурге, а в летние месяцы – в Павловске, и по состоянию здоровья

не могла путешествовать. Н. Н. Панэ не могла приехать в Петербург из-за сложности и дальности дороги с малолетними детьми. Поэтому очевидно, что на этом снимке изображена не О. С. Павлицева, а, возможно, няня.

Во многих изданиях происходила путаница с датами рождения детей Н. Н. Панэ. Даже в таком серьёзном генеалогическом справочнике, как «Прадед Пушкина Ганнибал и его потомки» [8] их даты рождения указаны неверно.

При изучении архивных материалов и составлении родословной семьи Павлицевых были уточнены даты рождения детей Н. Н. Панэ: Николай (Умберто) родился 5 мая 1865 г., Ольга – 18 января 1868 г., Елена – в 1869 г. Так как на фотографии изображены трое детей и сидящая в коляске младшая дочь, то этот снимок, скорее всего, сделан в Варшаве в 1870–1871 гг., через несколько лет после смерти О. С. Павлицевой. Это еще раз подтверждает, что пожилая женщина в чепце – это не она, а няня Н. Н. Панэ и её брата Л. Н. Павлицева – Наталья Никитична Забугина. Она пришла в дом к О. С. Павлицевой ещё в 1830-е гг., когда её дети были совсем маленькими, и осталась в этой семье на всю жизнь. В последние годы жизни О. С. Павлицевой она была её самым близким человеком. В письмах Н. Н. Забутиной описаны последние дни её хозяйки¹. После смерти О. С. Павлицевой ей по старости было отказано в проживании в других семьях, и Н. Н. Панэ решила забрать её к себе в Варшаву, где тогда проживала со своей семьёй².

На вышеуказанном снимке изображены: Панэ (Пане) Иосиф (Осип) Рафаилович (умер в 1897 г.), Панэ (Пане) Надежда Николаевна (23 мая 1837 – 11 февраля 1909), их дети: Николай (Умберто) (5 мая 1865–1919), Ольга (18 января 1868–1930),

Елена (1869 – 20 июля 1942) и няня Наталья Никитична Забугина (умерла после 1871 г.).

Снимок, хранящийся во Всероссийском музее А. С. Пушкина, по всей видимости, является пересъёмкой со снимка, сделанного в Варшаве, о чём и указывает слово «копия» на бланке фотоателье.

Изучение архивных материалов по истории рода Павлицевых дало возможность разобраться с портретами сыновей А. С. Пушкина – Александра и Григория, а также племянника Льва Павлицева. Они все в пожилом возрасте имели сильное внешнее сходство. Все трое носили бороду, часто снимались в очках, имели схожие черты лица. Если они изображены на снимках в мундире, их можно различить, но на неподписных снимках в штатском платье они похожи друг на друга. Именно из-за этого произошла путаница с портретами, хранящимися в Литературном музее А. С. Пушкина (Маркучай, Литва). На его сайте представлены негативы фотографий неизвестных мужчин и Варвары Алексеевны Пушкиной, урождённой Мельниковой, сделанные в Вильне и датируемые рубежом XIX–XX в. – до 1914 г., и фотография, сделанная в Маркучае и датируемая рубежом XIX–XX в. – до 1914 г. Изображение на этих снимках приписывалось сыновьям поэта – или Григорию, или Александру.

В Институте русской литературы РАН (Пушкинский дом) в Павлицевском архиве³ хранится дневник Л. Н. Павлицева, который состоит из 23 тетрадей. Одна из них посвящена поездкам в Маркучай с 1909 по 1912 гг.⁴ В ней была обнаружена запись, касающаяся отъезда Л. Н. Павлицева из Вильны в Санкт-Петербург 28 июля (вторник) 1909 г.: «Остановились у фотографии. Тут же согласно общему желанию фотограф снял с меня и Мельникова портреты на улице. Первый снимок:

¹ Государственный музей А. С. Пушкина. КП 11800/185, 187, 188 P-122.

² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2281.

³ Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Ф. 221.

⁴ Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Ф. 221. Д. 31068.

я с Пушкиной сидим в коляске, второй: стоим я и Мельников на улице рука об руку и будто бы разговариваем. Процедура окончилась быстро. Затем я простился с Мельниковым (он спешил по службе к губернатору), а я поехал с В[арварой] А[лексеев]ной на вокзал...»¹.

Вышеупомянутые снимки можно датировать 28 июля 1909 г., и на них изображены В. А. Пушкина (1855–1935), Л. Н. Павлищев (8 октября 1834 – 6 июля 1915) и Алексей Павлович Мельников – сын Павла Алексеевича Мельникова и племянник Варвары Алексеевны. Основываясь на портретном сходстве, полном совпадении костюма, можно с уверенностью сказать, что на фотографии, сделанной в Маркучье, изображен Л. Н. Павлищев.

Атрибуционная работа многих музейных предметов невозможна без генеалогии и знания методических и практических аспектов дисциплины. Несмотря на то, что музейные хранители редко считают себя профессиональными генеалогами, в повседневной деятельности они нередко владеют навыками этой профессии, что даёт возможность неизвестных лиц переводить в категорию опознанных, а их портреты выводить из небытия.

Наумов О. Н.

Заключительное слово

Материалы нашего круглого стола в полной мере отразили состояние современной российской генеалогии, поиск методов модернизации родословного знания. Показательно, что они посвящены

не каким-либо конкретным родам, а именно общим проблемам дисциплинарного дискурса – теоретическим, методическим, источниковедческим. Немаловажное место заняло осмысление накопленного исследовательского опыта. Следует акцентировать обращённость выступлений ко всем сословиям. Политематичность однозначно демонстрирует всесословность и социальную интегрированность современной генеалогии. Однако родословный дискурс всех социальных групп опирается на общий теоретико-методический фундамент, хотя каждая из тематических разделов имеет источниковедческие, историографические и информационные особенности, даёт специфические возможности для анализа исторических событий и процессов.

Другой особенностью круглого стола стало осмысление междисциплинарных связей генеалогии, стремление к расширению её диалога с другими областями гуманитарного знания. Это отражает один из важнейших трендов современности, когда активно происходит интеграция наук и генезис новых комплексных разделов познания.

Значение материалов круглого стола двояко: авторам удалось одновременно обоснованно и обстоятельно показать состояние родословных исследований в современной России и наметить перспективы пути модернизации дисциплины, которые должны способствовать генезису верифицированного знания о прошлом через родословный дискурс.

Статья поступила в редакцию 25.03.2020

¹ Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Ф. 221. Д. 31068. Л. 58 об.–59.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксакова (Сиверс) Т. А. Семейная хроника. Кн. 1. М. : Территория, 2005. 494 с.: ил.
2. Аксенов А. И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М. : Наука, 1993. 219 с.
3. Александрова Н. А. Атрибуция фотографий из семьи Павлищевых // История Московского края: Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 5. М., 2015. С. 265–277.
4. Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. М. : Археографический центр, 1996. 414 с.
5. Арсеньев В. С. Род дворян Арсеньевых. Тула: Тип. Губ. правл., 1903. 369 с.
6. Артюхов К. В. Пазухин Алексей Александрович // Лицейская энциклопедия. Т. 2. СПб. : Logos, 2013. С. 488–489.
7. Барышников М. Н. Деловой мир России : историко-биографический справочник. М. : Искусство, 1998. 448 с.
8. Бессонова А. М. Прадед Пушкина и его потомки. Очерки. Родословная роспись. СПб. : Бельведер, 2003. 328 с.
9. Бурков В. Г. Фалеристика: учеб. пособие. М. : РГУ, 2000. 164 с.
10. Бурый П. А. Москва купеческая. Записки. М. : Высшая школа, 1991. 352 с.
11. Варенцов Н. А. Слышанное, виденное, передуманное, пережитое. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 848 с.
12. Гайдуков П. Г. Николай Павлович Бауер. Судьба нумизмата и его научного наследия // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 1. С. 36–48.
13. Гессен В. Ю. Дипломат и генеалог Юрий Александрович Нелидов: его предки и потомки // Клио. 2011. № 6. С. 100–112.
14. Голицын Н. Н. кн. Род князей Голицыных. Т. 1. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1892. 611 с.
15. Дворянские роды Российской империи. Т. 1 Князья / П. Х. Гребельский, С. В. Думин, А. Б. Мирвис, А. А. Шумков, Ю. В. Катин-Ярцев. СПб. : Печатный двор, 1993. 344 с.
16. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 6 : Род дворян Арсеньевых / сост. В. С. Арсеньев. Тула, 1903. 246 с.
17. Дела и дни : исторический журнал / ред. ком. А. И. Андреев, А. Н. Макаров, А. С. Николаев, С. В. Рождественский, А. А. Сиверс. Кн. 1–3. Пб. : Гос. изд., 1920–1921.
18. Деннингхаус В., Савин А. И. «Смотришь, и Мане, и Тане какой-то “Знак Почета” попадает». Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история. 2014. № 2. С. 127–149.
19. Долгоруков П. В. кн. Российская родословная книга : в 4 ч. СПб., 1854–1857.
20. Долгоруков П. В. Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб. : Типография Э. Праца, 1840. 348 с.
21. Ежегодник Пушкинского Дома на 1996 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 606 с.
22. Елпатьевский С. Я. Из воспоминаний // Александровская слобода : сборник. Александров, 1998. 268 с.
23. Иванова Л. В. Из истории Союза российских архивных деятелей в 1917–1924 гг. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. : Наука, 1981. С. 194–203.
24. Катин-Ярцев М. Ю. Эссен (Essen) Николай Карлович, фон // Немцы России : энциклопедия. Т. 3. М.: ЭРН, 2006. С. 851–852.
25. Краско А. В. Русское генеалогическое общество: 1918–1922 (страницы истории) // Известия Русского генеалогического общества. 1995. Вып. 4. С. 37–43.
26. Краско А. В. Три века городской усадьбы графов Шереметевых. Люди и события. М. : Центрполиграф, 2009. 443 с.
27. Лебедева Т. А. Воспоминания о последних годах жизни С. Н. Тройницкого // Казакевич Н. И. Западно-европейский фарфор в Эрмитаже. История собрания. СПб. : Нестор-История, 2005. С. 349–366.
28. Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Т. 1–2. 2-е изд. СПб: Типография А. С. Суворина, 1895.
29. Любимов С. В. Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915. 108 с.
30. [Любимов С. В.] Титулованные роды Российской империи. СПб., 1910. Т. 1–2.

31. Милорадович Г. А. Сказания о роде дворян и графов Милорадовичей. СПб.; Киев, 1873–1884. Вып. 1–2.
32. Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 1–4.
33. Музейное дело России / под ред. М. П. Каулен, И. М. Коссовой, А. А. Сундеевой. М. : ВК, 2003. 614 с.
34. Наумов О. Н. Генеалог Сергей Васильевич Любимов: материалы к биографии // Генеалогический вестник. 2011. № 41. С. 36–48.
35. Наумов О. Н. Очерки по русской генеалогии. М.: Старая Басманная, 2012. 662 с.
36. Наумов О. Н. Стрешневы : материалы к родословию. Калуга, 2013. 73 с.
37. Пазухин А. А. Родословная Пазухиных и родословные материалы Пазухинского архива. СПб., 1914. 92 с.
38. Памяти Бориса Львовича Модзалевского, 1874–1928. Биографические даты, библиография трудов. М.: Русское общество друзей книги, 1928. 30 с.
39. Пец А. П. Николай Карлович фон Эссен // Из истории Русского генеалогического общества: сб. статей. СПб., 2001. С. 93–98.
40. Полянская Ю. Н. А. А. Сиверс – библиотекарь Русского генеалогического общества // Клио. 2014. № 1. С. 112–113.
41. Полянская Ю. Н. К вопросу о биографии генеалoga А. А. Сиверса (1866–1954) // Известия Русского генеалогического общества. 2010. № 22. С. 5–20.
42. Полянская Ю. Н. Монография А. А. Сиверса «Материалы к родословию Мухановых» // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: сб. научн. тр. Вып. 15. СПб., 2010. С. 170–176.
43. Правящая элита Русского государства IX – начало XVIII в.: Очерки истории. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 547 с.
44. Преданья русского семейства: Портреты. Реликвии. Документы. СПб. : ЭГО, 1999. 144 с.
45. Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. / В. Н. Захаров, А. К. Сорокин, В. И. Бовыкин; ред. А. К. Сорокин. М. : Росспэн, 1997. 351 с.
46. Примаченко П. А. Русский торгово-промышленный мир. М. : Планета, 1993. 336 с.
47. Пругавин В. С., Харизоменов С. А. Промыслы Владимирской губернии. М. : Асаф Баранов, 1882–1884. Вып. I–V.
48. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб. : Типография А. С. Суворина, 1885–1887. Т. 1–2.
49. Рыхляков В. Н. Пазухин Алексей Александрович // Биографический словарь воспитанников и педагогов Императорского Александровского Лицея. СПб. : Европейский Дом, 2016. 460 с.: ил.
50. Рыхляков В. Н. Петербуржцы – авторы работ по генеалогии и истории семей. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Осипов, 2005. 327 с.
51. Сиверс А. А. Материалы к родословию Мухановых. СПб., 1909. 376 с.
52. Сиверс А. А. Родословные заметки // Сборник статей, посвящённых Л. М. Савелову. М., 1915. С. 198–209.
53. Татищев С. С. Род Татищевых. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1900. 400 с.
54. Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. Муром : Всероссийский фонд культуры. Муромское отделение, 1991. 100 с.
55. Томозов В. В. К юбилею В. Л. Модзалевского // Известия Русского генеалогического общества. 1995. Вып. 4. С. 44–51.
56. 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов / сост. О. Платонов. М. : Современник, 1995. 479 с.
57. Чехов М. П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. М. : Моск. рабочий, 1980. 352 с.
58. Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI – XVII вв. М.: Квадрига, 2009. 509 с.

REFERENCES

1. Aksakova (Sivers) T. A. *Semejnaya hronika. Kn. 1.* [Family Chronicle. Vol. 1]. Moscow, Territoriya Publ., 2005. 494 p.
2. Aksenov A. I. *Ocherki genealogii uezdnogo kupechestva XVIII v.* [Essays on the Genealogy of the District Merchants of the 18th century]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 219 p.
3. Aleksandrova N. A. [Attribution of Photographs from the Pavlishchev family]. In: *Istoriya Moskovsko-*

- go kraja: *Problemy, issledovaniya, novye materialy*. Vyp. 5. [History of the Moscow Region: Problems, Researches, New Materials. Vol. 5]. Moscow, 2015, pp. 265–277.
4. Antonov A. V. *Rodoslovnye rospisi konca XVII v.* [Family Murals of the end of 17th century]. Moscow, Archaeographic center Publ., 1996. 414 p.
 5. Arsenëv V. S. *Rod dvoryan Arsen'evykh* [Arseniev Family of Nobles]. Tula: Provincial government printing house Publ., 1903. 369 p.
 6. Artyuhov K. V. [Alexey Pazukhin]. In: *Licejskaya enciklopediya*. T. 2 [Lyceum Encyclopedia. Vol. 2]. Saint-Peterburg, Logos, 2013, pp. 488–489.
 7. Baryshnikov M. N. *Delovoj mir Rossii : istoriko-biograficheskij spravocnik* [The Business World of Russia : a Historical and Biographical Reference Book]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1998. 448 p.
 8. Bessonova A. M. *Praded Pushkina i ego potomki. Oчерki. Rodoslovnaya rospis'* [Pushkin's Great-grandfather and His Descendants. Essays. Family Tree]. Saint-Peterburg, Bel'veder Publ., 2003. 328 p.
 9. Burkov V. G. *Faleristika : ucheb. posobie* [Faleristics: a tutorial]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2000. 164 p.
 10. Buryshkin P. A. *Moskva kupecheskaya. Zapiski* [Merchant Moscow. Notes]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 352 p.
 11. Varencov N. A. *Slyshannoe, vidennoe, peredumannoe, perezhitoe* [Heard, seen, reconsidered, experienced]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 848 p.
 12. Gajdukov P. G. [Nikolai Pavlovich Bauer. The Fate of the Numismatist and His Scientific Heritage]. In: *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation], 2011, no. 1, pp. 36–48.
 13. Gessen V. Yu. [Diplomat and genealogist Yuri Alexandrovich Nelidov: his ancestors and descendants]. In: *Klio* [Clio], 2011, no. 6, pp. 100–112.
 14. Golicyn N. N. *Rod knyazej Golicynykh*. T. 1. [Family of princes Golitsyns. Vol. 1.]. Saint-Peterburg, I. N. Skorohodov's Publ., 1892. 611 p.
 15. Grebel'skij P. H., Dumin S. V., Mirvis A. B., Shumkov A. A., Katin-Yarcev Yu. V. *Dvoryanskie rody Rossijskoj imperii*. T. 1 *Knyaz'ya* [Noble families of the Russian Empire. Vol. 1 Princes]. Saint-Peterburg, Pechatnyj dvor Publ., 1993. 344 p.
 16. Arsenëv V. S., ed. *Dvoryanskoe soslovie Tul'skoj gubernii*. T. 6 : *Rod dvoryan Arsen'evykh* [The Nobility of the Tula Province. Vol. 6 : The Arseniev Family of Nobles]. Tula, 1903. 246 p.
 17. Andreev A. I., Makarov A. N., Nikolaev A. S., Rozhdestvenskij S. V., Sivers A. A., ed. *Dela i dni : istoricheskij zhurnal*. Kn. 1–3 [Deeds and Days: Historical Journal. Vol. 1–3]. Peterburg, Governmental Publ., 1920–1921.
 18. Denninghaus V., Savin A. I. [“Look, both Manya and Tanya get some kind of Badge of Honor”. Brezhnev's “industry” of awards and Soviet society]. In: *Rossijskaya istoriya* [Russian History], 2014, no. 2, pp. 127–149.
 19. Dolgorukov P. V. *Rossijskaya rodoslovnaya kniga : v 4 ch.* [Russian Genealogy Book : in 4 volumes]. Saint-Peterburg, 1854–1857.
 20. Dolgorukov P. V. *Skazaniya o rode knyazej Dolgorukovykh*. [Legends about the Family of the Dolgorukov Princes]. Saint-Peterburg, E. Prac's Publ., 1840. 348 p.
 21. *Ezhegodnik Pushkinskogo Doma na 1996 g.* [Yearbook of the Pushkin House for 1996]. Saint-Peterburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2001. 606 p.
 22. Elpatëvskij S. Ya. [From the memories]. In: *Aleksandrovskaya sloboda : sbornik* [Aleksandrovskaya Sloboda: collection of the articles]. Aleksandrov, 1998. 268 p.
 23. Ivanova L. V. [From the history of the Union of Russian Archival Workers in 1917–1924]. In: *Problemy istorii russkogo obshchestvennogo dvizheniya i istoricheskij nauki* [Problems of the history of the Russian social movement and historical science]. Moscow, Nauka, 1981, pp. 194–203.
 24. Katin-Yarcev M. Yu. [Essen Nikolaj Karlovich, fon]. In: *Nemcy Rossii : enciklopediya*. T. 3. [Germans of Russia: an encyclopedia. Vol. 3.]. Moscow, ERN Publ., 2006, pp. 851–852.
 25. Krasko A. V. [Russian Genealogical Society: 1918–1922 (pages of history)]. In: *Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva*. 1995. Vyp. 4. [Bulletin of the Russian Genealogical Society], 1995, vol. 4, pp. 37–43.
 26. Krasko A. V. *Tri veka gorodskoj usad'by grafov Sheremetevykh. Lyudi i sobytija* [Three centuries of the city estate of the Sheremetevs. People and events]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2009. 443 p.

27. Lebedeva T. A. [Memories of the last years of S. N. Troinitsky's life]. In: *Kazakevich N. I. Zapadnoevropejskij farfor v Ermitazhe. Istoriya sobraniya* [Kazakevich N. I. Western European porcelain in the Hermitage. The history of the collection]. Saint-Peterburg, 2005, pp. 349–366.
28. Lobanov-Rostovskij A. B. *Russkaya rodoslovnaya kniga. T. 1–2* [Russian genealogical book. Vol. 1–2.]. Second edition. Saint-Peterburg, A. S. Suvorin's Publ., 1895.
29. Lyubimov S. V. *Opyt istoricheskikh rodoslovij: Gundorovy, Zhizhemskie, Nesvickie, Sibirskie, Zotovy i Ostermany* [Samples of historical genealogies: the Gundorovs, the Zhizhemskeys, the Nesvitskys, the Siberskys, the Zotovs and the Ostermans]. Peterburg, 1915. 108 p.
30. [Lyubimov S. V.] *Titulovannyye rody Rossijskoj imperii* [Titled families of the Russian Empire]. Saint-Peterburg, 1910, Vol. 1–2.
31. Miloradovich G. A. *Skazaniya o rode dvoryan i grafov Miloradovichej. Vyp. 1–2*. [Tales of the counts Miradovich family. Vol. 1–2.]. Saint-Peterburg; Kiev, 1873–1884.
32. Modzalevskij V. L. *Malorossijskij rodoslovník* [Pedigrees of Malorossiya]. Kiev, 1912. Vol. 1–4.
33. Kaulen M. P., Kossova I. P., Sundeeva A. A., ed. *Muzejnoe delo Rossii* [Museums in Russia]. Moscow, VK Publ., 2003. 614 p.
34. Naumov O. N. [Genealogist Sergey Vasilievich Lyubimov: materials for the biography]. In: *Genealogicheskij vestnik* [Genealogical Bulletin], 2011, no. 41, pp. 36–48.
35. Naumov O. N. *Ocherki po russkoj genealogii* [Essays on Russian Genealogy]. Moscow, Staraya Basmanaya Publ., 2012. 662 p.
36. Naumov O. N. *Streshnevy: materialy k rodosloviyu* [The Streshnevs: materials for genealogy]. Kaluga, 2013. 73 p.
37. Pazuhin A. A. *Rodoslovnaya Pazuhinyh i rodoslovnnye materialy Pazuhinskogo arhiva* [Family Tree of the Pazukhins and pedigree materials of the Pazukhins' archive]. Saint-Peterburg, 1914. 92 p.
38. *Pamyati Borisa Lvovicha Modzalevskogo, 1874–1928. Biograficheskie daty, bibliografiya trudov* [In memory of Boris Lvovich Modzalevsky, 1874–1928. Biographical dates, bibliography of works]. Moscow, Russkoe obshchestvo druzey knigi Publ., 1928. 30 p.
39. Pec A. P. [Nikolaj Karlovich fon Essen]. In: *Iz istorii Russkogo genealogicheskogo obshchestva: sb. statej* [From the history of the Russian genealogical society: collection of articles]. Saint-Peterburg, 2001, pp. 93–98.
40. Polyanskaya Yu. N. [A. A. Sivers – librarian of the Russian Genealogical Society]. In: *Klio* [Clio], 2014, no. 1, pp. 112–113.
41. Polyanskaya Yu. N. [On the biography of the genealogist A. A. Sivers (1866–1954)]. In: *Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Genealogical Society], 2010, no. 22, pp. 5–20.
42. Polyanskaya Yu. N. [Monograph by A. A. Sivers “Materials for the genealogy of the Mukhanovs”]. In: *Knizhnoe delo v Rossii v XIX – nachale XX veka: sb. nauchn. tr. Vyp. 15* [Book business in Russia in the XIX – early XX century: collection of scientific articles. Vol. 15]. Saint-Peterburg, 2010, pp. 170–176.
43. *Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX – nachalo XVIII v.: Ocherki istorii* [The ruling elite of the Russian state in IX - early XVIII century: Historical Essays]. Saint-Peterburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2006. 547 p.
44. *Predaniya russkogo semeystva: Portrety. Relikvii. Dokumenty* [Legends of Russian Family: Images, Relicts, Documents]. Saint-Peterburg, EGO Publ., 1999. 144 p.
45. Zaharov V. N., Sorokin A. K., Bovykin V. I., Sorokin A. K., ed. *Predprinimatel'stvo i predprinimateli Rossii ot istokov do nachala XX v.* [Entrepreneurship and entrepreneurs of Russia from the beginnings to the beginning of the XX century]. Moscow, Rosspen Publ., 1997. 351 p.
46. Primachenko P. A. *Russkij trgovno-promyshlennyj mir* [Russian commercial and industrial world]. Moscow, Planeta Publ., 1993. 336 p.
47. Prugavin V. S., Harizomenov S. A. *Promysly Vladimirskoj gubernii* [Crafts of the Vladimir province]. Moscow, Asaf Baranov Publ., 1882–1884. Vol. I–V.
48. Rummel' V. V., Golubcov V. V. *Rodoslovnnyj sbornik russkikh dvoryanskih familij* [Genealogical collection of Russian noble families]. Saint-Peterburg, A. S. Suvorin's Publ., 1885–1887. Vol. 1–2.
49. Ryhlyakov V. N. [Pazuhin Aleksej Aleksandrovich]. In: *Biograficheskij slovar' vospitannikov i pedagogov Imperatorskogo Aleksandrovsikogo Liceya* [Biographical dictionary of students and teachers of the Imperial Alexander Lyceum]. Saint-Peterburg, Evropejskij Dom Publ., 2016. 460 p.

50. Ryhlyakov V. N. *Peterburzhcy – avtory rabot po genealogii i istorii semej* [Petersburg authors of works on genealogy and family history]. Second edition. Saint-Peterburg, Osipov Publ., 2005. 327 p.
51. Sivers A. A. *Materialy k rodosloviyu Muhanovyh* [Materials for Muhanovs' Family Tree]. Saint-Peterburg, 1909. 376 p.
52. Sivers A. A. [Pedigree Essays]. In: *Sbornik statej, posvyashchyonyh L. M. Savelovu* [Collection of articles devoted to L. M. Savelov]. Moscow, 1915, pp. 198–209.
53. Tatishchev S. S. *Rod Tatishchevyh* [The Tatishchev family]. Saint-Peterburg, A. S. Suvorin's Publ., 1900. 400 p.
54. Titov A. A. *Istoricheskoe obozrenie goroda Muroma* [Historical review of the city of Murom]. Murom, Vserossijskij fond kul'tury. Muromskoe otdelenie Publ., 1991. 100 p.
55. Tomozov V. V. [On the Anniversary of V. L. Modzalevskij]. In: *Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Genealogical Society], 1995, no. 4, pp. 44–51.
56. Platonov O., ed. *1000 let russkogo predprinimatel'stva: iz istorii kupecheskih rodov* [1000 years of Russian entrepreneurship: from the history of merchant families]. Moscow, Sovremennik Publ., 1995. 479 p.
57. Chekhov M. P. *Vokrug Chekhova. Vstrechi i vpechatleniya* [Around Chekhov. Meetings and impressions]. Moscow, Mosk. rabochij Publ., 1980. 352 p.
58. Eskin Yu. M. *Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI – XVII vv.* [Essays on the history of parochialism in Russia in the 16th–17th centuries.]. Moscow, Kvadriga, 2009. 509 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Наталья Алексеевна – хранитель музейных предметов I категории отдела письменных и аудиовизуальных источников Государственного музея А. С. Пушкина;
e-mail: natasha.a.aleksandrova@yandex.ru

Ильина Елизавета Борисовна – младший научный сотрудник Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Александровская слобода», аспирантка Московского государственного областного университета;
e-mail: elizaveta-ilina-1995@mail.ru

Калинин Денис Александрович – аспирант Московского государственного областного университета;
e-mail: dens-arts@yandex.ru

Наумов Олег Николаевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: onnaum@mail.ru

Полянская Юлия Николаевна – научный сотрудник Центра генеалогии Российской национальной библиотеки;
e-mail: rgo@nlr.ru

Сахаров Игорь Васильевич – кандидат географических наук, руководитель Центра генеалогии Российской национальной библиотеки, президент Русского генеалогического общества, первый вице-президент Международной академии генеалогии;
e-mail: sakharov@nlr.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya A. Alexandrova – curator of the first category museum objects, the written and audiovisual sources department of the State Museum of A. S. Pushkin;
e-mail: natasha.a.aleksandrova@yandex.ru

Elizaveta B. Ilina – junior researcher, the State Historical-Architectural and Art Museum-Reserve “Aleksandrovskaya Sloboda”;
e-mail: elizaveta-ilina-1995@mail.ru

Denis A. Kalinin – postgraduate, Moscow Region State University;
e-mail: dens-arts@yandex.ru

Oleg N. Naumov – Dr. Sci. (History), Prof., the Department of Modern History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: onnaum@mail.ru

Juliya N. Polyanskaya – researcher, the Genealogical Center at The National Library of Russia;
e-mail: rgo@nlr.ru

Igor V. Sakharov – Cand. Sci (Geography), head of the Genealogical Center at the National Library of Russia, president of the Russian Genealogical Society, first vice-president of International Academy of Genealogy;
e-mail: sakharov@nlr.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Современные проблемы российской генеалогии (круглый стол) / О. Н. Наумов., Д. А. Калинин, Е. Б. Ильина, И. В. Сахаров, Ю. Н. Полянская, Н. А. Александрова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 6–34. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-6-34

FOR CITATION

Naumov O. N., Kalinin D. A., Il'ina E. B., Sakharov I. V., Polyanskaya Yu. N., Aleksandrova N. A.. Modern Problems of Russian Genealogy (Round Table). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 6–34.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-6-34

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-35-44

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг. НА СТРАНИЦАХ ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКОВ ПО ИСТОРИИ

Ивашко М. И.*Российский государственный университет правосудия**117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69, Российская Федерация***Аннотация.**

Целью работы является выявление степени отражения в вузовских учебниках истории периодизации Великой Отечественной войны и вопросов, связанных с ней.

Процедура и методы. Изучено содержание двух десятков учебных изданий по дисциплине «История», изданных за последние пять лет. С помощью метода сравнения осуществлен анализ взглядов на периодизацию, понимание временных рамок коренного перелома, интерпретацию обоснования дня окончания Великой Отечественной войны.

Результаты. Выявлено различное видение временных рамок периодов войны, представлены разночтения в трактовке временных рамок и событий, характеризующих коренной перелом в Великой Отечественной войне, расхождений по вопросу объяснения дня её окончания.

Теоретическая и/или практическая значимость. В заключении сформулированы предложения, которые должны помочь избежать разночтений в освещении периодизации и содержания Великой Отечественной войны в учебной литературе.

Ключевые слова: учебные издания, Великая Отечественная война, периодизация, коренной перелом, историография, студенты

PROBLEMS OF PERIODIZATION OF THE 1941–1945 GREAT PATRIOTIC WAR ON THE PAGES OF UNIVERSITY HISTORY TEXTBOOKS

M. Ivashko*Russian State University of Justice**69 ul. Novocheremushkinskaya, Moscow 117418, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To analyse the periodization of the 1941–1945 Great Patriotic war in university textbooks on Russian history and to discuss issues related to this topic.

Methodology. The content of about 20 textbooks on Russian history published over the past five years was analysed. Using the method of comparison, contemporary views on the periodization of the 1941–1945 Great Patriotic war were considered, including those on the time frame of the so-called “major breakthrough” and the rationale for the day of the end of the war.

Results. It was revealed that there are different views on the time frame of the war periods. Discrepancies in the existing interpretations of the time frame and events that characterize the so-called “major breakthrough” in the 1941–1945 Great Patriotic war, as well as the day of its end, were discovered.

Research implications. In the conclusion, suggestions are formulated that may help avoid discrepancies in the coverage of the periodization and content of the 1941–1945 Great Patriotic war in educational literature.

Keywords: educational literature, 1941–1945 Great Patriotic war, periodization, major breakthrough, historiography, students

Введение

Согласно Указу Президента России в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 2020 год объявлен Годом памяти и славы. Однако юбилей – не только время вспомнить и почтить память тех, кто ценой своей жизни обеспечил жизнь будущих поколений, но и повод задуматься над тем, как в наше беспокойное время сохранить мир. Для того чтобы извлечь такой важный урок из трагической страницы истории XX в., которой, несомненно, является Великая Отечественная война, необходимо знать её историю.

Актуальность поднятой в статье темы обусловлена проблемой сохранения преемственности памяти поколений в нашем обществе. Время безжалостно уводит от нас непосредственных участников и свидетелей Великой Отечественной войны. Семья сегодня всё реже и реже выступает средством передачи исторической памяти о войне от поколения к поколению. Кроме того, следует констатировать, что во время интенсивного развития средств информации сложилась принципиально новая ситуация с воспроизведением истории о Великой Отечественной войне. В результате молодое поколение, к большому сожалению, демонстрирует пробелы в знании этой героической страницы нашего прошлого.

По свидетельству одного из многочисленных социологических исследований, четверть из опрошенных ничего не слышали о Сталинградской битве, а каждый второй не может назвать ни одного героя войны¹. Полную дату начала Великой Отечественной войны называют только 40% взрослых россиян в группе от 18 до 24 лет². Примеры проявления такого уровня представлений о Великой Отечественной

войне можно множить. Они не красят наше общество и в то же время заставляют задуматься о том, почему так происходит? Где черпает знания о войне подрастающее поколение? Кто и что формирует его историческое сознание? При этом следует учитывать немаловажный факт. Более 86% участвовавших в опросе указывают, что основные знания о Великой Отечественной войне все-таки закладываются в школе, в вузе или в других учебных заведениях [7]. И здесь, если вести речь о высшей школе, просматривается роль не только преподавателя, но и того информационного пространства, которое окружает обучаемого. Далеко не последнее место в нём занимает учебная литература, через которую передаются сведения о Великой Отечественной войне.

В этой связи целью данной статьи является проведение анализа содержания вузовских учебников и учебных пособий на предмет отражения одной из проблем, которая встаёт перед студентом во время изучения истории Великой Отечественной войны, её периодизации. Необходимо установить, насколько едины подходы в учебных изданиях при освещении хрестоматийных вопросов, связанных с данной проблемой. На основании изучения сформулировать предложения, которые можно было бы учитывать при подготовке разделов и тем о Великой Отечественной войне в учебной литературе. Для достижения данной цели автор, используя метод контент-анализа, изучил разделы более двух десятков учебных изданий, появившихся на протяжении последних пяти лет и рекомендованных студентам в качестве учебника или учебного пособия.

Роль учебника в изучении истории Великой Отечественной войны

В целом анализ изученной учебной литературы установил наличие больших возможностей, которыми располагает сегодня студент для изучения истории Великой Отечественной войны. И этот

¹ Новосёлова Е. Российские студенты не помнят героев ВОВ // Российская газета. 2013. 19 июня.

² Память о войне: история и мифы. 22 июня 2018 года [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: данные опросов : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9176> (дата обращения: 24.01.2020).

факт можно только приветствовать. Широкий спектр учебников и учебных пособий, которыми располагают вузовские библиотеки, их содержание рассчитаны на прирост исторических знаний студента о Великой Отечественной войне. В каждом из них имеется раздел, глава или тема, посвящённые данному событию. В одних она называется – «Вторая мировая война. 1939–1945 гг.», в других – «Великая Отечественная война. 1941–1945 гг.», в третьих – «СССР в годы Второй мировой войны» и т. д.¹ Независимо от названия, содержательные рамки этих тем за редким исключением охватывают события с 1939 г. по сентябрь 1945 г. включительно. Таким образом, в подавляющем большинстве учебники и учебные пособия Великую Отечественную войну пытаются рассматривать в контексте развития мировой истории. При этом, как правило, основное внимание авторы традиционно уделяют изложению боевых действий на фронтах, деятельности советских граждан в тылу по обеспечению победы. Одновременно практически все учебные издания затрагивают в своём повествовании партизанское движение в годы войны, освещают деятельность работников культуры и искусства по поддержанию морального духа советских граждан на фронте и в тылу.

В то же время следует заметить, что активное введение в оборот новых документальных материалов по истории войны позволило ряду авторов с той или иной степенью глубины поднять и другие темы, характеризующие военное лихолетье. Среди них – война и Русская православная церковь, деятельность антигитлеровской коалиции, проблема коллаборационизма, поведение в годы войны представителей русского зарубежья,

¹ Кузнецов И.Н. Отечественная история : учебник. М.: Дашков и Ко, 2018. С. 380; История России: учебник и практикум для академического бакалавриата / К. А. Соловьёв и др.; под ред. К. А. Соловьёва. М.: Юрайт, 2019. С. 189; Отечественная история: учебник / Н.В. Шишова и др.; науч. ред. Н.В. Шишова. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 254.

история ГУЛАГа и т. д. Особого внимания заслуживают учебные издания, освещающие человека на войне через повседневный быт². Наряду с перечисленной тематикой, современную учебную литературу характеризует слабая персонификация истории Великой Отечественной войны, недостаточная информация о реальных человеческих судьбах на войне.

Представляется, что такое содержательное многообразие учебников по истории идёт только на пользу студенту в процессе приобретения знаний о войне. Тематическая «ограниченность» одного учебника покрывается содержанием другого. Бесспорно, что в условиях, когда время на историческую подготовку в вузах ограничено, значение учебника, как информационного источника для самостоятельной работы студента по изучению истории Великой Отечественной войны, возрастает. Особую значимость для изучающего историю при помощи учебника приобретает достоверность излагаемых фактов, логичность изложения материала, объективность приобретаемого знания. Т. е. учебник выступает не только кладовой информации, из которой студент черпает знания, но и мерилем правдивости фактографии, характеризующей Великую Отечественную войну. Помимо этого, он выполняет функцию обучения, то есть отражения и разъяснения стержневых (узловых) проблем, характеризующих содержание войны.

Проблема периодизации в современной учебной литературе

Одной из таких проблем, которой в учебных изданиях всегда уделялось должное внимание, является периодизация войны. Её использование при рассмотрении хода Великой Отечественной войны делает данное явление более доступным для изучения, позволяет разо-

² Новейшая история России (1914–2015): учебник для академического бакалавриата / М. В. Ходяков и др.; под ред. М. В. Ходякова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. С. 315.

браться в его многочисленных событиях, понимать логику развития, систематизировать основные факты, на основе этого приходиться к определенным выводам, обобщениям.

Историографический анализ показал, что, несмотря на значимость проблемы, в 60% рассмотренных учебников и учебных пособий периодизация Великой Отечественной войны как таковая отсутствует. У 40% единого подхода в освещении данной проблемы нет. И всё же следует отметить, что среди тех, кто ссылается на периодизацию при рассмотрении Великой Отечественной войны, доминирует традиционно сложившаяся в современной историографии точка зрения. Её сторонники войну как явление делят на три периода. Первый охватывает временные рамки с 22 июня 1941 г. по 18 ноября 1942 г. и включает в себя стратегическую оборону, которую вела Красная армия, разгром немецко-фашистских войск под Москвой, другие события на фронтах, сорвавшие план молниеносной войны. Второй период имеет место с 19 ноября 1942 г. по 31 декабря 1943 г. и характеризуется коренным переломом в ходе Великой Отечественной войны. Третий период продолжается с 1 января 1944 г. по 9 мая 1945 г. – это время полного освобождения от оккупантов территории СССР, разгрома фашистского блока и безоговорочной капитуляции Германии^{1 2 3}.

Наряду с представленным взглядом на периодизацию войны, установлены учебники и учебные пособия, где демонстрируются и другие мнения по данной проблеме. В частности, в ряде учебных изданий наблюдается смешение периодизации Второй мировой войны с периодизацией Великой Отечественной. Так,

в учебном пособии, автором которого является Ю. А. Шестаков, в параграфе «Предпосылки Второй мировой войны и её ход» временной отрезок 1939–1941 гг. назван «первым периодом Второй мировой войны». Затем, без оговорок в содержании параграфа, указываются временные рамки «второго» – 19 ноября 1942 г. – 1943 г. и «последнего» периодов Великой Отечественной войны – 1944 г. – 9 мая 1945 г. Что же касается периодизации Второй мировой войны, то автор к ней на страницах данного издания больше не возвращается⁴.

В учебнике «История России» под редакцией Л. И. Семенниковой в теме «На переломе эпох», наряду с изложением традиционно сложившихся подходов на периодизацию начала Второй мировой войны и «первого периода Отечественной войны», присутствует отличное от других мнение⁵. Авторы считают, что «второй период Великой Отечественной войны продолжался с ноября 1943 г. до лета 1944 г.»⁶. Затем, возвращаясь к периодизации Второй мировой войны, указывают на то, что её «завершающий этап» – лето 1944 г. – лето 1945 г.»⁷. Относительно продолжения периодизации Великой Отечественной войны в учебнике встречаем лишь замечание: «для СССР Великая Отечественная война плавно переросла в завершающий этап Второй мировой войны»⁷. Общеизвестно, что Вторая мировая война закончилась 2 сентября 1945 г. Следуя логике авторов учебника, это является и временем окончания Великой Отечественной войны. Такой же точки зрения на определение времени окончания Великой Отечественной войны, судя по содержанию учебного посо-

¹ Кириллов В. В. История России : учебное пособие для академического бакалавриата. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. С. 523.

² Мокроусова Л. Г., Павлова А. Н. История России : учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2019. С. 73.

³ Касьянов В. В. История России : учебное пособие для бакалавриата и специалитета. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 191.

⁴ Шестаков Ю. А. История : учебное пособие. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. С. 160, 162-163.

⁵ История России : в 2 ч. Часть 2. XX в. – начало XXI века : учебник для академического бакалавриата / Л. И. Семенникова и др.; под ред. Л. И. Семенниковой. 7-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 207, 216.

⁶ Там же. С. 221.

⁷ Там же. С. 224.

бия «История России: для бакалавриата и специалитета», придерживается его автор В. В. Касьянов. Назвав «три основных периода», последний из которых заканчивается 9 мая 1945 г., он выделяет ещё и «заключительный этап Великой Отечественной войны», в рамках которого «была проведена самостоятельная Дальневосточная (Маньчжурская) стратегическая наступательная операция, в ходе которой была разгромлена основная японская (Квантунская) армия»¹. Тем самым окончание Великой Отечественной войны, согласно утверждению В. В. Касьянова, совпадает с окончанием Второй мировой войны.

Следует заметить, что в таком понимании периодизации просматриваются отголоски советской историографии, когда Великую Отечественную войну делили на четыре периода. Последний из них охватывал 1945 г. и назывался «периодом завершающих побед Советских Вооруженных Сил и включал боевые действия как в Европе, так и на Дальнем Востоке против империалистической Японии» [1, с. 14]. И всё же на сегодняшний день отечественная историография рассматривает Великую Отечественную войну, которая завершилась 9 мая 1945 г. разгромом фашистской Германии, как решающую, но отдельную часть Второй мировой войны [2, с. 715]. Что же касается участия советских войск в разгроме милитаристской Японии, то, по мнению авторов многотомного издания о Великой Отечественной войне, это – «заключительное событие», «самостоятельная часть Второй мировой войны» [2, с. 707, 715].

В отдельную группу по освещению периодизации Великой Отечественной войны можно выделить учебные издания, в которых нет чёткого определения временных рамок того или иного периода или этапа войны. Так, в учебнике, авторами которого являются Д. О. Чураков и

С. А. Саркисян, ряд параграфов, как можно понять по названию, посвящены содержанию отдельных периодов. Например, 7.4 «Срыв планов блицкрига в начальный период войны»², 7.5 «Коренной перелом в Великой Отечественной войне»³. Однако чёткое хронологическое обозначение временных рамок у них отсутствует. Вместе с тем такая практика изложения периодизации, как показывает название параграфа 7.6 «Победа СССР на завершающих этапах Великой Отечественной войны», ставит перед читателем вопросы: сколько было таких этапов, когда они имели место «на завершающем этапе» и т. д., т. к. содержание самого параграфа заканчивается событиями 9 мая 1945 г.⁴

Аналогичный подход в освещении периодизации войны находим у авторов учебника под редакцией профессора М. В. Ходякова. Если первые два параграфа, посвящённые обсуждаемой проблеме, совпадают с традиционно устоявшимися названиями периодов Великой Отечественной войны, то 3-й и 4-й названы соответственно: «Наступательные операции 1944 г.», «Победный 1945 г.»⁵. Можно предположить, что такой подход в освещении истории Великой Отечественной войны рассчитан на самостоятельную работу студента, который через содержание параграфов должен прийти к пониманию её временных рамок. Одновременно в учебнике, научным редактором которого является Н. В. Шишова, выделяется только один период. Таковым, «особым периодом в Великой Отечественной войне», являлось, по мнению его авторов, освобождение Европы⁶.

² История России. XX – начало XXI века : учебник для академического бакалавриата / Д. О. Чураков и др.; под ред. Д. О. Чуракова, С. А. Саркисяна. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 145–148.

³ Там же. С. 148–149.

⁴ Там же. С. 149–152.

⁵ Новейшая история России (1914–2015): учебник для академического бакалавриата / М. В. Ходяков и др.; под ред. М. В. Ходякова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. С. 287–290.

⁶ Отечественная история : учебник / Н. В. Шишова и др.; науч. ред. Н. В. Шишова. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 265.

¹ Касьянов В. В. История России : учебное пособие для бакалавриата и специалитета. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 191.

Понимание временных рамок коренного перелома в Великой Отечественной войне

Отсутствие чёткого обозначения в учебной литературе основных периодов Великой Отечественной войны привело к неоднозначной интерпретации других вопросов, связанных с периодизацией. Среди таких – понимание временных рамок коренного перелома в Великой Отечественной войне. Историографический анализ показал, что сегодня в учебниках и учебных пособиях отсутствует единое освещение времени начала и окончания коренного перелома, а также событий, связанных с ним.

Одни утверждают, что начало коренному перелому было положено в битве под Сталинградом^{1,2}. Правда, в учебнике под редакцией Д. О. Чуракова и С. А. Саркисяна находим уточнение: «разгром немцев под Сталинградом означал начало коренного перелома в ходе всей Второй мировой войны»³. По мнению других, «коренной перелом в войне наметился в результате победы под Курском»⁴. Третьи придерживаются точки зрения, что начало коренному перелому в войне было положено в битве под Москвой, а Сталинградская битва «внесла решающий вклад в развитие коренного перелома в войне»⁵.

Нет единого подхода в учебных изданиях и при освещении времени и события, которое знаменовало собой окончание коренного перелома в Великой Отечественной войне. Так, в ряде учебни-

ков и учебных пособий отмечено, что коренной перелом в ходе войны завершила «битва на Курской дуге»^{6,7,8}. Заметим, что данное сражение состоялось в период с 5 июля по 23 августа 1943 г. В то же время в учебнике, автором которого является И. Н. Кузнецов, временной и событийный диапазоны окончания коренного перелома расширяются: «Курская битва, а затем и битва за Днепр завершили коренной перелом в Великой Отечественной войне»⁹. В учебнике В. Кириллова и М. Бравиной находим уточнение: «сражение за Днепр и освобождение Левобережной Украины» явились той точкой, когда «произошёл коренной перелом в ходе войны: стратегическая инициатива окончательно перешла в руки советского командования»¹⁰. Хронологически стратегическая наступательная операция по освобождению данной территории завершилась в декабре 1943 г.

Авторы ряда учебных изданий уходят от прямого определения временных рамок коренного перелома, называя Сталинградскую битву «кульминацией Великой Отечественной войны», а Курскую – «стратегическим переломом»¹¹. Дату 19 ноября 1942 г. – «временем коренного перелома ... причём не только на фронтах, но и в работе тыла, в развитии экономики»¹². Таким образом, казалось

¹ Мокроусова Л. Г., Павлова А. Н. История России : учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2019. С. 77.

² История России. XX — начало XXI века : учебник для академического бакалавриата / Д. О. Чураков и др.; под ред. Д. О. Чуракова, С. А. Саркисяна. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 149.

³ Там же. С. 149.

⁴ Зуев М.Н., Чернобаев А.А., Бондаренко А.Ф. История России для технических вузов: учебник для прикладного бакалавриата / под ред. М. Н. Зуева, А. А. Чернобаева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 366.

⁵ Кузнецов И.Н. Отечественная история : учебник. М.: Дашков и Ко, 2018. С. 400, 402.

⁶ Касьянов В. В. История России : учебное пособие для бакалавриата и специалитета. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 193.

⁷ Новейшая история России (1914–2015): учебник для академического бакалавриата / М. В. Ходяков и др.; под ред. М. В. Ходякова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. С. 286.

⁸ История России. XX – начало XXI века : учебник для академического бакалавриата / Д. О. Чураков и др.; под ред. Д. О. Чуракова, С. А. Саркисяна. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 149.

⁹ Кузнецов И.Н. Отечественная история : учебник. М.: Дашков и Ко, 2018. С. 404.

¹⁰ Кириллов В. В., Бравина М. А. История России для технических вузов : учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 434, 436.

¹¹ Князев Е. А. История России. XX век : учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. С. 167, 170.

¹² Фирсов С. Л. История России : учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 266.

бы, очевидный вопрос учебники и учебные пособия освещают по-разному.

Представляется, что разногласия в трактовке временных рамок такого важного явления в сегодняшних учебных изданиях объясняется отзвуками научных дискуссий, которые имели место в исторической науке. С одной стороны, ряд известных советских историков ещё в годы «перестройки» отстаивали мнение о том, что «победа Красной Армии под Москвой явилась началом коренного перелома, победа под Сталинградом внесла решающий вклад в коренной перелом, а битва под Курском и выход советских войск к Днепру завершили этот процесс» [5, с. 80]. С другой стороны, часть советских, а в последующем – большинство уже российских историков, отталкиваясь от понимания содержания коренного перелома, пришли к выводу о том, что начало ему было положено под Сталинградом [6]. Эта точка зрения получила закрепление в фундаментальном многотомном издании о Великой Отечественной войне. Согласно выводам авторов 3-го тома, «победа советских войск под Сталинградом положила начало коренному перелому в ходе войны, изменив стратегическую обстановку не только на советско-германском фронте, но и на других фронтах Второй мировой [3, с. 421]. «Курская битва, по их мнению, стала показателем необратимости коренного перелома в Великой Отечественной войне, выражающемся в том, что вермахт и его союзники уже были не в состоянии вернуть себе стратегическую инициативу», а время окончания коренного перелома авторы очерчивают битвой за Днепр [3, с. 792].

Отражение в учебной литературе времени окончания Великой Отечественной войны

Ещё одной проблемой, связанной с периодизацией Великой Отечественной войны, является отражение в учебной литературе времени её окончания и событий, связанных с ним. В частности,

объяснение дня празднования советскими людьми, а сегодня – россиянами, окончания Великой Отечественной войны 9 мая и ответа на вопрос, почему Европа отмечает День победы 8 мая.

Историографический анализ показал, что в учебной литературе преобладают два основных видения данной проблемы. Одна часть учебных изданий сложившуюся традицию объясняет разницей во времени, которая существовала между Европой и СССР в момент капитуляции Германии. По мнению сторонников данной точки зрения, эта акция «происходила поздно вечером 8 мая, когда в Москве уже наступило 9 мая, поэтому День Победы в России празднуют не 8, а 9 мая»^{1, 2}. Авторы учебника «История России для технических вузов» увидели расхождение в том, что: «... все западные средства массовой информации сообщили о начале церемонии (имеется в виду подписание акта о капитуляции вечером 8 мая. – М. И.). Советские радиостанции передали о долгожданной победе после завершения церемонии, уже 9 мая 1945 года»³.

Иные авторы связывают окончание Великой Отечественной войны и празднование Дня Победы с днём освобождения города Праги, произошедшего 9 мая. По мнению авторов учебника под редакцией М. Н. Зуева и А. А. Чернобаева, «день освобождения города – 9 мая 1945 г. – стал Днём Победы советского народа над фашизмом»⁴. Этой же точки зрения придерживается В.В. Касьянов, подчеркивая, что «9 мая танки маршала И. С. Конева стремительным броском освободили вос-

¹ История России в 2 ч. Часть 2. XX – начало XXI века : учебник для академического бакалавриата / Л. И. Семенникова и др.; под ред. Л. И. Семенниковой. 7-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 227.

² Мокроусова Л.Г., Павлова А.Н. История России: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2019. С. 79.

³ Кириллов В. В., Бравина М. А. История России для технических вузов : учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 445-446.

⁴ Зуев М.Н., Чернобаев А.А., Бондаренко А.Ф. История России для технических вузов: учебник для прикладного бакалавриата / под ред. М. Н. Зуева, А. А. Чернобаева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 371.

ставшую против фашистов Прагу. Великая Отечественная война закончилась»¹. Этот же аргумент, подтверждающий окончание войны, правда, «войны в Европе», находим в учебнике И. Н. Кузнецова². Авторы учебника «История России. XX–начало XXI вв.» окончание войны представляют читателю двумя известными событиями сразу: «... 9 мая 1945 г. столица Чехословакии была освобождена. В тот же день, в 0 часов 43 минуты маршал Г. К. Жуков принял от Германии акт безоговорочной капитуляции»³. Заметим, однако, что Прага была очищена от немецких войск «ближе к вечеру» 9 мая.

В то же время нельзя обойти вниманием и другие факты, помогающие понять существующую разницу в оценке времени окончания войны. Например, в отдельных учебниках упоминается факт подписания «предварительных» условий капитуляции Германии в г. Реймсе (Франция). В частности в учебнике, авторами которого являются В. В. Кириллов и А. М. Бравина, находим объяснение: «5 мая 1945 г. союзное командование приняло капитуляцию Германии без участия СССР»⁴. В то же время в учебнике «История России ...» отмечается, что «предварительные условия капитуляции были подписаны 7 мая 1945 г.»⁵. Представляется, что последнее утверждение ближе к истине, по сути, и по определению времени события. Действительно, 7 мая 2 ч. 41 мин. по центральноевропейскому времени в г. Реймсе Протокол о без-

оговорочной капитуляции был подписан побеждённой стороной, с одной стороны, и представителями антигитлеровской коалиции, в том числе и – от Советского Союза, с другой. Согласно подписанному документу, германские войска должны были 8 мая с 23 ч. 1 мин. прекратить боевые действия. В этой связи союзники по антигитлеровской коалиции предложили СССР объявить о победе над Германией 8 мая. Советская сторона отвергла это предложение и настояла на «торжественном» подписании акта о капитуляции в Берлине. «Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический акт и принята на территории, откуда пришла фашистская агрессия – в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции», вспоминал позже заместитель начальника Генерального штаба генерал С. М. Штеменко об оценке И. В. Сталина того, что произошло в Реймсе 7 мая 1945 г. [8, с. 523]. Союзники согласились с мнением советской стороны, но о капитуляции Германии объявили своим гражданам 8 мая⁶.

Анализируя освещение истории окончания Великой Отечественной войны, нельзя обойти вниманием ту часть учебных изданий, где на такой важный вопрос студенту трудно найти однозначный ответ. Например, «8 мая Германия подписала акт о своей безоговорочной капитуляции. 5–9 мая была освобождена Чехословакия»⁷. На это утверждение заметим цитатой из другого учебного издания: «сопротивление группировки немецких войск на территории Чехословакии продолжалось до 11 мая»⁸. В одном

¹ Касьянов В. В. История России: учебное пособие для бакалавриата и специалитета. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 194.

² Кузнецов И. Н. Отечественная история. Учебник. М.: Дашков и Ко, 2018. С. 408.

³ История России. XX — начало XXI века: учебник для академического бакалавриата / Д. О. Чураков и др.; под ред. Д. О. Чуракова, С. А. Саркисяна. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 152.

⁴ Кириллов В. В., Бравина М. А. История России для технических вузов : учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 445.

⁵ История России : в 2 ч. Часть 2. XX в. – начало XXI века : учебник для академического бакалавриата / Л. И. Семенникова и др.; под ред. Л. И. Семенниковой. 7-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 227.

⁶ См.: Радиообращение премьер-министра У. Черчилля – «Конец войны в Европе» – 8 мая 1945 г. Выступление по радио на канале BBC, Лондон [Электронный ресурс]. URL: <https://military.wikireading.ru/45685> (дата обращения: 23.02.2020).

⁷ История России: учебник и практикум для академического бакалавриата / К. А. Соловьёв и др.; под ред. К. А. Соловьёва. М.: Юрайт, 2019. С. 195.

⁸ Мокроусова Л. Г., Павлова А. Н. История России : учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2019. С. 80.

случае встречаем простую констатацию, что «9 мая 1945 г. в Карлхорсте представитель германского командования фельдмаршал Кейтель подписал акт безоговорочной капитуляции»¹, в другом – вообще 9 мая не упоминается в качестве дня окончания войны, а констатируется факт, что «в предместье Берлина Карлхорсте был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии (8 мая)»².

Следует констатировать, что «Акт о военной капитуляции» был подписан в предместье Берлина в 22 ч. 43 мин. 8 мая по центральноевропейскому или 0 ч. 43 мин. 9 мая – по московскому времени. В этот же день в обращении к советскому народу и вооруженным силам Верховный главнокомандующий И.В. Сталин заявил: «Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия... признала себя побеждённой и объявила безоговорочную капитуляцию... Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии всё ещё уклоняется от капитуляции. Но надеюсь, что Красной Армии удастся привести её в чувство» [4, с. 384].

Ещё одним документом, который ставил точку в разгроме фашистской Германии, явилась «Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, США, Великобритании и Временным правительством Французской Республики», подписанная 5 июня 1945 г. в Берлине. «Так, по мнению авторов многолетнего издания, посвящённого этому героическому и одновременно трагическому явлению XX в., закончилась Великая Отечественная война», а Парад Победы в Москве, который состоялся 24 июня 1945 г., стал «завершающим событием Великой Отечественной войны» [2, с. 692].

Заключение

Таким образом, анализ изученной учебной литературы показал, что известная и важная проблема периодизации Великой Отечественной войны трактуется в ней далеко не однозначно. Следует констатировать, что на сегодняшний день в учебной литературе нет единого подхода в её освещении. Попытка предоставить студенту возможность самому разобраться в разнообразии трактовок узловых проблем войны, очень насыщенном событийном ряде, приводит к плачевному результату, который, зачастую, встречаем в студенческой аудитории при рассмотрении темы, посвящённой Великой Отечественной войне. Представляется, учебник должен помогать разобраться студенту в том содержательном многообразии, которое характеризует современную отечественную историографию о Великой Отечественной войне. Изученная же учебная литература, к большому сожалению, только осложняет усвоение этой важной темы. Выход из создавшегося положения видится в ориентации при подготовке данной темы на фундаментальные работы, научные исследования, посвящённые Великой Отечественной войне. Речь идёт не об оценочных суждениях, а об использовании выверенных дат, фактов, событий. Только такой подход позволит достичь объективного знания и понимания студентом фактографии и фактологии, связанной с Великой Отечественной войной, решать дидактические и воспитательные цели, заложенные в самом названии раздела или темы в учебнике или учебном пособии, посвящённом данному явлению.

Статья поступила в редакцию 06.03.2020

¹ Фирсов С.Л. История России : учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 269.

² Князев Е. А. История России. XX век : учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. С. 174.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болтин Е. О периодизации Великой Отечественной войны Советского Союза // Военно-исторический журнал. 1959. № 2. С. 12–24.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 1. Основные события войны. изд. доп. и испр. М.: Кучково поле, 2015. 976 с.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
5. Самсонов А.М., Ржешевский О.А. О коренном переломе во Второй мировой войне // Вопросы истории. 1987. № 4. С. 71–80.
6. Хисамутдинова Р.Р. Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945 годы) военно-исторические очерки. Оренбург: ОГПУ, 2014. 476 с.
7. Чернова О. В. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне // Политическое просвещение. 2011. № 1. С. 32–46.
8. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. 2-е изд. М.: Воениздат, 1989. 560 с.

REFERENCES

1. Boltin E. On the periodization of the great Patriotic war of the Soviet Union // Military-historical journal, 1959, no. 2, pp. 12–24.
2. The Great Patriotic war of 1941–1945: in 12 vols. 1. Main events of the war. ed. add. and ISPR. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2015. 976 p.
3. The great Patriotic war of 1941–1945 : in 12 vol. Vol. 3. Fights and battles that changed the course of the war. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012. 864 p.
4. The great Patriotic war of 1941–1945 : in 12 vol. Vol. 5. The Victorious final. Final operations of the great Patriotic war in Europe. War with Japan, Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2013. 864 p.
5. Samsonov a.m., Rzheshesky O. A. The radical change in the second world war. In: *Question of history*, 1987, no. 4, pp. 71–80.
6. Khisamutdinova R. R. the Great Patriotic war of the Soviet Union (1941–1945) military-historical essays. Orenburg, OGPU Publ., 2014. 476 p.
7. Chernova O. V. Historical memory of Russians about the great Patriotic war In: *Political education*, 2011, no. 1, pp. 32–46.
8. Shtemenko S. M. General staff during the war. Moscow, Voenizdat Publ., 1989. 560 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ивашко Михаил Иванович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Российского государственного университета правосудия;
e-mail: mihail-ivashko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail I. Ivashko – Dr. Sci. (History), Prof., Departmental Head, Department of General Education, Russian State University of Justice;
e-mail: mihail-ivashko@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ивашко М. И. Проблемы периодизации Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на страницах вузовских учебников по истории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 35–44.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-35-44

FOR CITATION

Ivashko M. I. Problems of periodization of the 1941–1945 Great Patriotic war on the pages of university history textbooks. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 35–44.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-35-44

УДК 94(47).027

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-45-56

АНТИЧНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Кузнецов Е. В.¹, Курдин Ю. А.²

¹ *Независимый исследователь*

г. Нижний Новгород

² *Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал) 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Карла Маркса, д. 36, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотрение проблемы расселения восточных славян на основе анализа «Слова о полку Игоре».

Процедура и методы. Сопоставление данных топонимики «Слова о полку Игоре» с античными источниками.

Результаты. Исторические материалы наглядно свидетельствуют о тесной связи западноевропейской и восточнославянской истории в средневековье. Как полагают авторы, северы, расселившись на востоке от Днепра на обширных территориях, стремились сохранить воспоминания о прошлом и давали своим поселениям престижные и сакрально обоснованные названия с корнем Рим.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщение данных античных и русских средневековых источников о расселении восточных славян.

Ключевые слова: «Слово о полку Игоре», топонимы, реминисценции, древнерусская литература, Древняя Русь

ANTIQUE REMINISCENCES IN “THE TALE OF IGOR’S CAMPAIGN”

E. Kuznetsov¹, Yu. Kurdin²

¹ *Independent researcher*

Nizhni Novgorod

² *Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas branch*

36, K. Marx str., Arzamas 607220, Nizhni Novgorod region, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the question of settlement of the Eastern Slavs across the left-bank area of the Dnieper River based on the analysis of “The Tale of Igor’s Campaign”.

Methodology. A comparison of the toponymic information from “The Tale of Igor’s Campaign” (Slovo o Polku Iegorevy) with that from various antique sources was conducted.

Results. The analyzed historical records demonstrate a close correlation between Western European and Eastern-Slavic historical development in the Middle Ages. A suggestion is made that the Severy (the name of the Eastern Slavic peoples, literally ‘people from the North’), who had settled the vast lands to the East of the Dnieper, were keen to keep the reminiscences of their past. Thus, they would name their settlements using conspicuous and sacred names containing the root ‘Rome’ (Rim, in Russian).

Research implications: The article generalizes the available data from ancient and Russian medieval sources about settlement of the Eastern Slavs.

Keywords: The Tale of Igor’s Campaign, toponymy, reminiscences, ancient Russian literature, ancient Russia

Введение

Решение проблем, связанных с исследованием выдающегося памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве», занимавших видное место в течение двух столетий в трудах русских и советских историков и филологов, в последние годы явно отошло на периферию гуманитарной науки. Свидетельством этому является тот факт, что, несмотря на появление новых литературных трудов, посвящённых изучению различных аспектов произведения, за последнее десятилетие не вышло в свет ни одного обстоятельного труда, приблизившего нас к разгадке тайн великого памятника Слова.

Большой резонанс в научных кругах вызвала книга А. Н. Ужанкова «Слово о полку Игореве и его эпоха» [11], в которой известный филолог-медиевист предложил свою концепцию авторства и хронологии анонимного шедевра Древней Руси. Резко отрицательную оценку этому исследованию дал А. М. Ранчин, отметивший в своей рецензии антиисторизм и тенденциозность автора книги, издание которой явно показывает, что «изучение «Слова» переживает кризис [8, с. 374].

Между тем «Слово о полку Игореве» до сих пор являет собой плодотворную почву для исторических и лингвистических исследований. Достаточно отметить, что явно неполно представлена этническая карта «Слова», не раскрыты связи русских княжеств XII в. с соседними народностями, не выявлены взаимоотношения славян, остготов и гуннов в IV–VI вв. Существенным ресурсом в решении историко-географических проблем «Слова о полку Игореве» являются данные различных списков ПВЛ, западнославянских летописей, а также этно- и антропонимии. Проверить известия нарративов можно путём привлечения онимических материалов.

Дунайские северы и днепровские северяне

На землях Днепровского Левобережья, к востоку от Переяславля-Русского (Южного) известно «гнездо» топонимов – двусложных, но имеющих основной формант «р'м» (r'm). Здесь, в низовьях Сулы (в административном отношении это Чернобаевский район Черкасской области), на картах XIX – первой половины XX вв. можно найти речку Буромку (Буримку) Малую. На другом берегу речки изображалась местность (урочище) Супрома, то есть «супротив» Рома¹. Здесь же, на речных берегах, известны селения Большая и Малая Буримка (Буромка). Одна из любительниц старины около 50 лет тому назад писала, что её земляки звали раньше селение Буромку (Буримку) «Був-Рим» [6, с. 9–10]. Точнее, наверное, – Бу[й]-Рим. Из этого следует заключить, что уменьшительный суффикс «к» возник сравнительно недавно и связан с девальвацией значения топонима в народном сознании².

Эти топонимы едва ли привлекали бы внимание учёных, если бы не многозначительный эпизод из «Слова о полку Игореве». В текст «златого слова со слезами смешанного» автор поэмы включает замечание, что поражение Игоря открыло половецким ханам дорогу на приграничные степи русской земли. Великий киевский князь Святослав³, в уста которого вложено «Златое слово»⁴, произносит такую фразу: «...Се у Римъ кричать подъ саблями половецкими...»⁵. Эти семь слов вызвали многократные и довольно

¹ Большая Буримка (Буромка) течёт, естественно, по соседству.

² Ср. *Суп-рома* также без суффикса «к» (Рома, а не Ромка).

³ Святослав Всеволодович (1117–1194), внук Олега Святославича («Гориславича»). Первое упоминание в летописи – 1140 г. Великий князь в Киеве – 1181–1194 гг.

⁴ «... великий Святославъ изрони злато слово с слезами смешено...».

⁵ Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъслава, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 304–305.

обширные комментарии. Стараниями нескольких поколений специалистов был выделен ряд населенных пунктов на землях днепровского левобережья, которые своим фонетическим обликом напоминали Рим[ов] древнерусского поэтического произведения [2, с. 61–64; 11, с. 203]. Это Ромны (запад современной Сумской области), Римовка (ныне – Рымаревка), верховья реки Псел, вблизи города Гадяч, а также Рим или «Рым» (украинское произношение) на юге Черниговщины (Прилуцкий район). К ним можно прибавить Ромодан на среднем течении реки Сулы. Однако все названные селения лежат далеко от Переяславля-Русского, который безуспешно пытался атаковать Кончак. Именно после этой неудачи, отступая в степи, Кончак сжёг Рим (Римов) и захватил большой полон. В летописях можно встретить немаловажную деталь: некоторые римовцы спаслись бегством через болота, которые лежали у стен города в понизовье Сулы. Остальные города, претендовавшие на печальную участь «Рима» (Римова), были расположены на возвышенной (а потому сухой) местности в верховьях Псела и Сулы.

Эти четыре топонима (с Ромоданом – пять), существовавших в области расселения северян, не могут не спровоцировать вопроса: почему столько «Римов» («Ромов» и др.) существует здесь, на землях одного из славянских племен или вблизи территории его компактного расселения?

Текст «Слова...» даёт ряд интересных материалов для ответа на поставленный вопрос. Речь должна идти, в частности, о неоднократном употреблении автором поэмы теонима Троян (Траян). Теоним встречается в поэтическом тексте четыре раза. Три упоминания: «века» Трояна, «седьмой век»¹ после Трояна, «тропа»

¹ Речь здесь идёт о действиях полоцкого князя Всеслава. Автор «Слова» датирует их седьмым веком после Траянова времени, т. е. после захвата Подунавья гуннами в конце IV в., но, как кажется, возможно другое «векоисчисление». Это «векоисчисление» предполагает, что в основу счёта славяне

Трояна – нашли немало число комментаторов. Четвёртое же из упоминаний привлекло меньше внимания и, как нам кажется, неоправданно. Вот строки из «Слова...», контекстные интересующему нас теониму: «... Ужо бо, братие, не веселая година вьстала ... вьстала обида ... вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синем море у Дону...»². Важно понять, что обозначал древнерусский поэт словами «земля Трояна». Имеется в виду, на наш взгляд, не ландшафт, не территория, а народ, точнее, та часть русского народа того времени (XII в.), которая историческими корнями была связана с племенем северян. Для северян добрым «гением», божественным покровителем, иначе говоря, при неизвестных нам обстоятельствах стал римский император Марк Ульпий Траян (98–117 гг.), который немало времени провёл и многое совершил в землях племён, живших по берегам Дуная (в его нижнем течении) [3; 12, р. 14–17]. Можно, логически рассуждая, предположить, что предки северян заключили с римским императором, который вёл затяжные войны с даками, а потом нуждался в поддержке, договор о патронате. Патронатные отношения были широко распространены на территориях римских провинций. За поддержку «патрона» его «клиенты» (род, племя, община) получали льготы в налогах, материальную помощь, защиту от нападений со стороны врагов и др. [1, с. 240]. О том, что «предком» языческого

брали не десятичный принцип, а «двудесятеричный», т. е. считали «дюжинами». Поэтому славянский (славяноязыческий) век должен был иметь 120 лет. Тогда от «века Трояна», который начинается, вероятнее всего, с года вступления Траяна в «императорскую» должность, и должен был закончиться началом III в. Если мы, условно, к 200 г. н. э. прибавим 7 веков по 120 лет (840 годов), то получим середину XI в., т. е. время, когда, как явствует из «Слова» и «Повести временных лет», действовал полоцкий князь Всеслав, герой древнерусского поэтического произведения...

² «Слово о полку Игореве». Подготовка древнерусского текста [академика] Д. Лихачёва. М.: Художественная литература, 1986. С. 33, 45, 28, 35.

северянского бога Трояна (почитавшегося и в других, включая славянские, племенах) был римский император II века Х.Л., уже писалось, особенно много украинскими специалистами¹.

Однако имя императора Трояна не стало эпонимом племени («этнической общины»). Клиенты Трояна из жителей придунайских равнин через несколько десятков лет после его смерти не могли не оказаться в тесных отношениях с императорами династии Северов (193–235 гг.) и, логично умозаключить, именно данное династическое имя стало эпонимом какой-то племенной группы. Ранневизантийская летописная традиция, в первую очередь хроника Феофана Исповедника, фиксирует на Нижнем Дунае этническую группу «северов»². Совпадение императорского когномена и этнонима не является случайным. Впрочем, прежде чем аргументировать наш тезис, обратимся к историографии. Близость балканского этнического имени «северы» с днепровскими «северянами» выглядит вполне очевидной (общий корень, суффиксы «ян», «ан», типичные для славянского этнолексона³) и подтверждена авторитетом крупных отечественных специ-

алистов. В. В. Седов так интерпретирует данный исторический факт: «Этноним *северы* сопоставим с восточнославянскими северянами, в связи с чем вполне допустима мысль о том, что балканские северы – отколовшаяся часть большого праславянского племени, сложившегося в условиях славяно-иранского симбиоза в антском регионе Днестровско-Днепровского междуречья» [9, с. 414].

Г. Г. Литаврин, издатель Феофана Исповедника⁴, обращает внимание на другие этнические связи северов: «...северы составляли до вторжения булгар часть объединения «Семь родов»⁵ ..., но сохраняли внутри союза, как это имело место и в других подобных союзах, полуавтономию (не случайно сохранили собственное наименование...)»⁶. Нельзя не согласиться с мнением последнего автора об отчуждённости северов от славянских родовых (племенных) групп, но почему Литаврин считает их «полуавтономными» от славян, а не полностью «автономными» (равноправными союзниками «семи родов»), понять трудно. «Славяно-иранский симбиоз», да ещё «в антском регионе» – это чисто логическая конструкция маститого учёного, которую трудно согласовать с реальными фактами.

Нашу аргументацию следует начать с того, что этноним «северы», равно как и наименование римской императорской династии Северов, происходит от хорошо известных латинских слов «severus, a, um», «severitas» (f). Существительное «северитас» входит в основной словарный фонд латинского языка и означает «суровость», «строгость», «холодность»; соответственно прилагательное «се-

¹ Один из известных издателей и комментаторов А. В. Мишанич отметил, что многие украинские специалисты «... схильні вбачити тут римського імператора... Траяна..., тісно зв'язаного своєю завойовницькою політикою з придунайськими слов'янами і румунами... його ім'я для придунайських слов'ян і Причорномор'я, значило багато. Авор «Слова», книжник, ознайомлений із византійською і південно словянською традицією, міг мати на увазі сааме цього діяча античного світу» // Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъслава, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 298.

² Феофан уделяет большое внимание вторжению кочевников-тюрков с ханом Аспарухом на земли, прилежащие к нижнему течению Дуная и на северо-восток Балканского полуострова (римская провинция Мезия) в 679 г., а также последующим историческим событиям в этом регионе (конец VII–VIII вв.) // Феофан Исповедник. Хронография. М.: Директ-Медиа, 2016. 1246 с.

³ Древнерусские этнонимы с суффиксами «ан», «ян» достаточно хорошо известны: древляне, поляне, галичане.

⁴ Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII–IX вв.) / отв. редактор Г. Г. Литаврин. М.: Восточная литература, 1995. С. 284–335.

⁵ Писавшие ранее специалисты называли эту этнополитическую единицу «Семь племён» и считали их славянами.

⁶ Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII–IX вв.) / Отв. редактор Г. Г. Литаврин. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 314–315.

рус» (муж. р.) переводится «суровый», «строгий»¹. Никакие ираноязычные параллели этим латинским лексемам нам не известны. Зато известно несколько древнеримских имён, в состав которых входил интересующий нас оним, в частности – оратор и сатирик Cassius Severus (50 г. до н. э. – 33 г. н. э.), христианский писатель конца IV – начала V вв, автор «Historia sacra» Сульпиций Север².

Аргументы «от лингвистики» согласуются с данными «от истории». Античные писатели сообщают немалое число разнообразных фактов, которые соединяются в весьма стройную с логической точки зрения цепочку. Одним из последствий «дакской войны» Траяна (конец I – начало II в. н. э.) явилось запустение нижнедунайских земель. Поэтому активно стало проводиться переселение разноэтнических групп (подчеркнём, что это были мелкие, разрозненные группы) на обезлюдившие территории. Наибольшее число переселенцев пришло из далеких селений Северной Африки и Сирии. На новой земле разобщённые (атомизированные) переселенцы, взаимодействуя с местными жителями и между собой, вынуждены были опираться на римские культурные (культурно-бытовые) институты и, естественно, пользоваться в общении с соседями латинским языком. Через несколько поколений произошла амальгамация аборигенов и переселенцев и образовался субэтнос восточных римлян (ромеев). Позднее, уже в послепластическое время, на базе этих придунайских жителей образовался вполне самостоятельный этнос с особым диалектом римского языка, которых славяне звали (иногда зовут и сейчас) «влахами» («волохами»), а самоназванием нового на-

рода стали слова «румы»³, «румьны» («румьны»). К этому романизовавшемуся населению Подунавья императоры династии Северов имели особенное отношение. Их корни, как и корни нижнедунайских жителей, лежали в семитских областях Сирии и Северной Африки (в последнем случае – из семитопунических регионов). Провинциальные симпатии Северов выразились в том, что они предоставили права гражданства провинциальным жителям Империи, а новые «ромей» Подунавья не только получили широкий доступ в римскую армию, но и доступ в привилегированные преторианские (гвардейские) когорты. В этих условиях логика фактов позволяет говорить, что какая-то группа (община, племя) жителей нижнедунайских областей просила и получила высшую санкцию на «обретение» императорского династического именованья – «северы». Нашу позицию, таким образом, можно описать так: северы – это одна из ромейских (румьных) групп местного латинизированного (и романизованного) населения, удостоившаяся своего имени за какие-то неизвестные пока нам заслуги перед династией Северов.

Проникновение славян на нижнедунайские земли имело последствия: одна часть местных жителей была вытеснена, другая взаимодействовала в различных формах с пришельцами. В последнем случае демографически активные славяне нередко ассимилировали чуждые этнические элементы. Как объективная историческая неизбежность имел место быть и процесс ославянивания этноса (племени) северов. Иначе говоря, симбиоз славян и румов (восточных ромеев) развился в победном для славян направлении. Феофан Исповедник⁴ свидетельствует, что после вытеснения византий-

¹ Отсюда хорошо известное нам географическое понятие, обозначающее высокие широты нашей планеты.

² Формант «север» позднее вошёл в именник Западной Европы (Северин, например, и в российские фамилии (Северовы, например)) // Латинско-русский словарь. Сост. И. Х. Дворецкий. М., 1976. С. 706.

³ На землях дунайского понизовья слово «Roma» нередко произносилось как «Рума», «Рум». Отсюда – румьны, Румыния.

⁴ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Восточная литература, 1995. С. 279.

цев из Мезии (римская провинция к югу от нижнего течения Дуная) болгарский хан Аспарух разделил «семь родов» славян и северов. Первые были переселены на западные окраины формировавшегося южно-болгарского государства (вплоть до Аварии)¹, вторые были передвинуты на восток, к Черноморскому побережью, где им было поручено защищать приморские проходы (дороги) между горными отрогами Стара-Планины и Чёрным морем (район Варны, северо-восток современной Болгарии)². Здесь, как установил Г. Г. Литаврин, северы жили стабильно на протяжении нескольких десятилетий, сохраняя автономное от болгар (булгар) положение³. Больше того, они активно действовали против византийцев во Фракии (даже после поражения хана Телеца в войне с византийцами). Известно имя одного из их предводителей (архонта). Оно чисто славянское – Славун, и это подтверждает высказанную ранее мысль о славянизации северов (к этому времени, возможно, уже полной). Славун потерпел поражение и оказался в византийском плену – отчасти потому, что правивший хан Паган не помог ему⁴. Это случилось во вторую половину 60-х гг. VIII в.⁵ Поражение Славуна не могло не иметь последствий, но источники об этом ничего не говорят – прямо не говорят, но существуют косвенные свидетельства... В нарративе, вышедшем из-под пера патриарха Никифора (758–828 гг.), отец которого был секретарём Константина V (741–773 гг.) и, как явствует из текста, хорошо знал упомянутое несколькими строками ранее «дело» архонта северов Славуна, был отмечен факт массовой миграции

славян с Балкан именно в 60-е гг. VIII в.⁶ «... племена славян, переселяясь из своей земли (Балкан. – Е. В., Ю. А.), как беглецы переправились через Евксин... (Чёрное море. – Е. В., Ю. А.)...» Летописец говорит далее о массовом переселении (более двухсот тысяч) славян через Чёрное море в Малую Азию. Но почему только в Малую Азию? Какие-то группы (племена) славян могли перейти морские просторы в другом направлении – не в южном, а северном, не на берега малоазийской реки Артаны⁷, а к тихим заводям могучего Днепра⁸.

Попробуем повторить нашу точку зрения ещё раз, опираясь на данные Феофана и Никифора, а также комментарии к их текстам Г. Г. Литаврина. В 60-е гг. VIII вв. в болгарском (болгарском) ханстве на Дунае имел место, отчасти, как и результат поражений от Византии, затяжной политический кризис (четыре правителя за десять лет). В этих условиях произошло массовое выселение славян с Черноморского побережья Балканского полуострова. Одно направление миграции известно: северо-восток Малазийского полуострова. Северы не участвовали в этом переселении, имевшем место быть приблизительно до 765 г. (761–763 гг. – как утверждает Г. Г. Литаврин)⁹. Думается, однако, что после пленения Славуна (767 г. ?), имея в перспективе дальнейшее

¹ Авария располагалась на землях Среднедунайской равнины, в античной Паннонии (современной Венгрии).

² Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Восточная литература, 1995. С. 314–315.

³ Там же. С. 315, 320.

⁴ Там же. С. 285, 320.

⁵ В то время у болгар правили ханы Телец (701–763), Сабин (763–767) и Паган (767–768).

⁶ Это было связано с победами императора Константина V над болгарами и распрями внутри самого первого Болгарского царства.

⁷ Литаврин сообщает, что р. Артана (теперь Шиле) впадает в Чёрное море на 40 км восточнее Константинополя [10, с. 245].

⁸ По мнению Г. Г. Литаврина, инцидент со Славуну свидетельствует, что северы (как тюрки – болгары) остались на месте, несмотря на военные успехи Константина V: 30 июня 763 г. хан Телец был разбит императором. Но если до 767 г. уходили с Балканского полуострова славяне из Мезии, то после взятия византийцами в плен Славуна ничто не мешало уйти с территории Балкан северам, тем более, что новый хан Паган оказался враждебным по отношению к их архонту [10, с. 245, 320].

⁹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Восточная литература, 1995. С. 244.

насилие от кочевых ханов и от константинопольских василевсов, северы также ушли с Балкан на морских судах, но на север в Приднепровье, где на левобережье среднего течения этой великой восточноевропейской реки находились малоосвоенные и весьма привлекательные по своим агрономическим свойствам земли.

Расселившись на востоке от Днепра на обширных территориях (в несколько раз больших, чем на Балканах), северы стремились сохранить воспоминания о прошлом (славном прошлом!) и давали своим поселениям престижные и, думается, сакрально обоснованные названия с корнем Рим. Они помнили своего первого патрона – божественного Траяна (Трояна). Северы (северяне) настойчиво вспоминали о «Дунае-батюшке», обращаясь к нему за утешением в горе («плач» Ярославны на Дунае слышится) и ликуя вместе с ним в радости: «девицы поют на Дунае» по случаю возвращения Игоря в Киев (громко, радостно, надо думать): «доносятся их голоса через море до Киева»¹. Последние слова нашего перевода (пересказа) являются ещё одним аргументом в пользу морской дороги от Дуная к берегам Днепра.

Обращения к Дунаю не должны рассматриваться как чисто художественный приём. Здесь присутствует символизм глубокого, сакрального (мистически-сакрального) смысла, не очевидного читателям нового времени и нашим современникам, но воспринимаемого адекватно людьми XII столетия².

¹ Вот текст оригинала: «На Дунаи Ярославнынъ глас ся слышитъ [млышится]...: «Полечу, – рече, – зегзицею (кукушкой, по мнению Д. С. Лихачёва) по Дунаеви» (к Дунаю. – Е. В., Ю. А.). – С. 47. «... Игорь князь въ Руской земли (после побега из половецкого плена. – авт.); девицы, поютъ на Дунаи, – вьютъ голоси чрезъ море [Чёрное] до Киева» // Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 47, 52.

² Действительно, зачем Ефросинье Ярославне обращаться к далекому Дунаю? Разве нет других более близких, не менее полноводных и величественно-красивых рек? Вспомним знаменитое описание Днепра у Н. В. Гоголя.

В этнониме «северы» и производном от него в древнерусском (позднее – русском) языке «северяне» следует видеть воспоминание (реминисценцию – *reminiscence* [f] по-французски) народа о прежней родине, о предпочтениях прошлых (более счастливых?) времён, о покровительстве и милости последнего великого императорского рода в последний период существования политической системы принципата.

Топоним Буримка и прозвище Буй-Тур

Объяснение одного композита (второй – *Рим) в топониме Буримка не избавляет от необходимости обратиться к другому (первому – бу[й]) и попытаться объяснить его появление в лексеме.

Уместно вспомнить, что ряд русских князей в «Слове» (но далеко не большинство) пишется с «почётным» эпитетом «буй». Вот эти княжеские имена: «буй» Роман³, «буй» Рюрик⁴. К «буям» относился и отец Игоря Святослав⁵, но главным героем древнерусского поэтического произведения является брат Игоря Святославича – Всеволод⁶. Он не простой «буй», но «буй-тур» и «яр-тур», причем сложный эпитет «буй-тур» автором «Слова» использовался неоднократно⁷.

³ В тексте: «буй Романе». Князь Волынский (Владими́ро-Волы́нский) Роман Мстиславич (1150–1250 гг.) – один самых выдающихся князей русских земель второй половины XII в. В Ипатьевской летописи он сравнивается со львом, рысью и др. Погиб в войне с Польшей // Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 213–214.

⁴ В оригинале: «буй Рюриче» – Рюрик Ростиславич, внук Мстислава Великого, правнук Владимира Мономаха // Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 211–212.

⁵ Трижды поэт призывает отомстить «за землю Рускую, за раны Игоревы, [сына] буюго Святъславлича!» // Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 41, 42, 43.

⁶ Всеволод Святославич (1115–1196 гг.) – родной брат Игоря, князь Трубчевска и Курский.

⁷ В начале «Слова» можно прочесть: «Игорь ждет милого брата Всеволода. И рече ему буй-туръ Всеволод: «Один братъ... – Ты, Игорю! Оба есвъ Святъ-

Надо отметить ещё два словоупотребления: «буй Романе... высоко плаваеши на дело [ратное] въ буети, яко соколь на ветрехъ ширяся, хотя [как сокол] птицю въ буйстве одолети». В другом месте ведётся речь о том, что «въ буети» закалены храбрые сердца.

Обычно пересказчики (переводчики) «Слова» передавали эти слова обычными словами, привычными читателям XIX–XX вв.: храбрый, отважный, смелый и т. д. Однако словарный состав современного человека не передаёт символического (мистически-символического) смысла образов великого древнерусского поэта. Поэтому совершенно прав Д. С. Лихачёв, когда в своём «Объяснительном переводе» «Слова о полку Игореве» не стал искать синонимов символическому эпитету «буй» и стал называть князей таким образом: «буйный» тур Всеволод, Роман, Рюрик, хотя, заметим, слова «в буети» он передаёт как «в отваге», а «в буйстве» как «в смелости»...¹ И ещё, в заключительной здравице Д. С. Лихачёв выражение древнего поэта о «буй туре» оставляет без изменения².

Представляется плодотворной попытка Д. С. Лихачёва выйти за пределы современного («далевского») русского словаря при пересказе древнего поэтического текста.

Бедность древнерусского лингвистического материала подталкивает к тому, чтобы обратиться к античным европейским лингвистическим параллелям. Таковых данных много, особенно – в «Corpus inscriptionum Latinarum» (многотомное издание) и тех «специализированных»

славича!», – С. 29 лихачевского издания. В конце схожий по смыслу текст: «Слава Игорю Святъславличю, буй-туру Всеволоду...», с. 52. Ещё о Всеволоде автор «Слова» говорит, описывая сражение русских дружин с половцами: «Ярь туре Всеволоде!.. Камо, турь, поскачяще... тамо лежать поганья голловы половецкыя... отъ тебе, ярь туре Всеволоде!» // Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 33.

¹ Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 167, 178–179.

² Там же. С. 187.

словарях, составители которых пользовались малосистематизированными надписями названного «Корпуса». В частности, Альфред Хольдер в своём словаре древнекельтского языка приводит очень близкий по своей фонетике когномен в родительном падеже: *Vuiturri*. Слово это содержит надпись, найденную на территории Лондона. В именительном падеже когномен должен выглядеть так: *Vuiturris* (*Buturris*). В издании Хольдера можно найти и такие близкие лексемы: *Buturrus*, *Buturro*, *Buturra*, *Biriati fi* [lia]³. *Buturrus*, *Buturra* и аналогичные им лексемы в западноевропейских языках принадлежат к раннему пласту сакрализованных антропонимов. Первоначальный смысл двух слов, из которых состоит антропоним, близок по своему смыслу. Это самое могучее животное Европы – «бык», может быть, разные быки «по породе». Может быть, *bu[s]* – это одомашненное животное, а *tur* – «дикое»⁴. Позднее символика этих слов стала более абстрактной, означая «мощь», «силу», т. е. все то, что древние олицетворяли в могучем млекопитающем. Позднее формант *bo* [бу] в ряде европейских наречий вошел в состав теонима бог [бут, бос, бус и т.п.] [5, с. 18–19], и в качестве «определителя», «символа» стал активно применяться к названиям рек, озёр, селений, а также, что важнее, включаться в состав антропонимов, означая нечто «святое», «божественное» и т. п. Поэтому смысл первого форманта в названии селения (соответственно – реки) Бу[й]римка и почётного прозвания (прозвища) Всеволода Игоревича одинаков: «Святая» Рим[ка] и «Святой» Тур (соответственно – Божественная Рим[ка] и Божественный Тур). Святость князя может быть подтверждена с помощью древнерусской параллели. Всеволод не только «Буй», но и «Яр» Тур. «Яр» от Ярило – теонима, обозначавшего одного из славянских солнечных богов.

³ Holder A. Die alt-celtischer Sprachschatz. Vol. I. Graz, 1962. Pp. 626, 649, etc.

⁴ Вопрос требует особого рассмотрения.

Описание в поэме «сверкания» «золото-го» шлема Всеволода, вероятно, должно было напомнить слушателям (позднее – читателям) разящий блеск горячих лучей Ярилы – бога весеннего (мартовского) солнца. «Буестъ» («буйство») – это тоже не простое мужество, смелость и т. п., а сакрализованные (божественно обусловленные) качества воина: его святая одержимость, подобная той, которая владела ещё памятными на Руси XII в. «берсеркерами» из скандинавских викингов (скандинавских варягов) или отечественными «черниговскими» «былями» (бойрами), «могутами» (силачами) и др., которые выходили на боевое поле с одним «засапожным» ножом¹ и обращали толпы врагов в бегство. И ещё одно замечание: «буйесть» – это нарицательное существительное от теонима (теонимического онима) «Бу[й]» (Боз, Бус, Бог), равно как от языческого «Ярилы» в его усеченной форме «Яр» произошло понятие «ярость» и производные.

В известной монографии А. А. Королева [4] можно прочесть, что онимиконы «Turo», «Ture», «Turerius» широко распространены в местах расселения кельтиберов. В эпиграфических источниках упоминается галльское имя «Turones». В Ирландии (район Корка) была найдена хорошо сохранившаяся надпись в особой (раннесредневековой) графике народов Британских островов «огаме», в которой фиксировано имя местной богини «Turapias». Несколько десятков онимов с корнем *tur можно найти в словаре А. Хольдера. Среди них Turasius (Torasius), Turavus, Tureus, Turos, Turiacus, Turius, Turia, Turoius, Turuna и др.² У христиан-

ских народов Великобритании языческие теонимы были снижены в своём смысловом достоинстве. Валлийцы обозначали лексемой bwg (=bug) русское понятие «привидение». В английском «bug-boies» – это ночные духи (эльфы) и т. д. [4, р. 1154 ff]. В ведических текстах «tura» – это мощь, сила, которая мистически входит в тело священного (а потому могучего) быка.

Подведём некоторые итоги. «Буйтур», «яртур» Всеволод – выдающийся «силач» (тот, кого позднее под влиянием монгольских понятий называли богатырем). Если Роман и Рюрик просто «буеви» воины, то у Всеволода двойное сакральное величание. Из «Слова» известно, что Всеволод бился с половцами до последней возможности, поломав всё оружие, которое имел или получил от соседних «воев», но не был побеждён (убит, ранен), а лишь обезоруженным оказался в плену.

Можно условно, для простоты понимания современным читателям, передавать словосочетание «буйтур», как смелый, отважный тур, но композит «бу» в топониме Буримка такому переводу не подлежит (буйный, смелый Рим[ов] – а вот композиция «священный Рим[ов]» вполне соответствует историческому контексту. Возможно, что селение Рим[ов] при низовьях Сулы было святилищем в дохристианские времена. У городов Бу[й]-Рим[ов]а и Буй-Тура Всеволода наблюдается общее в божественности с позиций ещё языческого мировоззрения «троянова» народа – древнерусских потомков племени северов (северян).

И. И. Срезневский комментировал тексты со словом «буй»³ и проследил историю его развития. Он, в частности, цитирует текст «Повести временных лет» под 1096 г., где говорится, что князь Олег Святославович (внук Ярослава) «...всприимъ смысл буи и словеса величавы...» своих братьев, однако вести мир-

¹ Вот отрывок из текста: «Тии («были», «могуты» и др. – Е. В., Ю. А.) бо бес щитовъ, съ засапожники (речь идёт о ноже засапожном. – Е. В., Ю. А.) кликом плъкы побеждають, звонячи въ прадедную славу». Об обычае русских воинов, особых воинов в «буести» сражаться без оборонного доспеха пишут и летописи. Поэтому едва ли исторически достоверна картина Васнецова «Три богатыря».

² Holder A. Die alt-celtischer Sprachschatz. T. III. Graz, 1962. P. 1994–2020.

³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. С. 46.

ные переговоры с ними отказался¹. Здесь «смысл буй» – это, вероятно, «разум великий». Во всяком случае, «буи» и «величавы» – это понятия высокого смысла, равноуровневые в иерархии смысловых значений. Однако, как заметил Срезневский, к «новому» времени лексема «буй» потеряла высокий, сакральный смысл, хотя и сохранила следы былого величия: буй на Русском Севере XIX в. – пустое место внутри церковной ограды, используемое для церковных служб («молебны на бую») [5, с. 25, 26 и др.].

Как бы в приложение к данному очерку имеет смысл сказать несколько слов об этнониме «венеди» из «Слова». Этноним встречается в таком стихотворном фрагменте: «Ту немци и венедици, ту греци и морава поють славу Святъславлю (Святославу Киевскому, победившему хана Кобяка в 1184 г. на реке Орель. – Е. В., Ю. А.), кають князя Игоря (за неудачу на реке Каяле. – Е. В., Ю. А.)»².

Едва ли «венедици», как полагают комментаторы, – это венецианцы. Суффикс «д» свойственен немецким средневековым этнонимам, обозначавшим западных славян: Winden, Wenden и т. п., которые, конечно, произошли от латинского «veneti», но имеют специфику в произношении, несвойственную средневековым романским языкам: там латинская буква «t» стала произносится как «ц», «с». Отсюда – «Венеция», «венецианцы». Потому вернее будет предположить, что «венедици» «Слова» – это западные (или прибалтийские) славяне, ещё не поглощённые к тому времени немецкой колонизацией.

Все распространенные здесь исторические материалы – свидетельство тесной связи западноевропейской и восточнославянской истории в далеком от нас средневековье.

Когда уже были написаны заключительные слова в этой статье, авторы, в

очередной раз просматривая эпиграфический материал из упоминаемых на этих страницах свода латинских надписей (corpus inscriptionum latinarum), обнаружили интересные параллели восточно-европейским северам (северянам) на далеких западноевропейских территориях. Речь идет об использовавшихся в южной Галлии именах северакус (severacus) и североиакус (severiacus). Оба эти варианта Альфред Хольдер выводит из римских родовых обозначений: severus, severius...³ Впечатляет то, что до сих пор довольно кучно в департаментах Аверон (Aveiron) и соседних с ним департаментах Тарн (Tarn), Дром близ Валанса расположились теонимы в древней форме Severac (Severy) или «офранцузенное» Civrac. Всего специалисты нашли двадцать три так поименованных селений⁴. Среди них необходимо отметить замок (château – шато) Северак, церковь Северак и лесной массив Северак (causse de Severac) в нескольких километрах от столицы древних рутенов, ныне центр департамента Авейрон-Родеза [5, с. 116]. Такая сумма онимастических фактов не может быть случайной, она даёт основание для разных гипотетических построений европейского историко-географического масштаба.

Заключение

Таким образом, исторические материалы наглядно свидетельствуют о тесной связи западноевропейской и восточнославянской истории в средневековье. Как полагают авторы, северы, расселившись на востоке от Днепра на обширных территориях, стремились сохранить воспоминания о прошлом и давали своим поселениям престижные и сакрально обоснованные названия с корнем Рим. Приведённые выше примеры свидетельствуют о том, что автор «Слова» проявил незаурядную эрудицию в истории, сумев

¹ Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989. С. 91.

² Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 37.

³ Holder A. Die alt-celtischer Sprachschatz. Vol. III. Graz, 1962. Pp. 1531.

⁴ Ещё один Северак существует близ устья Луары у города S. Nazaire.

связать в своём поэтическом тексте события, разобщённые друг с другом более чем семью столетиями. Составителю «Слова» хорошо известно о связи его предков северского (северянского) племени с древними жителями Нижнего По-

дунавья. Думается, что образ реки Дунай в «Слове о полку Игореве» не просто воспоминание, а отражение реальной жизни его предков на реке Дунае.

Статья поступила в редакцию 14.05.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартошек М. Римское право (Понятия, термины, определения) / под ред. З. М. Черниловского. М. : Юридическая литература, 1989. 448 с.
2. Звагельский В. Б. О локализации летописного Римова // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 1. С. 61–64.
3. Князький И. О. Император Траян. М. : Алетея, 2016. 160 с.
4. Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка. М. : Наука, 1984. 209 с.
5. Кузнецов Е. В. Этногенез восточных славян: исторические очерки (IV–IX вв.). Арзамас: АГПИ, 2001. 191 с.
6. Литаврин Г. Г. Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства (конец VII–XI вв.). Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. М. : Наука, 1985. 368 с.
7. Ляскоронский В. Г. Русские походы в степи в удельно-вечевые времена. СПб. : Сенатская типография, 1907. 123 с.
8. Ранчин А. М. О новой книге А. Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 358–376.
9. Седов В. В. Славяне: историко-археологическое исследование. М. : Языки славянской культуры, 2002. 624 с.
10. Стародубцев Г. Ю., Чубур А. А. Римов – Мужеч – Гочево: три имени одного комплекса? // Русский сборник. Брянск, 2019. С. 201–209.
11. Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М. : Академика, 2015. 508 с.
12. Donev D. The Genesis of the Roman Settlement Network in the Balkan Provinces and on the Danube: Settlement Chronology // The Busy Periphery: Urban Systems of the Balkan and Danube Provinces. Second and Third Editions with Additions. Oxford, Archaeopress, 2019, pp. 14–50.

REFERENCES

1. Bartoshek M. *Rimское pravo (Ponyatiya, terminy, opredeleniya)* [Roman law (Concepts, terms, definitions)]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1989. 448 p.
2. Zvageľskij V. B. [On localization of the chronicle city of Rimov]. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International journal of experimental education], 2014, no. 1, pp. 61–64.
3. Knyaz'kij I. O. *Imperator Trajan* [Emperor Trajan]. Moscow, Aleteja Publ., 2016. 160 p.
4. Korolev A. A. *Drevnejšie pamjatniki irlandskogoazyka* [The oldest monuments of the Irish language.]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 209 p.
5. Kuznecov E. V. *Etnogenez vostochnyh slavyan: istoricheskie ocherki (IV–IX vv.)* [Ethnogenesis of the Eastern Slavs: historical essays (4th–5th centuries)]. Arzamas, ASPI, 2001. 191 p.
6. Litavrin G. G. *Formirovanie i razvitie bolgarskogo rannefeodal'nogo gosudarstva (konec VII–XI vv.)*. *Rannefeodal'nye gosudarstva na Balkanah VI–XII vv.* [Formation and development of the Bulgarian early feudal state (late 7th–11th centuries). Early feudal States in the Balkans in 6th–11th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 368 p.
7. Lyaskoronskij V. G. *Russkie pohody v stepi v udel'no-vechevye vremena* [Russian campaigns in the steppe in the times of appanage and Veche]. Saint-Petersburg, 1907. 123 p.
8. Ranchin A. M. [About New A. Uzhankov's book and the Problems of Studying "The Tale of Igor's Campaign"]. In: *Literaturnyj fakt* [Literary Fact], 2017, no. 4, pp. 358–376.
9. Sedov V. V. *Slavyane: istoriko-arheologicheskoe issledovanie* [Slavs: Historical and Archaeological research]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002. 624 p.
10. Starodubcev G. Yu., Chubur A. A. [Are Rimov – Muzhech – Gochievo the Three Names of one Complex?]. In: *Russkij sbornik* [Russian Collection of Articles], 2019, pp. 201–209.

11. Uzhankov A. N. *“Slovo o polku Igoreve” i ego epoha* [“The Tale of Igor’s Campaign” and Its Epoch]. Moscow, Akademika Publ., 2015. 508 p.
 12. Donev D. The Genesis of the Roman Settlement Network in the Balkan Provinces and on the Danube: Settlement Chronology. In: *The Busy Periphery: Urban Systems of the Balkan and Danube Provinces* (2nd – 3rd c. AD). Oxford, Archaeopress, 2019, pp. 14–50.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор;

Курдин Юрий Александрович – кандидат филологических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;
yukurdin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniy V. Kuznetsov – Dr. Sci. (History), Prof.

Yuri A. Kurdin – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Dean, Faculty of History and Philology, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas branch;
yukurdin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кузнецов Е. В., Курдин Ю. А. Античные реминисценции «Слова о полку Игоре» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 45–56.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-45-56

FOR CITATION

Kuznetsov E. V., Kurdin Yu. A. Antique Reminiscences in “The Tale of Igor’s Campaign”. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 45–56.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-45-56

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-57-67

ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Тетерин П. В.¹, Кудакаев Р. Ф.^{2,3}

¹ *Московский государственный областной университет*

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² *Российский государственный социальный университет*

129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1., Российская Федерация

³ *Российский университет дружбы народов*

117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Рассмотрение проблемы полноты раскрытия концепции темы «холодная война» в работах англоязычных историков.

Процедура и методы. В работе приведён анализ взглядов англоязычных исследователей холодной войны из их исследований, опубликованных в период с начала 80-х годов XX в. и до настоящего времени. Основными предметами освещения являются сущность причин возникновения войны, ответственность США и СССР, в том числе роли политических движений, партий, руководителей государств, деятелей и общественных организаций в её развязывании и, наконец, хронологии и последствий конфликта.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в рассмотренных работах освещение темы «холодной войны» не всегда представлено в полном объёме.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлены основные достоинства и недостатки освещения темы «холодная война» англоязычными исследователями, которые предлагаются учитывать при изучении указанного исторического периода.

Ключевые слова: англоязычная историография, холодная война, США, СССР, причины, глобальный конфликт

THE PROBLEM OF THE COLD WAR IN ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY

P. Teterin, R. Kudakaev

¹ *Moscow Region State University*

24 Veri Voloshinoy ul., Mytichshi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² *Russian State Social University*

4, str. 1, Vil'gel'ma Pika ul., Moscow 129226, Russian Federation

³ *Peoples' Friendship University of Russia*

6, Miklukho-Maklaya ul., Moscow 117198, Russian Federation

Abstract

Aim. To assess the completeness of information on the problem of “the Cold War” in publications by English-speaking historians.

Methodology. The paper analyses the views of English-speaking researchers on the Cold War published since the beginning of 1980s. The main subjects of coverage were the underlying reasons for

the outbreak of the war, the responsibility of the United States and the USSR, including the role of political movements, parties, leaders of states, leaders and public organizations, and the chronology and consequences of the conflict.

Results. It is shown that the reviewed publications fail to comprehensively cover the theme of the Cold War.

Research implications. The main advantages and disadvantages in the coverage of the Cold War theme by English-speaking researchers were revealed, which should be considered when studying the historical period in question.

Keywords: English historiography, Cold war, USA, USSR, causes, global conflict

Введение

Тема холодной войны нашла широкое освещение в англоязычной историографии. Западные политологи и историки на основе огромного архивного материала, большого числа публикаций, свидетельств политических деятелей и руководителей государства, материалов Конгресса и правительства США основательно изучали все аспекты проблематики глобального конфликта, уделяя внимание причинам его возникновения, имманентно указывавших на страну-инициатора конфронтации, определяя ответственность политических деятелей и руководителей государств. В связи с закрытостью советских документов по проблематике холодной войны для западных исследователей англоязычные политологи и историки опирались преимущественно на свои источники, поэтому «варились» внутри своей принятой ими исторической парадигмы, мейнстримом которой по преимуществу было одностороннее обвинение противника и его руководства в разжигании конфликта, что существенно снижало качество анализа. Следует подметить, что это замечание в полной мере относится и к трудам советских историков, которые, кроме всего прочего, были ограничены в своей работе закрытостью и излишней секретностью большинства архивных материалов и правительственных источников. Поэтому как англоязычная, так и советская историография холодной войны, а также их концепции страдали фрагментарностью из-за существования по разным сторонам железного занавеса

[11, с. 33]. А. В. Петухов¹ отмечает, что «начавшаяся холодная война повлияла и на направленность трудов <...>, которые имели зачастую откровенно искажающий характер, хотя степень и глубина такого влияния могла быть различной» [8, с. 81]. Только после развала СССР в 1990 г. историческая наука обрела новый импульс в изучении тематики холодной войны. Англоязычная историография «холодной войны» стала развиваться на новой теоретической и идеологической временной платформе сотрудничества, поэтому представлена сегодня самым пёстрым разнообразием течений и исторических оценок роли США и СССР в инициировании противостояния. К таким течениям относятся представители «традиционалистского»², «ревиизионистского»³, «постревиизионистского»⁴ подходов [5, с. 87, 88], которые в совокупности свидетельствовали об обоюдной ответственности

¹ Александр Валерианович Петухов работает на кафедре Государственного и муниципального управления (г. Чебоксары) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

² Представителями являются Т. Э. Бейли, Г. Фейс, А. Шлесингер-младший, считавшие советское руководство виновным в возникновении холодной войны, а роль Вашингтона выражалась, по их мнению, только в ответных действиях на провокации Москвы.

³ Представителями являются Габриэль, Д. Колко, Л. Гарднер, Т. Паттерсон, Б. Бернстайн, Г. Алпровитц, считавшие, что США в большей степени несут ответственность за развязывание холодной войны.

⁴ Представителями являются Дж. Л. Гэддис, М. П. Леффлер, М. Хоган, Т. Маккормик, Б. Камингс, считающие, что и Москва, и Вашингтон несут ответственность за возникновение глобального противостояния.

ности противоборствовавших стран в развязывании холодной войны. Несмотря на первоначальное преобладание коренных различий между американскими и советскими историками во взглядах на проблему холодной войны в англоязычной западной историографии, начиная с 1970 гг., существовало направление, развивающееся в русле идей, близких советской исторической школе. К нему относятся историки-«марксисты»¹ и «ревизионисты»². Больше всего совпадений с мнением советских историков обнаруживается у американских историков-марксистов Г. Аптекера³ и У. З. Фостера⁴. Ничего удивительного в этом, по мнению В. Л. Малькова, нет: «...добро-совестное, профессионально квалифицированное обращение с источниками и научно-рациональный, недогматический подход к исследуемому предмету сближает их выводы, позволяя во многих случаях говорить о сопоставимом уровне их достоверности» [6, с. 130]. Как свидетельствует Н. И. Болховитинов⁵, «значительную роль в пересмотре официальной версии происхождения холодной войны сыграли работы У. А. Уильямса и фундаментальная работа Д. Флеминга» [1, с. 73]. «Ревизионисты», по свидетельству Н. И. Егоровой⁶, «переходят от кон-

стации отдельных негативных фактов к аргументированным выводам об ответственности американской правящей элиты за развязывание холодной войны» [3, с. 170]. Таковыми были выводы лишь небольшой части исследователей, в то время как посылки большинства авторитетных американских историков, например, Гэддиса⁷ и Шлезингера-младшего⁸ обнаруживают больше различий, чем совпадений с советской историографией. В современной американской историографии, по мнению английского историка Джеймса Г. Моргана⁹, происходит поворот в воззрениях историков при изучении истории США «как империалистической державы на мировой арене», эти изменения получили «значительное распространение с начала XXI в. Но всего за несколько десятилетий до этого эта позиция считалась радикальной и даже антиамериканской» [19, р. 172].

Как свидетельствуют Эверетт Э. Деннис¹⁰, Дж. Гербнер¹¹, Я. Н. Засурский¹² в своей публикации, концептуальное понимание холодной войны в англосаксонской историографии описывается как «состояние политической напряжён-

ной войны, внешней политики США и международных отношений во второй половине XX в.

¹ См.: Фостер У. З. Очерк политической истории Америки; Фостер У. З. Закат мирового капитализма; Холл Г. Покончить с «холодной войной»; Аптекер Г. Историография. К вопросу о современных течениях в буржуазной историографии США.

² См.: Williams W. A. American-Russian Relations, 1781–1947; Williams W. A. The Tragedy of American Diplomacy (русский пер. Трагедия американской дипломатии); Fleming D. The Cold War and Its Origins, 1917–1960.

³ Герберт Аптекер – американский историк, марксист, политический активист и публицист.

⁴ Уильям Зебьюлон Фостер – американский политический активист, публицист, историк, деятель коммунистического движения в США.

⁵ Николай Николаевич Болховитинов – советский и российский историк, специалист в области истории США, международных отношений и внешней политики России. Доктор исторических наук, академик РАН.

⁶ Наталия Ивановна Егорова – советский и российский историк, специалист в области истории: хо-

⁷ Джон Льюис Гэддис – американский историк. Сфера научных интересов: холодная война. Профессор Йельского университета. Лауреат Пулитцеровской премии. Его работа – «Стратегии сдерживания: критическая оценка послевоенной американской политики национальной безопасности».

⁸ Артур Мейер Шлезингер-младший – американский историк, писатель, социальный критик и либеральный политический деятель. Известная работа – «Циклы американской истории».

⁹ Джеймс Г. Морган – английский историк и писатель, докторская степень по истории в Университете Саутгемптона. Автор исследует «ревизионистов» Висконсинского университета (1950-х-60-х гг.).

¹⁰ Эверетт Э. Деннис – американский учёный, декан Северо-Западного университета в государстве Катар, член Американской академии искусств и наук.

¹¹ Джордж Гербнер – американский учёный, профессор коммуникации и основатель теории культивирования.

¹² Яссен Н. Засурский – советский и российский литературовед, доктор филологических наук, профессор. Работал деканом факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

сти и военного соперничества между нациями, остановившееся в моменте от настоящей полномасштабной войны» [14, с. 10]. Данное определение неполно передаёт содержание и сущность глобального затяжного конфликта, поскольку отображает лишь одну сторону конфликта, а именно военную, упуская из вида экономическую, политическую, идеологическую подоплёку этого исторического явления. Кроме того, данное «состояние политической напряжённости и военного соперничества» легко спутать с другими противостояниями, коих в международных отношениях множество, начиная от событий, описанных в «Большой игре» и заканчивая современными американо-китайскими противоречиями. Ведь «“холодная война” была не просто публицистическими или научными размышлениями, но центральным фактором в государственных и международных отношениях» [14, р. 10]. В свою очередь, Л. Фридман,¹ отмечая многофакторность такого явления, как “холодная война”, где были замешаны различные стороны жизни современного общества, пишет, что «идеологическая конфронтация и распад старых империй породили различные формы трений и конфликтов. Ни Западный, ни Восточный Альянс не были монолитными. Несмотря на их застывший вид, они находились в состоянии постоянного изменения, скрытого маской стабильности. В экономике и обществе, а также в политической философии произошли критические изменения. Это привело к значительным различиям в подходах и мерах реагирования на кризисы по мере их развития в течение десятилетий “холодной войны”. Также к этому стоит добавить давние культурные и географические факторы, и поэтому неудивительно, что сама по себе простая борьба приняла такую сложную форму» [15, р. 11]. Об экономической составляющей холодной

войны пишет Дж. Перкинс²: «с концом Второй мировой войны, с усилением Советского Союза и перспективой ядерного Холокоста, военное решение вопроса стало слишком опасным. <...> Наступила эпоха экономических войн и экономических киллеров» [7, с. 17]. Сол Петт³ видит содержание холодной войны в том, что «в течение почти полувека, около одной пятой жизни Американской республики, два гиганта наводили ужас друг на друга, погрузив весь мир в плен своей власти и ненависти» [14, р. 13]. Аллен Линч⁴ сетует на отсутствие объёмного концептуального понимания холодной войны и видит проблему в недостаточной её лингвистической проработке, он считает, что при определении холодной войны следует более строго подходить к формулировкам и терминам, поскольку «используемые нами слова имеют сильный, чаще всего внушительный эффект на то, как именно мы воспринимаем события» [18, р. 1], поэтому необходима “точность терминологии при работе над темой”. Вероятно, этим обстоятельством объясняется присутствие в англоязычной историографии холодной войны значительного числа разно- и малонаучно содержательных определений этого исторического феномена.

Причины холодной войны

Причины возникновения холодной войны в англоязычной литературе относятся к наиболее исследуемому аспекту, составляющему аналитическую часть концептуального содержания конфликта, поэтому представлены почти во всех работах. Однако количество в этом слу-

¹ Сэр Лоуренс Дэвид Фридман – английский историк, заслуженный профессор военных исследований в Королевском колледже Лондона.

² Джон Перкинс – американский активист и писатель.

³ Сол Петт – американский журналист, автор репортажей и статьи для Associated Press. Награждён Пулитцеровской премией.

⁴ Аллен Линч – американский учёный, специалист-международник. Сфера научных интересов: российская внешняя политика, российско-американские отношения. Профессор политики Университета Вирджинии, США. Был директором Центра изучения России и стран Восточной Европы.

чае не переходит в качество. «Сол Петт из “Associated Press” утверждает, что холодная война – это “абсурдная борьба, основанная на страхе двух сторон друг перед другом»» [14, р. 13]. П. Кальвокоресси¹ подчёркивает, что это был не просто страх, а “великий страх”, поэтому «корни “холодной войны” следует искать в недоверии, которое из-за непонимания и просчётов обрело масштабы великого страха. Этот раздутый страх и стал истинным виновником “холодной войны”» [4, с. 11]. По мнению Р. Римини², страх для Г. Трумэна был вызван опасностью распространения коммунизма, что «десятилетиями определяло внутреннюю и внешнюю политику Соединённых Штатов» [9, с. 333]. Исходя из этих утверждений, “страх” являлся чуть ли не основной причиной возникновения глобального противостояния, что неверно, поскольку страх – производное конфликта, а не его причина. Кроме того, “страх” – категория эмоциональная, не поддающаяся качественной и количественной оценке. Не добавляют позитива к объёмному определению причин, породивших холодную войну, утверждения У. Лафибера³, который отсылает исследователей искать сущность конфликта к временам столкновения интересов Британской империи с императорской Россией в «конце XIX в., когда страны впервые столкнулись друг с другом на равнинах Азии» [16, р. 5]. Часть американских авторов считают, что причины холодной войны

¹ Питер Джон Амвросий Кальвокоресси – английский адвокат, либеральный политик, историк и издатель.

² Роберт Винсент Римини – американский историк, почётный профессор университета Иллинойса. Сфера научных интересов: президентство Эндрю Джексона (1829-1837) и история США. Лауреат престижных научных премий.

³ Уолтер Фредерик Лафибер – американский историк, советолог. Сфера научных интересов: история СССР и РФ, советско-американские и международные отношения США, история холодной войны. Ведущий представитель школы историков-ревизионистов. Доктор наук Висконсинского университета, преподавал в Корнеллском университете, штат Нью Йорк.

нужно искать в Октябрьской революции 1917 г. и возникновении СССР, как преемницы великодержавной России, главного геополитического противника Запада. Л. Фридман отмечает, что истоки холодной войны «кроются в Октябрьской революции 1917 г., когда коммунизм в Европе обрёл грозную политическую силу <...>, ни одна из <...> двух несовместимых социальных систем [капитализм и социализм. – П. В., Р. Ф.] не могла процветать, не подрывая устои другой» [15, р. 7]. Одним из частных аргументов неизбежности глобального противостояния является, по мнению Л. Фридмана, «непреодолимое противоречие, вызванное польским вопросом» [15, р. 21]. А. Тойнби⁴ поддерживает точку зрения вечного конфликта России и Запада. Он пишет: «Если мы посмотрим на столкновение между Россией и Западом глазами историка, а не журналиста, то увидим, что буквально целые столетия вплоть до 1945 г. у русских были все основания глядеть на Запад с не меньшим подозрением, чем мы сегодня смотрим на Россию» [12, с. 438–439]. Важность приоритета геополитической причины над идеологией отмечена у Е. Н. Рыжкова, проанализировавшего взгляды американского историка А. Улама,⁵ и эта причина коренилась в «разнице в подходах к послевоенной расстановке сил. После окончания Второй мировой войны СССР <...> стал одной из двух супердержав в мире. Следствием этого факта стала решимость его лидеров воспользоваться всеми возможными преимуществами такого положения, вне зависимости от каких-либо идеологических соображений» [10, с. 49].

⁴ Арнольд Джозеф Тойнби – английский историк, социолог, философ и культуролог. Сфера научных интересов: история международных отношений, процессы глобализации, теория локальных цивилизаций.

⁵ Адам Бруно Улам – американский историк, политолог, директор Русского исследовательского центра Гарвардского университета. Сфера научных интересов: советология, история СССР, холодная война.

Подобную первопричину отмечает и Н. Левкович, который считает, что геополитические причины и интересы сверхдержав привели к конфронтации в международных отношениях: «Соединенные Штаты и Советский Союз были в первую очередь заинтересованы в создании условий для реализации своих жизненно важных геостратегических интересов» [17]. Р. Римини считает причиной конфликта полное блокирование 24 июня 1948 г. Советским Союзом железнодорожных и автомобильных путей для проезда западных союзников в секторы Берлина, находящиеся под их контролем [9, с. 335]. В связи с этим утверждением следует отметить преувеличение Р. Римини роли СССР в развязывании конфликта, в то время как принимаемые последним меры были лишь ответом на агрессивные действия США.

Отдельно необходимо выделить у англоязычных авторов ядерный фактор, который был важнейшим среди причин, вызвавших конфликт. Р. Римини пишет, что «с появлением ядерного оружия мир изменился до неузнаваемости» [9, с. 336]. Москва опасалась агрессивных намерений Вашингтона и их ядерного оружия. Например, Л. Фридман говорит о роли двух сверхдержав в эскалации конфликта: «ядерный век начался с холодной войной, можно сказать, одновременно, потому что, как только США продемонстрировали своё уникальное оружие, Советский Союз начал немедленно готовить свой ответ <...>, и в августе 1949 г. они провели испытания собственного ядерного устройства. <...> началась гонка вооружений» [15, р. 9, 36].

Англоязычные исследователи уделяют большое внимание рассмотрению роли идеологии как одной из причин возникновения холодной войны. Аллен Линч пишет, что «категории советской идеологии <...> по-прежнему рассматриваются в качестве важного инструмента в борьбе за власть; и что советская идеология будет ещё некоторое время влиять на ма-

неру поведения постсоветских властей в международной среде» [18, р. 4]. По мнению Эверетта Э. Денниса, Дж. Гербнера, Я. Н. Засурского, идеологическая «война велась в делах, имевших разные названия в зависимости от идеологии или толкования: общественная информация, пропаганда, дезинформация» [14, р. 12]. Л. Фридман также отмечал, что «идеологический антагонизм перерос в холодную войну, когда Россия стала не только «революционным государством», но и великой державой, обладающей огромным военным потенциалом» [15, р. 7], и «логика советской политики заключалась в экспансии, и западный образ жизни, как и экономическую систему, необходимо было защитить от новой тоталитарной угрозы» [15, р. 8]. Поэтому, по мнению Фридмана, идеологическая направленность деятельности правительства США, была обращена на «завоевание “умов и сердец” населения, что значило не меньше, чем противостояние “голой” военной силе. Прежде всего, необходимо было действовать в тех сферах, где коммунистическая модель могла бы достичь наибольших успехов» [15, р. 15]. Значимость идеологии как важнейшего фактора холодной войны подчёркивают Барри и Барнер-Барри¹: «сама идеологическая риторика обеих сторон о неустраимых различиях между двумя системами породила антагонизм» [10, с. 47]. Также Н. Левкович выделяет «центральную роль идеологии в развёртывании американской геополитической мощи» и указывает на то, что «сделан акцент на роли идеологии в формировании советской внешней политики в послевоенное время» [17].

Хронология холодной войны

Формированию объёмного концептуального понимания «холодной войны» в англосаксонской историографии

¹ Кэрл Барнер-Барри – американский учёный, профессор политических наук в Университете Мэриленда, Балтимор. Его работа: «Contemporary Soviet Politics: an Introduction».

не способствует диссонанс в описании хронологических рамок этого исторического феномена, когда широко было распространено утверждение, по мнению Эверетта Э. Денниса, Дж. Гербнера, Я. Н. Засурского, что «никто не может сказать наверняка, где и когда началась холодная война» [14, р. 12]. А. Линч считает, что «в действительности, холодная война проходила в период с ранних 60-х по 70-е, когда правительства обеих сторон кодифицировали разделение Германии и Европы» [18, р. 1]. Данное утверждение А. Линча может считаться весьма спорным, т. к. в большинстве проанализированных работ хронологию начала конфликта отмечали во временном промежутке с 1945 по 1949 гг. По мнению У. Лафибера, холодная война началась задолго до окончания Второй мировой войны. Во всяком случае, он считает, что истоки конфронтации уходят своими корнями в империалистическую борьбу Российской империи и США за передел азиатских рынков сбыта, ко времени, когда «американцы считали, что для их процветания “двери” в Манчжурию должны быть открыты. <...> С 1890-х годов до 1917 г. Соединённые Штаты пытались сдерживать российскую экспансию, обычно поддерживая Японию» [16, р. 6]. Продолжением конфликта, по мнению У. Лафибера, стало обострение отношений между США и Россией в конце 1917 г., когда «Россия стала представлять ещё больше опасности» в связи с «господством идеологической силы, марксизма, якобы управляемого историческим законом и посвящённого мировой революции» [16, р. 7]. Точка зрения, согласно которой стоит рассматривать начало “холодной войны” в период до Второй Мировой войны, не объективна, т. к. там действовала другая система МО¹, где СССР и США играли заметную, но не ведущую роль. С данной точкой зрения согласен Л. Фридман,

¹ МО – Международные отношения. С 1918 по 1938 действовала Версальско-Вашингтонская система международных отношений.

который пишет, что «холодная война началась в 1945 г., когда члены Антигитлеровской коалиции начали спорить об устройстве послевоенной Европы. <...> В июле 1945 г. Трумэн, Сталин и Эттли впервые собрались вместе на Потсдамской конференции, чтобы договориться об устройстве послевоенной Европы. В глаза бросалось напряжение меж сторонами. Во многих случаях разделение сфер влияния было очевидным» [15, р. 21]. Тем не менее, как отмечает А. В. Валюженич², «Фридман видит “зародыш” “холодной войны” в Гражданской войне в Испании, когда Советский Союз выступил в поддержку республиканцев в 1930-е годы. Этот вывод автор аргументирует «стремлением советских коммунистов к расширению своей империи»» [2, с. 162]. Однако США не вмешивались в Гражданскую войну в Испании (1936–1939), а значит, и противостояния между Вашингтоном и Москвой не могло быть. Более взвешенная точка зрения у Р. Римини, который моментом начала холодной войны считает две даты: 12.03.1947 и 24.09.1949. С первой датой автор связывает “Доктрину Г. Трумэна”, в которой «коммунистическая угроза была определена как глобальная опасность и стала обоснованием будущих военных интервенций США как в Европе, так и в Юго-Восточной Азии» [9, с. 338]. Вторую дату Р. Римини считает точкой бифуркации конфликта: «24 сентября 1949 г. стало известно, что Советский Союз провёл испытания атомной бомбы. <...> Отныне между свободным миром и Советским Союзом развязалась холодная, а не “горячая” война» [9, с. 335]. Эверетт Э. Деннис, Дж. Гербнер, Я. Н. Засурский пишут, что окончание холодной войны может быть отнесено ко времени «прихода к власти г-на Горбачёва и популяризацией им концепций гласности и перестройки, когда у обоих государств по обе стороны так называемого “железного занавеса” взаимно увеличился интерес

² Анатолий Васильевич Валюженич – казахский историк, литературовед.

друг к другу» [14, р. 8]. Конец “холодной войны” относится к периоду с 1989 по 1991 г. Д. Обердорфер¹ выделяет точную дату, которой стала «суббота, 12 февраля 1983 г. – день, когда политика США по отношению к СССР начала меняться» [20, р. 7] после встречи Джорджа Шульца² и Рональда Рейгана. Однако это не так: уже 8.03.1983 Рейган назвал СССР “империей зла”, а 23.03.1983 он же провозгласил о создании “Стратегической оборонной инициативы” (СОИ), что обострило противостояние. Более взвешенную точку зрения об окончании холодной войны приводит Л. Фридман, связывая её с «падением Берлинской стены в ноябре 1989 года и крахом коммунизма в Европе» [15, р. 7].

Инициаторы «холодной войны»

В англосаксонской историографии холодной войны большое внимание уделяется руководителям государств, политическим деятелям и другим персоналиям, внесшим наибольший вклад в развязывание конфликта. По мнению У. Лафибера, имена этих предвестников холодной войны встречаются как в среде писателей-гуманистов, так и президентов США: «Марк Твен выразил антироссийские настроения, воскликнув, что если этот режим может быть остановлен динамитом, то “Хвала Господу за динамит!”» [16, р. 6]. Автор приводит слова Т. Рузвельта³: «Русские насквозь лицемерны и коварны; у них нет понятия о правде (или справедливости)» [16, р. 6–7]. В. Вильсон⁴ заявлял, по свидетельству У. Лафибера, что

правительство Ленина «основано на отрицании всех принципов чести и добросовестности» [16, р. 7]. «Доказательства» У. Лафибера политически ангажированы, русофобски настроены. По мнению Л. Фридмана, одним из инициаторов конфликта был советский лидер: «Сталин начал тотальную идеологическую войну. <...> Коммунистическая машина пропаганды была запущена против плана [Маршалла. – П. В., Р. Ф.] в остальной Европе» [15, р. 16]. Вторым инициатором холодной войны, по свидетельству всё того же Л. Фридмана, был 33-й президент США: «В августе 1947 г. президент Гарри Трумэн выдвинул доктрину сдерживания» [15, р. 15], в которой были провозглашены основные направления реализации политики холодной войны. Доказательством того, что именно Трумэн был инициатором холодной войны, служит мнение Г. Альпровица⁵, который писал, что «сейчас можно с уверенностью сказать, что президент Трумэн, не в пример своему предшественнику, не только не помышлял о продолжении сотрудничества с русскими, но откровенно поставил перед внешней политикой Соединенных Штатов совершенно иную задачу – уменьшить, а если удастся, то и искоренить советское влияние в Европе» [13, р. 272].

Заключение

Проведённый анализ работ англоязычных авторов, опубликованных в период с начала 1980 гг. и до настоящего времени, на предмет полноты раскрытия концепции темы «холодная война» как исторического феномена, показал, что глобальный конфликт рассматривается как в огромном диапазоне внутренних и внешних противоречий, так и международных проблем, вызванных ими.

¹ Дональд “Дон” Обердорфер-младший – американский профессор в Школе передовых международных исследований им. Пола Х. Нитца (SAIS) при Университете Джона Хопкинса. Сфера научных интересов: новейшая история Кореи, советско-американские отношения, холодная война.

² Джордж Шульц – государственный секретарь при президенте США Р. Рейгане.

³ Теодор Рузвельт – американский политик, 26-й президент США, представитель Республиканской партии.

⁴ Томас Вудро Вильсон – американский политик, историк, политолог, 28-й президент США.

⁵ Гар Альпровиц – американский историк и политолог. Доктор наук Кембриджского университета, Англия. Сфера научных интересов: история атомного оружия и “ядерная дипломатия”, история международных и региональных отношений.

Англоязычная историография холодной войны условно подразделяется, как минимум, на два хронологических этапа её развития, нашедших отражение в оценке концептуального содержания конфликта. В ранних работах утверждается вывод о превалирующей ответственности Сталина и других руководителей правительства СССР за развязывание «холодной войны», безусловно оправдывавшей агрессивную в плане содержания внешнюю политику Вашингтона по отношению к Москве и её союзникам. На втором этапе, совпадающим с приходом к власти М. Горбачёва и началом его контактов с Р. Рейганом, содержание американской научной литературы меняется в направлении признания некоторой ответственности США и Трумэна в развязывании конфликта.

Англоязычная историография холодной войны страдает фрагментарностью,

подчас политической ангажированностью и диссонансом в описании причин, периодизации, целей сторон и роли сверхдержав в развитии глобального конфликта, что препятствует формированию исторически внятного концептуального содержания глобального конфликта, что, в свою очередь, не способствует предотвращению в будущем возможности возникновения, по выражению У. Лафибера, «очень дорогостоящего предприятия»: холодная война «стоила Америке полтора триллиона долларов <...> и привела страну к ужасам конфликтов в Юго-Восточной Азии, а в 1970-ых спровоцировала крупнейший экономический кризис за 40 лет» [16, р. 5]. Потери, нанесённые холодной войной по всему миру, в англоязычной историографии не рассматриваются.

Статья поступила в редакцию 14.02.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Болховитинов Н. Н. Основные этапы и направления развития американской историографии внешней политики США // Вопросы истории. 1986. № 9. С. 66–80.
2. Валуженич А. В. 2003.01.032. Фридманн. Пятидесятилетняя война. Конфликт и стратегия в «холодной войне». Friedman. The Fifty-Year War: Conflict and Strategy in the Cold War. Annapolis: Naval inst. Press, 2000. 597 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История: Реферативный журнал. 2003. № 1. С. 162–163.
3. Егорова Н. И. Советско-американская отношения послевоенного периода в буржуазной историографии США / отв. ред. Б. И. Марушкин. М. : Наука, 1981. 189 с.
4. Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 г.: в 2-х кн. Кн. 1. М. : Международные отношения, 2000. 589 с.
5. Леффлер М. П. И вечный спор... // Родина. 1998. № 8. С. 87–90.
6. Мальков В. Л. Многосторонняя дипломатия в современной историографии холодной войны: опыт сопоставления // Многосторонняя дипломатия в годы холодной войны : сборник статей / отв. ред. Н. И. Егорова. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2008. С. 109–132.
7. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы / пер. М. А. Богомоловой. М. : Претекст, 2015. 350 с.
8. Петухов А. В. Становление англо-американской историографии внешней политики московского государства XVI века в начальный период холодной войны // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2016. № 2 (11). С. 81–91.
9. Римини Р. Краткая история США / пер. с англ. О. Александяна. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. 480 с.
10. Рыжков Е. Н. А. Улам и другие американские историки о некоторых аспектах внешней политики СССР после Второй мировой войны и об истоках холодной войны // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 4. С. 46–50.
11. Тетерин П. В. Роль США в развязывании «холодной войны» (историографический обзор отечественной литературы). М. : Спутник+, 2012. 241 с.

12. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М. : Рольф, 2002. 592 с.
13. Alperovitz G. Atomic Diplomacy. Hiroshima and Potsdam. The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power. New-York, Simon and Schuster, 317 p.
14. Beyond the Cold War Soviet and American Media Images / edited by E. E. Dennis, G. Gerbner, Y. N. Zasloursky. Newbury Park; London, New Delhi, The International Professional Publishers, 1991. 180 p.
15. Freedman L. The Cold War: a Military History / edited by J. Keegan. Cassel, 2001. 224 p.
16. Lafeber W. America, Russia, and the Cold War 1945–1975. Third Edition. New-York, London, Sydney. Toronto, John Wiley and sons, inc., 1976. 328 p.
17. Lewkowicz N. The United States, the Soviet Union and the Geopolitical Implications of the Origins of the Cold War. Anthem Press, 2018. 242 p.
18. Lynch A. The Cold War is Over – Again. San Francisco; Oxford, Westview Press, 1992. 327 p.
19. Morgan J. G. Into New Territory: American Historians and the Concept of American Imperialism. Madison, University of Wisconsin Press. 2014. pp. 172–176.
20. Oberdorfer D. The Turn: How the Cold War Came to an End: The United States and the Soviet Union, 1983–1990. London, Cape, 1992. 514 p.

REFERENCES

1. Bolhovitinov N. N. [The Main Stages and Directions of Development of American Historiography of USA Foreign Policy]. In: *Voprosy istorii* [Issues of History], 1986, no. 9, pp. 66–80.
2. Valyuzhenich A. V. [Friedman. The Fifty Years War. Conflict and Strategy in the Cold War. Friedman. The Fifty-Year War: Conflict and Strategy in the Cold War. Annapolis: Naval inst. Press, 2000]. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya: Referativnyy zhurnal* [Social Science and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 5: History: Refereed Journal], 2003, no. 1, pp. 162–163.
3. Egorova N. I. *Sovetsko-amerikanskaya otnosheniya poslevoennogo perioda v burzhuaznoj istoriografii SSHA* [Soviet-American relations of the postwar period in the bourgeois historiography of the United States]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 189 p.
4. Kal'vokoressi P. *Mirovaya politika posle 1945 g.: v 2-h kn. Kn. 1* [World politics after 1945: in 2 vol. Vol. 1.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2000. 589 p.
5. Leffler M. P. [And the Eternal Dispute...]. In: *Rodina* [Motherland], 1998, no. 8, p. 87–90.
6. Mal'kov V. L. [Multilateral diplomacy in modern historiography of the Cold War: comparison]. In: *Mnogostoronnyaya diplomatiya v gody holodnoj vojny : sbornik statej* [Multilateral Diplomacy During the Cold War: Collection of Articles]. Moscow, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008, pp. 109–132.
7. Perkins J. *Ispoved' ekonomicheskogo ubijcy* [Confessions of an Economic Hit Man]. Transl. by M. A. Bogomolova. Moscow, Pretekst Publ., 2015. 350 p.
8. Petuhov A. V. [Formation of the Anglo-American historiography of the Moscow state foreign policy in the 16th century during the early period of the Cold War]. In: *Vestnik Cheboksarskogo filiala Rossijskoj akademii narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii* [Bulletin of the Cheboksary Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation], 2016, no. 2 (11), pp. 81–91.
9. Rimini R. *Kratkaya istoriya SSHA* [A Short History of the United States]. Transl. by O. Aleksanyana. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2017. 480 p.
10. Ryzhkov E. N. [A. Ulam and other American historians on some aspects of the USSR foreign policy after World War II and the origins of the Cold War]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of the N. Nekrasova Kostroma State University], 2016, no. 4, pp. 46–50.
11. Teterin P. V. *Rol' SSHA v razvyazyvanii "holodnoj vojny" (istoriograficheskij obzor otechestvennoj literatury)* [The Role of the United States in Unleashing the Cold War (Historiographic Review of Russian Literature)]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2012. 241 p.
12. Tojnbi A. *Civilizaciya pered sudom istorii* [Civilization Judged by History]. Moscow, Rol'f Publ., 2002. 592 p.
13. Alperovitz G. Atomic Diplomacy. Hiroshima and Potsdam. The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power. New-York, Simon and Schuster, 317 p.

14. Beyond the Cold War Soviet and American Media Images. Edited by E. E. Dennis, G. Gerbner, Y. N. Zassoursky. Newbury Park; London, New Delhi, The International Professional Publishers, 1991. 180 p.
15. Freedman L. The Cold War: a Military History. Edited by J. Keegan. Cassel, 2001. 224 p.
16. Lafeber W. America, Russia, and the Cold War 1945–1975. Third Edition. New-York, London, Sydney. Toronto, John Wiley and sons, inc., 1976. 328 p.
17. Lewkowicz Nicolas. The United States, the Soviet Union and the Geopolitical Implications of the Origins of the Cold War. Anthem Press, 2018. 242 p.
18. Lynch A. The Cold War is Over – Again. San Francisco; Oxford, Westview Press, 1992. 327 p.
19. Morgan J. G. Into New Territory: American Historians and the Concept of American Imperialism. Madison, University of Wisconsin Press, 2014. pp. 172–176.
20. Oberdorfer D. The Turn: How the Cold War Came to an End: The United States and the Soviet Union, 1983–1990. London, Cape, 1992. 514 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тетерин Павел Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: teterinpost@yandex.ru

Кудакаев Родион Фидельевич – специалист, лингвист-переводчик Российского государственного социального университета; магистр, зарубежное регионоведение; Российский университет дружбы народов;
e-mail: rfkudakaev@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pavel V. Teterin – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of New and Modern History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: teterinpost@yandex.ru

Rodion F. Kudakaev – specialist, linguist-translator, Russian State Social University; Master's Degree Student, Foreign Regional Studies, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: rfkudakaev@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тетерин П. В., Кудакаев Р. Ф. Осмысление темы «холодная война» в англоязычной историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 57–67.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-57-67

FOR CITATION

Teterin P. V., Kudakaev R. F. The Problem of the Cold War in English-Language Historiography. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 57–67.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-57-67

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-68-79

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ В XVIII В.: ВОЙНЫ И СЕКРЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Фанталов А. Н.

*Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования
191002, Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, д. 11–13, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление последствий стратегических решений основных макрополитических игроков в Европе XVIII в. – английских и французских элит.

Процедура и методы. При проведении исследования использовались сравнительно-исторический метод и метод исторической периодизации.

Результаты. В ходе работы на большом фактическом материале рассмотрены различные аспекты противостояния двух великих держав – Англии и Франции, являвшегося осью военно-политических событий в Европе XVIII в. Прослежены основные этапы и сферы данного противостояния и его последствия. Поворотным моментом в данном процессе, по мнению автора статьи, являлся период Регентства (1715–1723 гг.), а завершающим этапом – события Французской революции (1789–1799 гг.) и войны Наполеона I.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлены основные периоды англо-французского противостояния и ключевые этапы перехода европейской гегемонии от Франции к Англии. Данный материал может представлять практическую ценность с точки зрения прогнозирования последствий стратегических решений ключевых игроков современной макрополитики.

Ключевые слова: Англия, Франция, революция, конфронтация, война, политический

MILITARY AND POLITICAL CONFRONTATION BETWEEN ENGLAND AND FRANCE IN THE 18TH CENTURY: WARS AND SECRET OPERATIONS

A. Fantalov

*St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education
11–13, Lomonosova ul., St. Peterburg 191002, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the consequences of strategic decisions made by the main macro-political actors in 18th century Europe (the English and French elites).

Methodology. The study used the comparative historical method and the method of historical periodization.

Results. Using a large amount of factual material, various aspects of the confrontation between the two great powers – England and France, which was the axis of military and political events in Europe of the 18th century, were examined. The main stages, scope and consequences of this confrontation were analysed. According to the author of the article, the turning point in this process was the period of Regency (1715–1723), while the final stage included the events of the French Revolution (1789–1799) and the war of Napoleon. The main periods of Anglo-French confrontation and key stages of European hegemony transition from France to England were revealed.

Research implications. This material can be of practical value in terms of predicting the consequences of strategic decisions taken by key actors in modern macro policy.

Keywords: England, France, revolution, confrontation, war, political

Введение

XVIII в. с точки зрения европейской (и мировой) военно-политической истории можно рассматривать как период противостояния двух великих держав – Англии (или, точнее, Великобритании – с учётом англо-шотландской унии). Данный период начался с Войны за испанское наследство (1701–1714), а закончился наполеоновскими войнами и окончательной потерей Францией роли европейского гегемона.

Это противостояние затронуло различные области человеческой деятельности – военную, экономическую, дипломатическую, культурную, идеологическую, сферу тайных операций. Большинство европейских стран так или иначе оказались втянуты в англо-французское противоборство как часть того или иного военно-политического блока. Россия, Австрия, Голландия выступили на английской стороне; Швеция, Испания, Турция – на французской. Некоторые страны (такие как Пруссия или Польша) меняли свою политическую ориентацию.

Поскольку по результатам данного противостояния Англия оказалась ведущей державой мира на протяжении следующего XIX в. и продолжала играть чрезвычайно значимую роль в событиях XX в., представляется важным проследить, каким образом это, собственно, произошло. При этом автора статьи интересует, прежде всего, «техническая» сторона вопроса – конкретные обстоятельства и стратегические «ходы» данной «большой игры».

Результаты исследования

1. Создание государства современного типа на территории Англии, и роль в этом процессе Республики Соединенных провинций (Голландии).

До так называемой «Славной революции» 1688 г. Англия представляла собой, по сути, достаточно заурядное государство Северной Европы (наподобие Швеции, Дании), по ряду показателей уступающее Республике Соединенных провинций (Голландии). Слабость Английского королевства в данную эпоху видна, например, при рассмотрении хода англо-голландских войн.

Во время Второй англо-голландской войны (1665–1667 гг.) голландский адмирал Михаил де Рюйтер вошёл в Темзу и уничтожил находившиеся там английские корабли. Третью англо-голландскую войну (1672–1674 гг.) Англия также фактически проиграла, несмотря на альянс с Францией. Причём в данную эпоху английское королевство, руководимое династией Стюартов, представляло собой фактически вассала Франции и её короля Людовика XIV.

Разумеется, история Англии является нам и иные примеры – успехи английского оружия в Столетнюю войну, разгром испанской Непобедимой армады в 1588 г., внешнеполитическая деятельность лорда-протектора Оливера Кромвеля. Но в работе рассматривается иная эпоха, в течение которой английское королевство окончательно превратилось в ключевого игрока мировой политической сцены.

Стратегические преобразования роли Англии в европейских событиях и в её отношениях с Францией произошли в 1688 г. в связи с приходом к власти в Англии голландского штатгальтера Вильгельма III Оранского и его коронации как английского короля Вильяма III [8].

Следует также учесть, что общая численность голландских и немецких солдат и военных моряков, пришедших в Англию вместе с Вильгельмом, превышала 40 тысяч человек (что было весьма много по тогдашним английским понятиям), а после занятия Лондона в течение нескольких лет в английскую столицу не допускались английские войска (а только немецко-голландские) [11].

Известно, что вместе с Вильгельмом Оранским на Британские острова переселились многие члены голландской элиты. Например, советник штатгальтера Уильям Бентинк получил в Англии титулы барона Сайренсестера и виконта Вудстока (пэрство Англии), позднее – герцога Портленда (пэрство Великобритании). Среди его потомков – премьер-министр, лорд-хранитель Малой печати, лорд-председатель Совета [4]. Арнольд ван Кеппель, нидерландский дворянин, был возведён в графы Албермарл. Наконец, Вильгельм Оранский создал Банк Англии для финансирования войны с Францией (также поставив во главе его выходца из Голландии).

Разумеется, данный аспект требует дальнейшего изучения с точки зрения выяснения пропорциональных соотношений в образовавшейся системе власти между старой английской и новой «голландской» элитами. Так, при акционировании Банка Англии значительную часть пакета акций получили шотландские и английские финансисты. Но более глубокое изучение данной проблематики, к сожалению, находится за рамками нашей статьи.

Для нашего исследования важно подчеркнуть, что события 1688 г. были не просто «призванием» четы Оранских на английский трон, а масштабным пре-

образованием страны с последующей частичной сменой элиты и серьезными реформами. Из относительно периферийной страны Европы, отчасти напоминающей Швецию (которая, разумеется, была некоторое время региональным лидером), Англия превратилась в сильное европейское государство с развитой экономикой и политической системой.

II. Начало длительного военного конфликта Англии и Франции.

Как уже отмечалось выше, история оставила нам свидетельства различных конфликтов между соседними государствами – Английским и Французским королевствами. Однако рассматриваемая нами эпоха характеризуется переходом к качественно иному виду конкурентной борьбы – глобальному перманентному противостоянию, происходившему не только в Европе, но и на других континентах (Северной Америке, Азии и др.) и продолжающемуся в период мира в невоенных формах.

Французский король Людовик XIV допустил крупную военно-политическую ошибку, не оказав должной помощи Якову в борьбе с Вильгельмом. Объяснялось это активным участием Франции в Войне Аугсбургской лиги (1688–1697 гг.) и использованием французской армии для оккупации Пфальца. Тем не менее данная коллизия показала недостаточное умение французских правящих кругов выстраивать стратегические приоритеты.

Кроме того, вероятно, французский король не предполагал столь быстрого и окончательного поражения своего ставленника Якова II, обусловленного, в частности, некоторыми личными психологическими свойствами последнего [9]. Разумеется, существовали и более «объективные» причины поражения Стюартов, однако в период острого кризиса не следует недооценивать личной ответственности главных действующих лиц.

Следует отметить, что исход Войны Аугсбургской лиги формально был при-

емлемым для Франции (она получила мелкие территориальные приращения на западных границах), однако он повлечёт изменение стратегического баланса в Европе, поскольку Англия из французского политического лагеря перешла в анти-французский.

Война за испанское наследство (1701–1714 гг.) часто считается поражением Франции. Однако основной цели – утверждения своего внука на испанском престоле – король Людовик достиг, несмотря на яростное сопротивление своих противников. В этом ему помогла и позиция англичан и голландцев, на тот момент не желавших чрезмерного усиления своего союзника – Австрии.

Правда, внук Людовика король Испании Филипп V был лишён права наследовать французскую корону, что спровоцировало временное охлаждение между Францией и Испанией. Тем не менее впоследствии, в течение всего XVIII столетия, обе эти страны были союзниками (как в XVI–XVII вв. союзниками являлись Испания и Австрия, в которых правили родственники – представители династии Габсбургов) [6, с. 10].

Основными чертами данного периода являются выход Англии на общеевропейскую арену в качестве одного из крупнейших военно-политических субъектов и установление стратегического паритета с Францией.

III. Тайные операции и роль в них масонских лож.

После Войны за испанское наследство противостояние Англии и Франции перешло отчасти в плоскость тайных операций.

Здесь необходимо сказать о деятельности масонских лож.

Масонство является весьма сложным объектом для изучения, его история изучена явно недостаточно [16]. Оценки роли масонских лож в событиях XVIII–XX вв. разнятся от апологетики масонского «всемогущества» до утверждений,

что это были всего лишь кружки «безобидных чудаков». Правда, второму утверждению противоречат явные факты – участие в ложах влиятельнейших лиц (а иногда и монархов) [14].

Наша позиция состоит в признании масонства инструментом политики и рассмотрение его ранней истории под углом зрения англо-французского противостояния. Такой подход, по мнению автора данной статьи, позволяет внести некоторую ясность в понимание запутанной истории масонства в XVIII в.

Согласно источникам, масонство появилось в Англии в конце XVII в. В 1717 г. из разрозненных лож здесь образовалась Великая ложа Лондона и Вестминстера. Первым её великим мастером был Энтони Сайер, который бедствовал и получал материальную помощь от собратьев. Однако уже следующий великий мастер – Джордж Пейн – стал уполномоченным по налогам, что может свидетельствовать о поднятии авторитета масонства в Англии.

В 1713 г. произошло объединение Великой ложи Лондона и Вестминстера и Древней великой ложи Англии в единую организацию – Объединённую великую ложу Англии. Во главе её встал герцог Сассекский (к этому времени масонские организации Англии давно уже возглавлялись выходцами из аристократических семей).

Несмотря на давнее присутствие в политической жизни Европы (и не только) различных тайных обществ, масонские ложи явились новой и весьма прогрессивной формой организации и коммуникации. Так как сети различных лож были распространены практически по всем европейским странам, их члены могли везде найти поддержку и покровительство.

Позднее на основе масонских структур возникли разнообразные революционные организации – от французских клубов якобинцев, фельянов, кордельеров и др. до итальянских карбонариев.

Всевозможные авантюристы и шпио-

ны различных держав прекрасно ориентировались в масонской среде. Поскольку первыми в создании лож преуспели англичане (это было, так сказать, их «ноу хау»), они начали активно использовать ложи для проведения спецопераций в противостоящих Англии странах. После этого собственные масонские организации стали создавать и другие европейские страны [5].

Во Франции масонство возникло, вероятно, несколько позднее, чем в Великобритании. Есть версия, утверждающая, что первая масонская ложа здесь появилась в 1688 г. среди членов Королевского ирландского полка, отправившегося в эмиграцию вместе с Яковом II.

Однако столь ранняя дата представляется сомнительной. Более достоверным приходится считать образование первой ложи в Париже в 1725 г. Важно, что она также состояла из якобитов – английских эмигрантов и сторонников свергнутого короля Якова II [7].

Данная коллизия говорит нам о том, что французское масонство «отпочковалось» от английского. Поскольку простая инсталляция английского масонства во Франции была неприемлема вследствие яростного противостояния за гегемонию в Европе между двумя странами, в качестве основателей были использованы профранцузские якобиты, имевшие связи в английском масонстве, но устраивавшие французские власти. Однако вместе с ними в новообразованное французское масонство не могла не инфильтроваться и английская агентура, что и явилось одной из причин ряда последующих провалов французской политики.

Так, в 1728 г. великим мастером масонов Франции стал герцог Филипп Уортон (бывший ранее великим мастером Великой ложи Лондона). Уортон – весьма эксцентричная фигура. Являясь пэром Англии и Ирландии, он бежал в Европу с соблазненной им девушкой, где поменял политическую ориентацию на 180 градусов (от вигов до якобитов), занимался

политической публицистикой, был крупным акционером Компании Южных морей, вошёл в долги, продал свой титул, воевал против англичан в испанской армии (во время Войны за испанское наследство). Порвав с якобитами, последние свои дни Филипп Уортон провёл в испанском монастыре вместе с новой женой, где скончался якобы от последствий алкоголизма. Габитус данного персонажа (а также его биография) указывает на вероятность его функционирования в качестве «двойного агента», выполнявшего поручения как французских, так и, вероятно, английских заказчиков.

Разумеется, французские элиты стремились к «офранцузиванию» собственных лож. Постепенно власть в них перешла к местной аристократии – первоначально, герцогу Антинскому, позднее – Луи де Бурбону-Конде (графу Конде и принцу крови). В 1771 г. Клермона сменил Луи-Филипп I, герцог Орлеанский. При нём Великая ложа Франции стала именоваться Великим востоком Франции.

Не желая соглашаться с переменами, многие парижские ложи сформировали Великую ложу Клермонта. Одним из лидеров последней стала принцесса де Ламбаль, зверски убитая революционерами в Париже в 1792 г. Её голову, насаженную на пику, пронесли под окнами герцога Орлеанского (вероятно, чтобы сделать ему приятно) [3].

Процесс формирования и развития масонских лож продолжался на протяжении всего XVIII столетия (в ряде стран и позднее). Для нас данная сфера важна, с одной стороны, как область развертывающихся в Европе тайных операций; с другой – как пример начала поражения Франции в политико-идеологической сфере.

IV. Начало перелома в англо-французском противоборстве в пользу Англии.

Итак, как мы видим, в событиях противостояния Англии и Франции в XVIII столетии большую роль сыграл

Орлеанский дом Десятой креации, происходящий от Филиппа I Французского, младшего брата Людовика XIV. Его сын Филипп II стал регентом при малолетнем короле Людовике XV (по сути, в ходе микропереворота, с нарушением завещания Людовика XIV о коллективном регентстве).

Допустимо предположить, что именно в период Регентства были заложены те «мины», которые периодически взрывались во французской политике весь XVIII в. Воспитателем Филиппа II являлся аббат (позднее кардинал) Дюбуа, ставший тайным советником по внешней политике новоиспеченного регента. Основой политики Дюбуа был противоестественный альянс Франции с её недавними противниками – Англией, Голландией и Австрией против Испании (где правили представители французской же династии Бурбонов). При этом сторонникам свергнутой английской династии Стюартов – якобитам, в эпоху регентства было отказано в поддержке Франции.

Другой малоуспешной мерой регента стало введение финансовой системы англо-шотландского авантюриста Джона Лоу, вначале основавшего во Франции частный банк с правом выпуска банкнот. Джон Лоу к этому времени успел промотать большое наследство отца, убить на дуэли дворянина и бежать из английской тюрьмы. Любопытно, что, несмотря на такой послужной список (да и просто находясь вне закона), Лоу смог устроиться секретарем к английскому представителю в Голландии, а после путешествия по Италии, быть вхожим в светское общество и успешно играть в карты. Данные аспекты биографии могут являться признаками связи Лоу с английской секретной службой. Надо отметить, что Джон Лоу уже в 1708 г. приезжал во Францию, где предлагал свои финансовые проекты. Однако опытные министры старого короля Людовика XIV выслали его из страны под предлогом карточного шулерства.

Ситуация переменялась после прихода к власти регента Филиппа. Лоу возглавил государственный банк, стал министром финансов Франции, создал международную Миссисипскую компанию. В 1720 г. разразилась колоссальная финансовая катастрофа (напоминавшая предшествовавший крах компании Южных морей в Англии, но гораздо более сильная). Финансовая катастрофа послужила началом компрометации французской монархии как института власти.

Любопытным фактом является и попытка регента сблизиться с Россией Петра I. Велись даже переговоры о браке юного Людовика XV с одной из дочерей российского самодержца – Елизаветой Петровной или Анной Петровной (будущей матерью Петра III). Однако после потери влияния Филиппом I брак этот не состоялся, и Людовика XV женили на Марии Лещинской (дочери профранцузского претендента на польский трон).

Эпоху Регентства можно охарактеризовать как период, в течение которого английским правящим элитам удалось «пробить» противостоящие им французские и завести во Франции своих «агентов влияния». До этого, в XVII в., именно французские короли вмешивались во внутрианглийские события (сами оставаясь неуязвимыми для аналогичных контрдействий своего оппонента).

V. Правление Людовика XV и возобновление англо-французских войн.

После окончания регентства и вступления Людовика XV в права совершеннолетия влияние Орлеанской ветви временно снизилось и противоестественный проанглийский крен во французской политике сошёл на нет. Франция вновь вступила в серию военных конфликтов с Великобританией и её союзниками.

В процессе Войны за австрийское наследство (1740–1748) Франция, Испания, Пруссия, Швеция, Бавария и их более мелкие союзники воевали с Австрией, Англией, Голландией и Россией. Здесь на-

блюдаются сформированные общеевропейские коалиции, которые с небольшими вариациями просуществуют до конца XVIII в. Имея на восточных границах Священную Римскую империю германской нации (за спиной которой стояла Австрия и династия Габсбургов), французская дипломатия постаралась создать цепь своих союзников, в свою очередь, на восточных границах австрийских владений – из Швеции, Польши (данную попытку можно считать неудавшейся вследствие скорого краха польской государственности) и Турции.

Между тем противники Франции – в большей степени Англия и тесно связанная с ней после 1688 г. Голландия – сделали ставку на Россию (и отчасти, кызылбашский Иран), чтобы разрушить французский «пояс». Последнее, в значительной степени, удалось сделать.

В целом Война за австрийское наследство закончилась ничейным исходом (серьёзные приобретения в виде Силезии и графства Гляц сделала лишь Пруссия, а Голландия покинула ряды великих держав).

Однако в ходе войны была предпринята попытка очередной реставрации династии Стюартов при помощи якобитского мятежа в Шотландии в 1745–1746 гг. Мятеж закончился неудачей, однако сам его факт показывает, что Франция ещё была в состоянии вмешиваться во внутренние распри в Англии (что косвенно свидетельствует о сохранении паритета между двумя великими державами).

Следующая война – Семилетняя (1756–1763 гг.), стала одним из наиболее значимых военных конфликтов XVIII в. [10]. Накануне войны произошло явление, названное в истории дипломатии «Дипломатической революцией». Пруссия перешла в «английский лагерь», Австрия и Россия – во «французский» [1].

Причиной первого явления было долговременное «накачивание» Прусского королевства со стороны англичан в целях создания подконтрольной им военной машины в центре Европы, которую они

могли бы применить против любого реального или потенциального противника (данная политика, кстати, была возобновлена руководством Великобритании в середине XIX в.).

Причиной второго явления стала тонкая работа французской дипломатии, осознавшей, что континентальное противостояние с Австрийской империей бесперспективно для Франции.

Война для Людовика XV со стратегической точки зрения имела хорошие шансы закончиться крупными успехами. Однако случилось непредвиденное – прусская военная машина, построенная по современнейшим военным стандартам, руководимая королем-полководцем Фридрихом II и его талантливыми генералами и финансируемая англичанами, оказалась в состоянии противостоять почти всем европейским странам несколько лет. Когда же произошло истощение прусских военных сил, на помощь им пришли английская дипломатия и спецоперации (в частности, выведшие Россию из состава антипрусской коалиции и сделавшие её союзником Пруссии) [15, с. 229–231].

Для Франции Семилетняя война оказалась весьма неудачной: она потеряла колонии в Америке и в Индии (собственно говоря, всю войну в Европе с точки зрения английского правительства можно было рассматривать как отвлекающий маневр с целью захвата французских колоний). Не менее значимым явилось и падение авторитета французской монархии в глазах общества. Государственная деятельность и частная жизнь Людовика XV стала объектом уничтожающей критики (аналогичной той, которой много позже подвергалась семья Николая II).

Это совпало со скептическим периодом в истории французского Просвещения, когда королевская власть отныне почти полностью потеряла контроль над общественным мнением, для которого отныне образцом стали институты и порядки Великобритании [4].

VI. Попытка французского реванша в правление Людовика XVI.

Тем не менее французская дипломатия сумела подготовить реванш за поражение страны в Семилетнюю войну. Англо-французская война (1778–1783) велась в Северной Америке, Европе, Индии и Вест-Индии.

В 1775 г. началась американская революция против английского господства. Французское правительство давно наблюдало за «вызреванием» конфликта в Северной Америке. Первоначально оно ограничивалось тайной поддержкой, но после сдачи в плен армии английского генерала Бергойна в 1777 г. открыто поддержало американских повстанцев.

Ситуация значительно отличалась от расстановки сил в Семилетнюю войну. Англия осталась практически без союзников (альянс с Пруссией был расторгнут). Францию поддержала бурбонская Испания, кроме того, вновь был отстроен французский военный флот.

Несмотря на в целом успешно проведенную войну, по её итогам Франция не получила территориальных приобретений. Главным следствием, однако, было создание нового государства – Соединенных Штатов Америки и потеря англичанами гегемонии в Западном полушарии.

С другой стороны, расходы, понесённые Францией в этой войне, привели государство на грань финансового кризиса.

Новый король Людовик XVI, пытаясь решить экономические проблемы, призвал на должность главы финансового ведомства швейцарского финансиста Жака Неккера. Последний, не проведя реальных реформ, продолжал политику некоторых предшественников (например, Жака Тюрго), а выйдя в отставку, издал книгу с критикой финансовой политики правительства (что, на наш взгляд, было не вполне этичным поступком) [6].

В создавшейся ситуации французским правительством была предпринята попытка созвать провинциальные собрания нотаблей. Вероятно, целесообразнее

было бы объявить государство банкротом и не платить по счетам (прецедентов в истории европейских стран имелося немало). А обращение за поддержкой к провинциальным элитам привело к обратному результату – нотабли получили площадки для выдвижения требований к королю, торпедирования невыгодных для них предложений королевского правительства и наращивания его критики.

Данный период важен для нас повышением уровня ожесточения англо-французской борьбы и прибеганием противоборствующих сторон к способам и методам, ранее считавшимся «недозволенными» (что, отчасти, объясняет характер последующих событий).

VII. Великая французская революция, наполеоновские войны и завершение переелома в англо-французском противостоянии в пользу Англии.

Для проведения налоговой реформы в 1789 г. были созваны Генеральные штаты (высший сословно-представительный орган, не собиравшийся с 1614 г.). В рамках данного собрания сразу начались конфликты между и первым, и вторым (духовным и дворянским), и третьим (буржуазным) сословиями. Король становился то на одну, то на другую сторону [12].

Исторические аналогии показывают, что созыв такого представительного органа после длительного перерыва влечёт за собой серьёзные конфликты в обществе (Долгий парламент предрешил Английскую революцию 1642–1651 гг., а Государственные думы – революции 1905–1907 гг. и 1917 г. в России). Происходила быстрая «расбалансировка» власти и потеря королевским правительством контроля за развитием событий.

Существенную роль в событиях Революции играл герцог Орлеанский (Луи Филипп II), великий мастер системы лож «Великий восток Франции», чей двор в Палле-Рояле превратился в центр либеральной оппозиции королю (как принц крови он имел иммунитет от посещений полиции).

Следует отметить, что перед революционными событиями Луи Филипп II занял крупные суммы денег у лондонских банкиров, а также продал принадлежавшую ему знаменитую коллекцию античных камней Екатерине (II), т. к. активная политическая деятельность требовала крупных сумм наличных денег.

Вокруг Луи Филиппа II сложился круг получивших известность либерально-революционных деятелей, таких, как Жильбер Лафайет (вскоре стал командующим Национальной гвардией), Эммануэль-Жозеф Сийес, Шодерло де Лакло (агитировал за низложение и казнь короля и регентство герцога Орлеанского), Николя Кондорсе. На базе данных собраний возник Якобинский клуб, сыгравший столь значительную роль в событиях Великой французской революции (1789–1799 гг.) [12].

Правда, в апреле 1790 г. собственно сторонники герцога образовали в Пале-Рояле отдельный клуб «Общество 1789 года» (другие названия – «конституционалисты», фельяны). Среди них были Лафайет, Мирабо, Сийес, Байи, Кондорсе, Талейран, Ле Шапелье. Но многие из них, в том числе и Мирабо, оставались одновременно и участниками Якобинского клуба.

Последующие события привели к превращению абсолютной монархии в «конституционную», а затем и к её низложению и казни Людовика XVI (21 января 1793 г.) [2]. Власть переходила от одной революционной группировки к другой – от конституционалистов (клуб фельянов – сторонников герцога Орлеанского) к якобинцам – сперва к их жирондистской ветви, потом к монтаньярской. Смена власти обычно сопровождалась арестами и казнями. На сравнительно короткий период значительную долю власти получил Максимилиан Робеспьер как лидер Комитета Общественного Спасения и президент Национального Конвента. Однако и он был свергнут и казнён в 1794 г. Следует отметить, что перед арестом Робеспьер обвинил многих членов правящих группировок в работе на английское прави-

тельство. Допустимо предположить, что эти обвинения не были совсем голословными [12]. После Робеспьера Францией в 1795–1799 гг. управлял коллегиальный орган – Директория (состоявшая из двух палат и пяти директоров, наиболее известными из которых были Баррас и Сийес) [13].

Директорию сменил Первый Консул Наполеон Бонапарт, ставший позднее французским императором. В его правление Франция вела непрерывные войны на Европейском континенте. Это означало возврат к анахроничной и маловыгодной для Франции политике Людовика XIV, от которой отказались уже ближайшие преемники последнего.

В целом революция 1789–1799 гг. по своим этапам представляет пример логически развернутой схемы революционного процесса. Наиболее типологически сходство с ней представляет Революция 1917 г. в России и последовавшая за ней Гражданская война (1917–1922 гг.).

Внимательное рассмотрение итогов Великой французской революции и Первой империи Наполеона показывают, что именно в данный исторический период (1789–1815 гг.) Франция утратила лидирующее положение в Европе и мире. Она потеряла свои колониальные владения, международное влияние, кадровый состав армии и флота (уничтоженный во время революционного террора) и стала жертвой демографического кризиса. Мирное лидерство перешло к Англии.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно охарактеризовать XVIII в. как время противостояния двух великих держав – Англии и Франции. Их борьба происходила по нескольким направлениям: военному, дипломатическому, в сфере тайных операций.

В XVIII в. Англия и Франция вели между собой Войну за испанское наследство (1701–1714), итоги которой в целом сохраняли статус-кво в Европе; Войну

за австрийское наследство (1740–1748), которая, несмотря на ряд французских успехов, не изменила ситуацию; Семилетнюю войну (1756–1763 гг.), завершившуюся тяжелой неудачей Францией и потерей ею колоний в Северной Америке и Индии, наконец, Англо-французская война (1778–1783), связанная с Американской войной за независимость. Последняя война окончилась крупными успехами французской стороны и подрывом английского господства в Западном полушарии. Однако английские элиты сумели переломить ход борьбы, применяя новейшие формы противостояния со своим геополитическим противником.

Несмотря на высокопрофессиональную (и, в целом, успешную) работу французской дипломатии, в XVIII в. особое значение получила сфера «тайных операций» и использования «агентов влияния». В данной области английская сторона переиграла своих французских антагонистов.

Следует отметить, что и французское правительство проводило спецоперации на территории Англии, прежде всего используя представителей свергнутой династии Стюартов и их политических сторонников – якобитов.

В 1715 и в 1745 гг. при активной французской поддержке на территории Шотландии были организованы крупные якобитские мятежи (совпадающие по времени с англо-французскими войнами). Они закончились поражениями, и якобитское движение утратило свое значение. В дальнейшем Англия стала практически непроницаема для спецопераций противника, хотя французские спецслужбы и военные предпринимали попытки разыгрывать карту ирландского сепаратизма. Напротив, английское воздействие на «болевы точки» королевской Франции возросло в течение всего XVIII в.

Крупным, а возможно – и решающим, шагом в данном направлении стало превращение Орлеанского дома Десятой

креации в наследственных агентов влияния (то же самое, кстати, произошло и с семейством Воронцовых в России во времена Екатерины II). Допустимо предположить, что представители этого Дома имели целью заменить собой на французском престоле старшую ветвь Бурбонов (что им и удалось на время в 1830 г.), причём проанглийские симпатии распространялись практически на всех представителей Дома в XVIII столетии. Как уже говорилось выше, Филипп II Орлеанский, став регентом, допустил попрание французских государственных интересов в пользу Англии. Его внук Луи-Филипп I (кстати, заочный герой «Пиковой дамы» Пушкина) стал главой ложи Великий восток Франции (и фактически главой французских масонов).

Его правнук Луи-Филипп II сыграл большую роль в Великой французской революции, особенно на стадии подготовки и ее ранних этапах, приняв фамилию Эгалите – «Равенство» (его родная сестра взяла фамилию Верите – «Истина»), хотя позднее (в соответствии с логикой развертывания революционного процесса) был казнён.

Наконец, праправнук Филиппа II – Луи-Филипп III, спасаясь от революционного террора, длительное время находился в эмиграции в Англии, получая от британского правительства пенсию. После Июльской революции 1830 г. он смог прийти к власти во Франции, став королём под именем Луи-Филиппа I.

Итак, в процессе англо-французского соперничества, под знаком которого прошёл весь XVIII в., Франция утратила свое положение первой державы Европы и мира. Поворотным моментом в данном процессе, по нашему мнению, являлся период Регентства (1715–1723 гг.), а завершающей точкой – события Французской революции (1789–1799 гг.) и деятельность Наполеона I. Последующий XIX в. прошёл под знаком английской гегемонии.

Статья поступила в редакцию 13.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов М. Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века: От Ахенского мира до Семилетней войны. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2012. 344 с.
2. Д'Эзек Ф. Д. Из воспоминаний пажа Людовика XVI / пер. Е. П. Чалеевой // Голос минувшего. 1913. № 6. С. 106–132.
3. Зазулина Н. Н. Европейский пасьянс. Хроника последнего десятилетия царствования Екатерины II. М. : Изд-во Бослен, 2018. 640 с.
4. История философии: Запад-Россия-Восток. Кн. 4. Философия XX в. / ред. Н. В. Мотрошилова, А. М. Руткевич. 2-е изд. М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2000. 252 с.
5. Карпачёв С. П. Тайны масонских орденов. Ритуалы «вольных каменщиков». М. : Яуза-Пресс, 2007. 352 с.
6. Махов С. П., Созаев Э. Б. Борьба за испанское наследство. М. : Издательский дом «Вече», 2010. 352 с.
7. Нодон П. Общая история Массонства. М. : Изд-во АСТ, Астрель, 2004. 192 с.
8. Пинкус С. 1688 год. Первая современная революция. М. : Изд-во АСТ, 2017. 928 с.
9. Станков К. Н. Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685–1701. М. : Изд-во: Алетейя, 2015. 571 с.
10. Соловьев С. М. История России с древнейших времён. К. 24. М. : Изд-во соц.-экономич. лит-ры, 1962. 404 с.
11. Томсинов В. А. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах : учеб. пособие. М. : Зерцало-М, 2015. 256 с.
12. Тьер Луи-А. История Французской революции. Т. 1. М. : Изд-во Захаров, 2015. 824 с.
13. Тьер Луи-А. История Французской революции. Т. 2. М. : Изд-во Захаров, 2015. 832 с.
14. Файзиен Т. М. Масонство как феномен общественно-политической жизни Англии первой половины XVIII века : дис. канд. ист. наук. М., 2000. 218 с.
15. Фанталов А. Н. Переворот 1762 года в России: пример историко-информационной фальсификации // Донецкие чтения 2019 : образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы IV Международной научной конференции. Донецк, 2019. С. 229–231.
16. Anderson J. The Constitutions of the Ancient and Honourable Fraternity of Free and Accepted Masons. Containing Their History, Charges, Regulations, &c. Compiled by J. Anderson. Revised with Additions by J. Entick. London, 1767. 440 p.

REFERENCES

1. Anisimov M. Yu. *Rossijskaya diplomatiya v Evrope v seredine XVIII veka: Ot Ahenskogo mira do Semiletnej vojny* [Russian diplomacy in Europe in the middle of the 18th century: From the Peace of Aachen to the Seven Years' War]. Moscow, KMK Scientific Press Publ., 2012. 344 p.
2. D'Ezek F. D. [From the memories of Louis XVI]. In transl. by E. P. Chaleeva. In: *Golos minuvshego* [The Voice of the Past], 1913, no. 6, pp. 106–132.
3. Zazulina N. N. *Evropejskij pas'jans. Hronika poslednego desyatiletiya carstvovaniya Ekateriny II* [European Solitaire. Chronicle of the Last Decade of Catherine the Great's Reign]. Moscow, Boslen Publ., 2018. 640 p.
4. Motroshilova N. V., Rutkevich A. M., ed. *Istoriya filosofii: Zapad-Rossiya-Vostok. Kn. 4. Filosofiya XX v.* [History of Philosophy: West-Russia-East. Vol. 4. Philosophy of the 20th century]. Second edition. Moscow, «Greko-latinskij kabinet» Yu. A. Shichalina Publ., 2000. 252 p.
5. Karpachyov S. P. *Tajny masonskih ordenov. Ritualy "vol'nyh kamenshchikov"* [Secrets of the Masonic Orders. Freemasons Rituals]. Moscow, Yauza-Press Publ., 2007. 352 p.
6. Mahov S. P., Sozaev E. B. *Bor'ba za ispanskoe nasledstvo* [Struggle for the Spanish Inheritance]. Moscow, Veche Publ., 2010. 352 p.
7. Nodon P. *Obshchaya istoriya Masonstva* [General History of Freemasonry]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2004. 192 p.
8. Pinkus S. *1688 god. Pervaya sovremennaya revolyuciya* [1688. First Modern Revolution]. Moscow, AST Publ., 2017. 928 p.
9. Stankov K. N. *Korol' Yakov II Styuart i stanovlenie dvizheniya yakobitov. 1685–1701* [King James II Stuart and the Formation of the Jacobite Movement. 1685–1701.]. Moscow, Aleteya Publ., 2015. 571 p.

10. Solov'ev S. M. *Istoriya Rossii s drevnejshih vremyon. K. 24.* [History of Russia Since Ancient Times. Vol. 24]. Moscow, Socio-economic Literature Publ., 1962. 404 p.
11. Tomsinov V. A. "Slavnaya revolyuciya" 1688–1689 godov v Anglii i Bill' o pravah : ucheb. posobie ["Glorious Revolution" of 1688–1689 in England. Bill of Rights : student book]. Moscow, Zercalo-M Publ., 2015. 256 p.
12. Ter Lui-A. *Istoriya Francuzskoj revolyucii. T. 1* [History of the French Revolution. Vol. 1]. Moscow, Zaharov Publ., 2015. 824 p.
13. Ter Lui-A. *storiya Francuzskoj revolyucii. T. 2* [History of the French Revolution. Vol. 2]. Moscow, Zaharov Publ., 2015. 832 p.
14. Fajziev T. M. *Masonstvo kak fenomen obshchestvenno-politicheskoy zhizni Anglii pervoj poloviny XVIII veka : dis. kand. ist. nauk* [Freemasonry as a Phenomenon of the Social and Political Life of England in the First Half of the 18th century : PhD thesis in Historical sciences]. Moscow, 2000. 218 p.
15. Fantalov A. N. [The Coup of 1762 in Russia: an Example of Historical and Informational Falsification]. In: *Doneckie chteniya 2019 : obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Donetsk Readings 2019: education, science, innovation, culture and modern challenges. Materials of the IV International Scientific Conference]. Donetsk, 2019, pp. 229–231.
16. Anderson J. *The Constitutions of the Ancient and Honourable Fraternity of Free and Accepted Masons. Containing Their History, Charges, Regulations, &c. Compiled by J. Anderson. Revised with Additions by J. Entick.* London, 1767. 440 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фанталов Алексей Николаевич – кандидат культурологии, доцент, старший преподаватель кафедры педагогики семьи Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования; e-mail: fantalov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey N. Fantalov – Cand. Sci (Culturology), Assoc. Prof., Senior lecturer, Department of Family Pedagogy, St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education; e-mail: fantalov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фанталов А. Н. Военно-политическое противостояние Англии и Франции в XVIII в.: войны и секретные операции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 68–79.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-68-79

FOR CITATION

Fantalov A. N. Military and Political Confrontation Between England and France in the 18th Century: Wars and Secret Operations. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 68–79.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-68-79

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК: 94(47):271

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-80-90

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РУССКОГО ИНОКА XIV–XV ВВ. ОБ ИНОЧЕСТВЕ

Мишин И. О.

*Российский государственный гуманитарный университет
103012, г. Москва, ул. Никольская, д. 15, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. В настоящем исследовании предпринята попытка выявить представления русского инока XIV–XV вв. об иночестве, о сути иноческого подвижничества.

Процедура и методы. Особенности текста монашеского поучения XV в. «Ко ученику Кирила Белозерска чудотворца» позволили применить метод контент-анализа. Для качественной интерпретации результатов был осуществлен сравнительный анализ означенного текста с текстом другого оригинального русского поучения XIV–XV вв. – «О подвизе иночьскаго жития».

Результаты. Изучение монашеских поучений XIV–XV вв. позволило выявить наиболее употребляемые семантические пары, в которых присутствует понятие «иночество», и рассмотреть их в соотношении с идеальными представлениями инока об иночестве. Ключевые смыслы, вкладываемые в иноческое подвижничество, связывались со служением Богу и достижением Горнего мира.

Теоретическая и/или практическая значимость. Вновь поднята проблематика иноческого мировоззрения эпохи русского Предвозрождения и выявлены новые подходы к изучению памятников древнерусской письменности.

Ключевые слова: ментальность, мировоззрение, иночество, монашество, Предвозрождение

BELIEFS OF A RUSSIAN ENOCH OF THE 14TH–15TH CENTURIES ABOUT MONASTICISM

I. Mishin

*Russian State University for the Humanities
15 Nikol'skaya ul., Moscow 103012, Russia Federation*

Abstract

Aim. To elucidate the beliefs of a Russian monk of the 14th–15th centuries about monasticism.

Methodology. The method of content analysis was used to investigate specific features of the 15th century text of monastic teaching “Ko ucheniku Kirila Belozerska chudotvortsya” (“To an apprentice of Cyril, the wonderworker from Beloozero”). The obtained data were interpreted using the method of comparative analysis: the text under study was compared with another medieval teaching text – “O podvize inoch'skago zhitiya” (“About the feat of a monastic life”).

© СС BY Мишин И. О., 2020.

Results. The conducted study revealed the most frequently used semantic pairs that included the concept of “inochestvo” (“monasticism”). These pairs were analyzed against the ideal beliefs of monks about monasticism. The key meanings of monasticism were associated with the service to God and the attainment of heaven.

Research implications. The findings provide a new understanding of the world perception of the monkhood during the age of Russian Pre-Renaissance. New approaches to examination of ancient Russian written sources were implemented.

Keywords: mentality, world perception, monasticism, monkhood, Russian Pre-Renaissance

Введение

Русское монашество традиционно представляло собой духовно-нравственный светоч для народа в целом. Особенно это проявилось в эпоху русского Предвозрождения в XIV–XV вв., когда, благодаря примерам великого подвижничества, Русь воспрянула от трагического века Батыева нашествия и моральной катастрофы, вызванной ордынским разорением. В контексте современных духовных исканий российское общество проявляет особый интерес именно к тому далекому времени. Несмотря на наличие ряда исследований, где рассмотрены идеалы и ценности иночества эпохи русского Предвозрождения [3; 4; 7–11; 13–15, 17], остаются неизученными иноческие представления о самом иночестве, о сути подвижничества.

Русское средневековье оставило целый ряд поучений об иноческом житии. Для настоящего исследования представляют интерес два оригинальных русских поучения, появившихся в XIV–XV вв.: «О подвизе иночьскаго жития» (далее – «О подвизе...»)¹ и «Ко ученику Кирилла Белозерска чудотворца» (далее – «Ко ученику...»)². Первый текст характеризуется аллегоричностью, образностью. Он сходен с учительным текстом, обьяющим высшие смыслы иноческого подвижничества. Второе же поучение представляется более приближенным к реальности, повседневности средневекового русского

монаха, поскольку в этом тексте регламентируется поведение человека, принявшего иноческий постриг.

По сравнению с поучением «О подвизе...» в тексте поучения «Ко ученику...» часто употребляются слова «брат», «братия», «инок» в смысловом значении «иночество» – 42 раза на приблизительно 2932 слова (включая предлоги). Кроме того, семантическая категория «иночество» присутствует в 24 из 36 абзацев³ текста. Это позволяет применить контент-анализ парной встречаемости означенной категории с другими семантическими категориями, присутствующими в тексте поучения «Ко ученику...»⁴. Для качественной интерпретации результатов был осуществлён сравнительный анализ означенного текста с текстом другого оригинального русского поучения XIV–XV вв. – «О подвизе...»⁵.

³ Под понятием «абзац» понимается отрезок текста, имеющий семантико-стилистическое единство. Необходимо обратить внимание на то, что, при отсутствии семантической целостности, один абзац, содержащийся в тексте той или иной археографической публикации, может рассматриваться автором настоящего исследования как два или более абзацев.

⁴ В настоящей статье остались нерассмотренными две семантические пары: «иночество – хождение» и «иночество – говорение». Качественный анализ текста поучения «Ко ученику...» показывает, что понятие «говорение» имеет функциональное значение и присутствует в контексте преимущественно для обозначения речевых актов. По аналогии функциональное значение имеет и категория «хождение», выражающее движение человека в прямом смысле. Поскольку связь указанных понятий с семантической категорией «иночество» не раскрывает смысл монашеского подвижничества, категории «хождение» и «говорение» не рассмотрены в настоящей статье.

⁵ При воспроизведении древнерусских текстов сохранены буквы «ѣ» и «ѧ», в остальном орфография приближена к современной.

¹ № 2. О подвизе иночьскаго жития // Материалы для истории русской церкви. Харьков, 1862. Т. 1. С. 117–127.

² Прохоров Г. М. Поучение ко ученику «Кирилла Белозерска чудотворца» // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 3–24.

Изучение означенных поучений позволяет достигнуть цели настоящего исследования – выявить представления русского инока XIV–XV вв. об иночестве, о суги иноческого подвижничества.

Иночество как служение Богу

По результатам проведенного контент-анализа текста поучения «Ко учени-

ку...» (табл. 1) особого внимания заслуживает семантическая категория «Бог». У неё наиболее высокая частота парной встречаемости с категорией «иночество» – 74 раза. Такой результат неудивителен. Уже в самом начале поучения «Ко ученику...» сообщается о первом правиле иноческого жития – «възлюбити Бога паче всѣхъ человекѣкъ, брата же своего яко и себѣ»¹.

Таблица 1 / Table 1

Частота парной встречаемости различных семантических категорий с понятием «иночество»² в тексте поучения «Ко ученику...» / The frequency of paired occurrence of various semantic categories with the concept of “Enoch”³ in the text of the lesson “To the student ...”

Категория	Лексическая единица (в нач. форме ⁴)	Частота (кол-во раз)
Бог	Богъ; Божий; Господь; Отец, Сын и Святой Дух; Отец Мой; Иисус (Исус)	74
трапеза	трапеза; трапѣза; трапезный; обѣдъ; ужина	73
хотение	[вос/по]хотѣти; [вос/по]хощу	67
хождение	идти; иду; прийти; прихожу; [при]ходити	50
делание	бездѣльный; дѣлати; дѣло; дѣяти; рукодѣлие; рукодѣлье дѣлати; [со]творити; творящий; творецъ дѣломъ;	44
служение	[по]служити; служащий; служебникъ	41
нужда	надобѣ; нужна; нужда; нужина; нужникъ; нужный;	37
молитва	молитва; молитвѣный; молитися	36
есть	ядати; ясти	36
мочь	могу; [воз]можеша	35
говорение	глаголати; глаголю; [по/про]говорити; [по]говорю; [про] молѣвити; сказати	33

Семантическая категория «служение» имеет высокую частоту парной встречаемости с категорией «иночество», то есть справедливо говорить, что монашеское подвижничество отождествлялось со служением. Более того, в одном из аб-

зацев поучения «Ко ученику...» понятие служения увязывается с цитатой из Евангелия от Иоанна: «Рече Господь: «Аще кто Мнѣ служить, по Мнѣ да ходитъ. Идѣжѣ есмь Азъ, ту и слуга Моя будет» (Ин. 12:26)⁵. В поучении «О подвизе...» также сказано, что удел инока на земле, как ангела на небесах, «Бога пѣти в вѣки»⁶.

Если вернуться к поучению «Ко ученику...», то качественный анализ текста показывает, что понятие «служение» по-

¹ Прохоров Г. М. Поучение ко ученику «Кирила Белозерска чудотворца»... С. 16.

² Состоит из лексических единиц (приведено в начальной форме): «братъ», «инокъ», «братья».

³ The analyzed concept contains lexemes “brother”, “Enoch”, “brothers”.

⁴ Сверено по: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб., 1893–1912.

⁵ Прохоров Г. М. Поучение ко ученику «Кирила Белозерска чудотворца»... С. 19.

⁶ № 2. О подвизе иноческаго жития... С. 119.

мещено преимущественно в контекст монастырских дел и таких служб, как, например, трапеза¹. Более того, семантическая категория «трапеза» уступает по частоте парной встречаемости только категории «Бог» – 73 раза против 74 соответственно. Чтобы выяснить взаимосвязь понятий «иночество» и «трапеза», необходимо тщательно рассмотреть повседневность русского инока в XIV–XV вв.

Жизнь средневекового русского монаха была подчинена годовому, недельному и, прежде всего, суточному кругу богослужения. На молитве, будь то в келье или в храме, инок проводил большую часть времени [15]. Неудивительно, что в тексте поучения «Ко ученику...» семантическая категория «молитва» обладает высокой частотой парной встречаемости с понятием «иночество». Но в данном случае интерес представляет именно церковная молитва, поскольку она неотрывна от трапезы как неотъемлемой части богослужебной практики в монастыре и, соответственно, монашеской повседневности.

Кульминацией суточного круга является Божественная литургия, предвещающая монастырскую трапезу, из-за чего эту службу просторечно называли обедней. Соединение литургии и трапезы происходило через чин Панагии. Греческим словом «Панагия», что переводится как «Всесвятая», именуется Богородица, но применительно к данному чину оно означает богородичную просфору, символически представляющую Царицу Небесную. Панагию после литургии выносят из храма и устанавливают в трапезной на аналое под иконами, чтобы сообщить трапезе благодать литургии. Сама трапеза имела свой богослужебный чин и зачастую проходила в палатах, устроенных при храмах. Более того, на восточной стене трапезной всегда устраивался иконостас, таким образом, она как бы

уподоблялась церкви. По окончании трапезы братия вкушала от Панагии, то есть совершалось, в своём роде, ещё одно причащение [15; 16].

Историк Е. В. Романенко справедливо замечает, что монастырская трапеза являлась продолжением богослужения [15, с. 71]. Соединяясь в целое с литургией, трапеза занимала одно из важнейших мест в суточном круге богослужения. Поскольку смысл трапезы, как и любой церковной службы, заключался в том, чтобы «Бога пѣти в вѣки», утверждение о том, что иночество имело значение служения Богу, может показаться также справедливым.

Внутреннее или внешнее делание?

Монашеское служение было не только молитвенным, но и трудническим. Как уже было отмечено выше, в поучении «Ко ученику...» понятие «служение» выступает преимущественно в контексте монастырских дел. Также следует обратить внимание на то, что семантическая категория «делание» имеет очень высокую частоту парной встречаемости с понятием «иночество». Зачастую при употреблении понятия «делание» в анализируемом тексте речь идет именно о трудничестве – каком-либо рукоделии или исполнении монастырских дел². При этом категория «делание» употребляется с категорией «иночество» чаще, чем понятия «служение» и «молитва».

Как отмечает историк Т. Б. Коваль, русское иночество не привлекали «крайности аскезы, сверхчеловеческие подвиги умерщвления плоти, столпничество, полное голодание» [7, с. 69]. Образы Сергия Радонежского и Феодосия Печерского перекликаются в сочетании созерцания и молитвы с неустанными телесными трудами. Трудничество, как форма внешней аскезы, подготавливало внутреннее делание [7]. В поучении «О подвизе...» об этом повествуется через красивую аллегорию.

¹ Прохоров Г. М. Поучение ко ученику «Кирила Белозерска чудотворца»... С. 3–24.

² Прохоров Г. М. Поучение ко ученику «Кирила Белозерска чудотворца»... С. 3–24.

Вера имеет образ свечи, а масло для свечи – это добрые деяния, в число которых, помимо послушания и «въздержанія утробы», входит ручной труд. Через описанную аллегорию автор текста раскрывает основную мысль: «Вѣра безъ дѣлъ благихъ мертва есть, сице же и вашъ обѣтъ безъ добрыхъ дѣлъ мертвъ есть»¹.

Нельзя согласиться с тезисами А. В. Моргачевой и А. Г. Некиты о том, что через внутреннее делание, через преобразование самого себя иночество преобразовало своим физическим трудом окружающий мир, природу [11; 12]. По крайней мере, представляется спорным утверждение об иноческой самости, выраженной в «стремлении гармонизировать земной мир» через «самоотверженное преобразование природной среды» [12, с. 119]. Анализ контекста поучения «Ко ученику...», в котором присутствует семантическая категория «делание», показывает, что категория никак не соотносится с темой природы.

Здесь следует рассмотреть лексические единицы, составляющие понятие «делание». К одной группе относится слово «творити» и его производные, к другой – слово «дѣло» и его производные. Семантически слово «творити» и его производные явственнее соотносятся в смысле некоего созидания, чем слово «дѣло» и его производные. Оно передает творческую природу человека, созданного по образу и подобию Творца, а значит – и человеческую потенцию к преобразованию окружающего мира. Лексические единицы, основанные на слове «творити», встречаются с семантической категорией «иночество» 13 раз, у второй группы этот показатель выше более чем вдвое – 31 раз. С учетом всего вышеизложенного это означает, что иноческая самость слабо воспринималась средневековым русским монахом в значении какого-либо преобразования внешнего мира.

Если обратиться к поучению «О подвизе...», то обнаружится, что в этом

¹ № 2. О подвизе иночьскаго жития... С. 124.

тексте также не поднимается тема о преобразении внешнего мира. В этом поучении смысл иноческого подвижничества раскрывается как преобразование мира внутреннего. Внешний мир – мир вне монастырских стен – преподносится как мир тления, мир страстей, мир греха². Противопоставление внутреннего и внешнего миров выражается в противопоставлении иноческого и мирского богатства: «Зрите на миръ: иже тлѣнное богатство собирають <...> и ничтоже души своей ползы приобрѣтающе <...> ваше [иноков. – И. М.] богатство вѣчно есть и нетлѣнно, ни татье крадутъ, ни князи тлѣннии завидять»³.

Такое противопоставление не случайно. Оно раскрывает подлинный смысл иночества в русском средневековом сознании – ограждение души от грешного мира. Впрочем, эта мысль прямо озвучивается в поучении: «О любимици мои, послушайте Господа, глаголюща: нечистѣ мирѣ не прикасайтесь <...> то бо все инокихъ дѣла суть, отвергшихся міра и его похотій»⁴. Уже сам обряд пострижения рассматривается как восход к Богу от мира и его «вредов»⁵. Тот же посыл встречается и в другом рассматриваемом тексте. Согласно поучению «Ко ученику...», «похвала и доброта» иноческого жития заключается в том, что инок не печётся о суете земного мира и мирских благах – ни о своём теле, ни о еде и питье, ни о злате, серебре и прочих «имениях»⁶.

Иночество в эсхатологическом сознании

Средневековый русский человек, принимая постриг, чтобы «Бога пѣти в вѣки», прежде всего, стремился оградиться от грешного земного мира. Здесь уместно вспомнить наблюдения В. О. Ключевско-

² № 2. О подвизе иночьскаго жития... С. 117–127.

³ Там же. С. 122–123.

⁴ Там же. С. 120.

⁵ Там же. С. 119.

⁶ Прохоров Г. М. Поучение ко ученику «Кирила Белозерска чудотворца»... С. 16.

го и Г. П. Федотова об атмосфере эпохи середины XIII–XIV вв. Ордынское нашествие на Русь было всенародным бедствием. Оно вселило ужас в души нескольких поколений русских людей, принесло не только материальное, но и нравственное разорение. Как пишет историк: «Умы теряли всякую бодрость <...> и безнадежно отдавались своему прискорбному положению» [6, с. 261]. Моральная катастрофа явила всеобщее огрубление и одичание, поэтому монастырь и представлялся тем местом, где можно было укрыться от страстей и тлена земного мира. Ощутимая грань между жизнью и смертью вызвала религиозную реакцию на все эти трагические потрясения, в которых люди видели казнь за свои грехи и предвестие «последних времён» [1; 2; 18; 20].

Означает ли это, что эсхатологические настроения сформировали представление о конечной цели иноческого жития, заключающееся во вхождении в Царство Небесное? Судя по традиции устроения русских обителей, унаследованных от древних палестинских лавр святых Федосия Великого и Евфимия Великого, на этот вопрос можно ответить положительно. В поучении «О подвиге...» сказано: «Манастырь бо небо умное есть»¹. Этот смысл раскрывался в планировке обители как земного образа Царства Небесного. За основу бралось описание Небесного града Иерусалима, где будут жить спасённые народы из «Откровения Иоанна Богослова». Согласно источнику, град Небесный имеет форму четырёхугольника, «и длина его такая же, как и широта» (Откр. 21:16). При возведении монастыря четырёхугольник обносился «большой и высокой стеной» с «воротами на все стороны света: с востока, с севера, с юга и с запада» (Откр. 21:12). В Небесном Иерусалиме Господь представал как «храм его, и Агнец» (Откр. 21:22), поэтому в центре земного образа Царства Небесного всегда ставили храм – дом, жилище Божие [15].

¹ № 2. О подвиге иночьского жития... С. 119.

Помимо символического образа монастыря, о соответствующих представлениях о конечной цели иноческого жития в русском средневековом сознании сообщают и тексты поучений XIV–XV вв. Например, в поучении «Ко ученику...» сказано: «Истиному бо иноку нѣсть праздника на земли, ни Пасхи: Пасха ему есть тогда, коли приидеть в вѣчный покой». Примечательно, что, согласно этому поучению, борьба с праздностью происходит через молитвенный и ручной труд, и в целом, иноческая «Пасха», то есть достижение иноком Горнего мира, связывается с понятием «служение» в контексте трудничества на монастырских делах². Та же идея о цели иночества присутствует и в тексте поучения «О подвиге...»: «Инокимъ же вѣкъ скорбенъ есть вѣчныхъ [благ. – И. М.] ради»³. В этом поучении ключом к достижению Царства Небесного представляются «добрые дела», к которым, как уже было отмечено выше, относятся послушание, ручной труд и воздержание в пище, то есть пост⁴.

Поскольку русская монашеская традиция была мягче и умереннее, чем, к примеру, египетская и сирийская традиции, поражавшие суровостью аскезы даже средневековое воображение, основными аскетическими формами на Руси были трудничество и постничество [7; 19]. Следовательно, можно предположить, что иночество в XIV–XV вв. понималось и в значении постничества. О регламентации приёма пищи как неотъемлемой части монашеского подвижничества, говорит то, что понятие «есть», означающее употребление пищи, входит в число семантических категорий, чаще всего встречаемых вместе с категорией «иночество» в тексте поучения «Ко ученику...». Кроме того, ранее отмечалось, что в поучении «О подвиге...» пост входит в число «добрых дел», выполняя которые, инок сможет достиг-

² Прохоров Г. М. Поучение ко ученику «Кирила Белозерска чудотворца»... С. 20.

³ № 2. О подвиге иночьского жития... С. 119.

⁴ Там же. С. 124.

нуть конечной цели своего жития – Горнего мира, а в поучении «Ко ученику...» «похвала и доброта» этого жития связывалась, в том числе, с отсутствием у инока попечения о еде и питье¹.

Таким образом, иночество воспринималось русским средневековым монахом в значении аскезы – и как постничество, и как трудничество. В свою очередь, эти основные аскетические практики были направлены на преобразование внутреннего мира инока. Инок не стремился к какому-либо созиданию во внешнем мире, не стремился к преобразованию природы. Наоборот, он воспринимал иночество как укрытие от внешнего мира, наполненного страстями, которое позволит обрести собственной душе вечный покой, достигнуть Царства Небесного.

Иночество как свобода воли

Аскеза – это ограничение самого себя. Но, с другой стороны, ещё Григорий Нисский писал, что «добродетель есть нечто неподвластное и добровольное», то есть благо совершается человеком по его собственной воле и не подчиняется «какому-либо естественному владычеству» [5, с. 141]. Аскеза, как было показано выше, представляется в монашеских поучениях XIV–XV вв. как «добрые дела». Справедливо ли тогда утверждать, что в иноческой самости имелось место для такого понятия, как «свобода воли»?

Здесь следует обратиться к тексту поучения «Ко ученику...». Среди семантических категорий, имеющих наибольшую частоту парной встречаемости с категорией «иночество», присутствуют три понятия, которые могут в той или иной степени раскрыть смысл свободного произволения в иночестве. Эти понятия – «хотение», «нужда» и «мочь» (то есть способность к действию).

Семантическая категория «хотение» имеет третий по величине показатель

парной встречаемости – 67 раз. Преимущественно данная категория употребляется в контексте свободы выбора или некоего добровольного действия. В аналогичный контекст помещено и понятие «мочь». Более того, категории «хотение» и «мочь» зачастую перекликаются в рамках одного абзаца, что может указывать на присутствие свободы воли в иноческой самости².

Здесь важно обратить внимание на то, что в большинстве русских монастырей XIV–XV вв. было распространено киновийное (общежительное) житие. Монастырское общежитие заключалось не только в том, что у всех монахов было общее имущество, но и в том, что трудническая аскеза была не личным, а общим делом. Совместный монашеский быт превращал киновию в образ духовной семьи, воплощающей идеал соборности. Соборность не умаляла свободу личности, связанную с такими же свободными личностями, и не была равнозначна коллективизму. В коллективизме нравственный центр переносился с личности на коллектив, что противно смыслу иночества, иноческой самости, для которой безусловное значение имеет преобразование внутреннего мира [7].

Возрождение киновийного жития на Руси, как и монашеского подвижничества в целом, связано, в первую очередь, с именем преподобного Сергия Радонежского. Преподобный Сергий встал на свой подвижнический путь, увлекаемый стремлением к внутренней и духовной свободам. Этот дух восприняли его ученики, распространившие традицию киновии преподобного Сергия по Руси [4].

Рассуждая об осмыслении свободы воли средневековым русским монашеством, конечно же, вспоминается фигура преподобного Нила Сорского. Преподобный Нил полагал, что каждый инок должен самостоятельно понять, к чему склонна его природа. Однако этот вели-

¹ Прохоров Г. М. Поучение ко ученику «Кирила Белозерска чудотворца»... С. 3–24; № 2. О подвизе иночьского жития... С. 117–127.

² Прохоров Г. М. Поучение ко ученику «Кирила Белозерска чудотворца»... С. 3–24.

кий подвижник призывал также соблюдать меру во всякой аскезе и не допускать крайностей, которые могут быть не угодны Богу [7].

В связи с этим интересно проследить контекст поучения «Ко ученику...», в котором употребляется понятие «нужда». По большей части эта семантическая категория используется в тех случаях, когда описывается некое отступление от правил иноческого жития: «Аще ли кто <...> придет да восхощет с тобою поговорити, то, <...> что *надобь*, то с ним поговори, а празднословия бы не было. Но аще что будет по *нужди*, и ты с ним то говори»¹. Приведенный пример показывает, что инок мог поступать согласно своей воли, единственно, чтобы это не доводило до греха. В поучении «О подвизе...» раскрывается мысль о том, что инок волен «еже добро дѣяти и еже зло»². Соответственно, в другом рассмотренном тексте понятие «нужда» может обозначать не только посыл к проявлению собственной воли, но и ту границу, за которой свободное произволение перестает быть добродетельным.

Заключение

Инок, как и ангел, в восприятии средневекового русского монаха воспевал Бога «в вѣки», что было обусловлено самой монашеской повседневностью. По крайней мере, молитва тесно связывалась с понятием об иночестве. На молитве, особенно церковной, инок проводил большую часть времени. И в целом жизнь средневекового русского монаха была подчинена, в первую очередь, суточным кругом богослужения. Следовательно, иночество уже по своему содержанию не может не отождествляться со служением Богу.

Однако служение Богу не было конечной целью монашеского подвижничества. Конечно, человек, принявший

постриг, перво-наперво должен был возлюбить Бога более всего остального, что есть в жизни. Возлюбить Бога требовалось, чтобы взойти в Царство Небесное. Все монашеское подвижничество было устремлено к конечной цели – достигнуть Горнего мира, вечного покоя.

На такое представление о конечной цели иноческого жития оказали ощутимое влияние русские эсхатологические настроения, усилившиеся в историческом контексте XIII–XV вв. Ордынское нашествие, материальное и духовное разорение Руси разжигало в людях ощущение «последних времён». Неудивительно, что монастырь, представляющий собой земной образ Небесного града Иерусалима, Царства Небесного, и, соответственно, иночество воспринимались как ограждение от грешного земного мира. Только в этом укрытии от мирских страстей средневековый человек видел возможность достигнуть вечного небесного покоя.

Как следствие иноческая самость слабо воспринималась монахом XIV–XV вв. в значении какого-либо преобразования внешнего мира. Инок не стремился к какому-либо созиданию во внешнем мире, к преобразованию природы. Он стремился к преобразованию внутреннего мира. Отсюда ключом к достижению иноком Царства Небесного представляются «добрые дела», к которым, относятся, прежде всего, такие аскетические практики, как ручной труд и воздержание в пище, то есть пост. Поэтому инок был не только молитвенником: монашеское подвижничество воспринималось ещё и как постничество, и как трудничество.

Но крайности аскезы, жестокое самоограничение не привлекали русское монашество. Более того, в иноческой самости присутствовала свобода воли. Монашеская традиция, заложенная преподобным Сергием Радонежским, основана на духе внутренней свободы. Она воплощает идеал соборности, который не умаляет свободу личности. Таким образом,

¹ Прохоров Г. М. Поучение ко ученику «Кирилла Белозерска чудотворца»... С. 17.

² № 2. О подвизе иночьскаго жития... С. 124.

монашеское подвижничество отождествлялось со свободным произволением. Инок мог поступать согласно своей воле. Главное, чтобы он не допускал в своём

подвижничестве крайностей, которые могут быть не угодны Богу.

Статья поступила в редакцию 20.01.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Аварьяскина Т. В. Духовное влияние Византии на формирование плачевых традиций России // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 28. С. 83–89.
2. Алексеев А. И. Церковь и государство на Руси в XV – начале XVI вв.: автореф. дисс. ... к. ист. н. СПб., 1998. 19 с.
3. Бедаев А. И. Идея Святой Руси в русской средневековой культуре: дис. ... к. ист. н. Астрахань, 2017. 186 с.
4. Борисов Н. С. Сергей Радонежский. М. : Мол. гвардия, 2002. 298 с.
5. Григорий (еп. Нисский). Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М. : Тип. В. Готье, 1861. 470 с.
6. Ключевский В. О. Значение преп. Сергия Радонежского для русского народа и государства // Жизнь и Житие Сергия Радонежского: сборник. М. : Сов. Россия, 1991. С. 259–272.
7. Коваль Т. Б. Православная этика труда // Мир России. Социология. Этнология. 1994. Т. 3. № 2. С. 54–96.
8. Кривцов Д. Ю. Значение общежительных монастырей для формирования нравственно-этических основ Великорусской нации в период образования централизованного государства (XIV–XV веков): автореф. дисс. ... к. ист. н. Н. Новгород, 1994. 24 с.
9. Лукьяненко А. А. Философская рефлексия диалектики исихазма и славянской мистерии в качестве сакрального ядра древнерусской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (65). Ч. 2. С. 102–105.
10. Маркарян Д. А. Отношение к собственности в монашеской традиции Запада и Востока в средние века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 2/1. С. 97–105.
11. Моргачева А. В. Русская культура: влияние монашества на формирование ее универсалий: дисс. ... к. филос. н. Р. н/Д., 2011. 179 с.
12. Некита А. Г. Архетипы «Матери» и «Самости»: иноческая модель сакрализации природы Новгородской земли // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 4 (87). Ч. 1. С. 116–119.
13. Нижников С. А. Исихазм в истории христианства на Руси. Часть I // Пространство и Время. 2017. № 1 (27). С. 160–173.
14. Нижников С. А. Исихазм в истории христианства на Руси. Часть II // Пространство и Время. 2017. № 2–4 (28–30). С. 182–191.
15. Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М. : Молодая гвардия, 2002. 329 с.
16. Скабалланович М. Н. Толковый типикон: объяснительное изложение Типикона с историческим введением. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 814 с.
17. Ураков С. А. Проблема человека в древнерусской литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (79). С. 167–171.
18. Федотов Г. П. Преп. Сергей Радонежский // Жизнь и Житие Сергия Радонежского: сборник. М. : Сов. Россия, 1991. С. 247–258.
19. Федотов Г. П. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 8. М. : Мартис, 2000. 268 с.
20. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.

REFERENCES

1. Avaryaskina T. V. [Spiritual influence of Byzantium on the formation of the lament traditions of Russia]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2008, no. 28, pp. 83–89.

2. Alekseev A. I. *Cerkov' i gosudarstvo na Rusi v XV – nachale XVI vv.: avtoref. diss. ... k. ist. n.* [Church and State in Russia in the 15th – early 16th centuries: abstract of PhD thesis in Historical sciences] St. Petersburg, 1998. 19 p.
3. Bedaev A. I. *Ideya Svyatoy Rusi v russkoj srednevekovoj kul'ture: diss. ... k. ist. n.* [The Idea of Holy Russia in Russian Medieval Culture: PhD thesis in Historical sciences] Astrahan, 2017. 186 p.
4. Borisov N. S. *Sergij Radonezhskij* [Sergius of Radonezh]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2002. 298 p.
5. Gregory of Nissa. *Tvoreniya svyatogo Grigoriya Nisskogo. Ch. 1* [The Creations of Gregory of Nissa. Vol. 1]. Moscow, V. Gotye Publ., 1861. 470 p.
6. Klyuchevskij V. O. [The Meaning of Sergius of Radonezh for Russian Society and State]. In: *Zhizn' i Zhitie Sergiya Radonezhskogo: sbornik* [Life and Being of Sergius of Radonezh: Collection of Articles], Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1991, pp. 259–272.
7. Koval' T. B. [Orthodox Labor Ethics]. In: *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 1994, vol. 3, no. 2, pp. 54–96.
8. Krivcov D. Yu. *Znachenie obshchezhitel'nyh monastirej dlya formirovaniya npravstvenno-eticheskikh osnov Velikorusskoj nacii v period obrazovaniya centralizovannogo gosudarstva (XIV–XV vekov): avtoref. diss. ... k. ist. n.* [The Importance of Communal Monasteries for the Formation of the Russian Nation Moral and Ethical Foundations during the Formation of a Centralized State (14th–15th Centuries): abstract of PhD thesis in Historical sciences]. Nizhniy Novgorod, 1994. 24 p.
9. Luk'yanenko A. A. [Philosophical Reflection of the Dialectic of Hesychasm and Slavic Mystery as the Sacred Core of Old Russian Culture]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], 2016, no. 3 (65), vol. 2, pp. 102–105.
10. Markaryan D. A. [The Attitude to Property in the Monastic Tradition of the West and the East in the Middle Ages]. In: *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Socio-educational Thought], 2018, vol. 10, no. 2/1, pp. 97–105.
11. Morgacheva A. V. *Russkaya kul'tura: vliyanie monashestva na formirovanie eyo universalij: diss. ... k. filos. n.* [Russian Culture: The Influence of Monasticism on the Formation of its Universals]. Rostov-on-Don, 2011. 179 p.
12. Nekita A. G. [Archetypes of “Mother” and “Self”: Monastic Model of Sacralization of the Novgorod Land Nature]. In: *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novgorod State University], 2015, no. 4 (87), vol. 1, pp. 116–119.
13. Nizhnikov S. A. [Hesychasm in the history of Christianity in Russia. Part I]. In: *Prostranstvo i Vremya* [Space and Time], 2017, no. 1 (27), pp. 160–173.
14. Nizhnikov S. A. [Hesychasm in the history of Christianity in Russia. Part II]. In: *Prostranstvo i Vremya* [Space and Time], 2017, № 2–4 (28–30), pp. 182–191.
15. Romanenko E. V. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo srednevekovogo monastyrya* [Everyday Life of a Russian Medieval Monastery]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2002. 329 p.
16. Skaballanovich M. N. *Tolkovyy tipikon: obyasnitel'noe izlozhenie Tipikona s istoricheskim vvedeniem* [Explanatory Typicon: An explanatory exposition of the Typicon with an history introduction]. Moscow, Sretenskiy monastyr's Publ., 2016. 814 p.
17. Urakov S. A. [The Human Problem in Ancient Russian Literature]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], 2017, no. 5 (79), pp. 167–171.
18. Fedotov G. P. [Sergius of Radonezh]. In: *Zhizn' i Zhitie Sergiya Radonezhskogo: sbornik* [Life and Being of Sergius of Radonezh: Collection of Articles], Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1991, pp. 247–258.
19. Fedotov G. P. *Sobranie sochinenij. V 12 t. T. 8.* [Collection of Essays. In 12 vol. Vol 8]. Moscow, Martis Publ., 2000. 268 p.
20. Florovskij G. V. *Puti russkogo bogosloviya* [The Paths of Russian Theology]. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 2009. 848 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мишин Иван Олегович – соискатель кафедры истории России средневековья и раннего нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, ведущий специалист Государственного архива РФ, преподаватель Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

e-mail: i.o.mishin@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan O. Mishin – External Postgraduate Student, Department of Russian history of the Middle Ages and the early modern period, Faculty of Archives of Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; Leading specialist of the State Archive of the Russian Federation; Lecturer of the National Research University, Higher School of Economics, School of History;

e-mail: i.o.mishin@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мишин И. О. Представление русского инока XIV–XV вв. об иночестве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 80–90.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-80-90

FOR CITATION

Mishin I. O. Beliefs of a Russian Enoch of the 14TH–15TH Centuries About Monasticism. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 80–90.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-80-90

УДК 339.3:94(47)

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-91-101

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ В РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ I¹

Захаров В. Н.*Институт российской истории РАН**117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление основных тенденций и уровня развития внутренней торговли в России в период правления Петра I в связи с проводившимися тогда в стране преобразованиями.

Процедура и методы исследования. Проведено обобщение имеющихся данных в отечественной и зарубежной литературе второй половины XX и начала XXI в., созданных на основе изучения массовых источников. При этом использовались историко-системный, историко-типологический, статистический методы.

Результаты исследования. На основе проведённого исследования можно сделать вывод, что в правление Петра I происходило формирование региональных рынков, распространение ярмарок, расширялся социальный состав участников торговли, но каких-либо качественных и значительных перемен в данной области экономики не произошло.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование позволяет получить общее представление об уровне развития товарно-денежных отношений в России в итоге преобразований Петра I.

Ключевые слова: внутренняя торговля, ярмарки, торговые крестьяне, региональный рынок, Петр I, внутренний рынок, товарно-денежные отношения

DOMESTIC TRADE IN RUSSIA UNDER PETER THE GREAT

V. Zakharov*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences**19, Dmitry Ulyanov ul., Moscow 117292, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the main trends and the development of the domestic trade in Russia during Peter's reign in the context of reforms carried out during this period.

Methodology. The available data from national and foreign literature sources published in the second half of the 20th century and the beginning of the 21st century were reviewed. The analysis was conducted using the historical systemic, historical typological and statistical methods.

Results. It can be concluded that Peter the Great's reign was marked by the development of regional markets, spread of trade fairs and diversification of the social range of trade participants. However, no significant changes in this field of economy were observed.

Research implications. The conducted research sheds light on the level of commodity–money exchange development as a result of Peter the Great's reforms.

Keywords: domestic trade, trade fairs, trading peasants, regional market, Peter the Great, internal market, commodity–money exchange

© CC BY Захаров В. Н., 2020.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации / The article is part of the project at Institute of Russian history, Russian academy of sciences, aiming at writing a comprehensive academic work "History of Russia from the ancient times to our days". Published for approbation.

Введение

Преобразования Петра I наиболее очевидно проявились в сферах политики, идеологии, культуры и быта. Если говорить об экономике, то на первый план выходят серьёзные успехи в развитии крупной промышленности, строительство множества заводов и мануфактур. Значимые усилия государство предпринимало и для развития транспортной инфраструктуры. Определённая политика и стратегия прослеживаются в области торговли, но прежде всего – торговли внешней. А что остается на долю торговли внутренней? Складывается впечатление, что внутренняя торговля не стала предметом специального внимания правительства, полем существенной преобразовательной деятельности. Это отразилось и в историографии темы. В значимых трудах по истории внутренней торговли России Петровская эпоха практически не выделяется в качестве отдельного периода. Хотя и таковых работ, вышедших во второй половине XX в. и начале XXI в., относительно немного. Среди них можно отметить несколько монографических исследований, основное внимание в которых уделяется изучению ассортимента товаров, торговых связей в пределах российского рынка [6; 11; 16]. Петровская эпоха находится внутри хронологических рамок и специально не рассматривается. То же можно сказать и в отношении серии работ, возникших в ходе знаменитой дискуссии второй половины XX в., о так называемом «новом периоде» российской истории. Вопрос об уровне развития российского рынка в этой дискуссии был весьма важен. Многие участники дискуссии полагали, что в России уже в XVII в. формировался или начал формироваться единый всероссийский рынок. Одним из основных его критериев считалось наличие устойчивых торговых связей в масштабах всей страны, а также деятельность крупных купцов в качестве организаторов этого процесса,

что свидетельствовало о зарождении капиталистических отношений [1]. Но какие-либо особые черты этого процесса в Петровскую эпоху специально не отмечаются. Если и признавали наличие этих явлений, то не считали их проявлением капитализма, полагая, что они были характерны для простого воспроизводства как до Петра I, так и в петровское время, и после [7, 12]. Таким образом, участники дискуссии, независимо от своей позиции, не видели каких-либо качественных перемен, происходивших в развитии внутреннего российского рынка в первой четверти XVIII в.

Вместе с тем всё, что происходило в стране при Петре I, не могло не повлиять на состояние внутренней торговли. Большое значение приобретают вопросы развития инфраструктуры торговли, её инструментов, состава участников, политики правительства, которые большей частью оставались за пределами внимания участников дискуссии о «новом периоде», но стали предметом конкретных исследований, основанных на изучении обширного конкретного материала, появившихся в последние десятилетия XX в. [3; 4; 9; 13].

Поэтому в настоящей статье ставится задача выявить основные тенденции и уровень развития внутренней торговли и внутреннего рынка в эпоху Петра I на фоне и в связи с его преобразованиями, опираясь на имеющиеся конкретные данные.

Общие условия развития торговли

Если исходить из общего направления социальной и экономической политики правительства Петра I, можно предполагать, что условия для развития торговли должны быть благоприятными. Этому способствовала и общая атмосфера реформ с их апологией новизны, активным строительством, перемещениями населения, переменами в быту, их рациональная философия, нацеленная на увеличение всевозможной прибыли. Петр I неоднократно заявлял о большой роли торговли

как внутренней, так и внешней, в обеспечении государственных потребностей и нужд жителей страны необходимыми товарами и продуктами, видел в торговле важное средство роста благосостояния подданных. Активизация внешней торговли, развитие её экспортной составляющей также не могли не стимулировать соответствующие товаропотоки на внутреннем рынке.

Правительство оказывало и реальную поддержку развитию инфраструктуры торговли: строились дороги и каналы, сооружались гостиные двory в городах, поощрялось повсеместное развитие ярмарок, которые всё в большей степени становились одной из основных форм организации торговли на внутреннем рынке.

Поддерживая в целом торговую активность подданных, правительство в соответствии с общим духом реформ стремилось подвергнуть её регламентации. Это, с одной стороны, способствовало совершенствованию и модернизации различных сфер торговой деятельности, с другой стороны, усиливало контроль со стороны государства. В 1701 г. были учреждены крепостные конторы, где в определенном порядке должны были регистрироваться разнообразные сделки, в том числе по подрядам, предоставлению в долг денег и товаров, что имело к торговле самое непосредственное отношение. Сохранившиеся крепостные книги позволяют судить, насколько широко кредитные отношения проникли в сферу торговли. Аналогичная картина возникает и на основе знакомства со Сказками торговых людей 1704 г. Сохранились и опубликованы сказки купцов гостиной сотни, не проживавших в Москве. В большинстве из них имеются сведения о долгах, связанных с торговлей. Типичной, например, является сказка ярославцев Ильи и Ивана Лузиных. Они были и кредиторами, и задолжниками. 11 их торговых партнеров из Ярославля и окрестностей, от купца гостиной сотни Максима Затрапезнова до крестьянина

села Череповец Фрола Никитина, задолжали им 293 рубля. В свою очередь Лузины должны были 4400 рублей, в основном иностранным купцам, с которыми они имели контакты в Архангельске¹. И по многим другим сказкам видно, насколько кредитные отношения буквально пронизывают взаимоотношения торговых людей самого разного уровня. Высокий уровень закредитованности коммерческой деятельности русского купечества, конечно, может быть свидетельством наличия определённых проблем и сложностей. Но нельзя отрицать, что активное использование кредита в сфере торговле способствовало ускорению товарооборота, говорило о значительном развитии этой важной составляющей инфраструктуры торговли в период правления Петра I.

С целью содействия развитию торговли и её модернизации создавались новые органы власти, в том числе и в рамках коллежской реформы. Поскольку в ходе уточнения компетенции создаваемых учреждений за Коммерц-коллегией оставалась преимущественно внешняя торговля, внутренний товарооборот так или иначе оказывался под контролем Главного магистрата и подведомственных ему органов в городах. В его Регламенте имеется всего три главы по регламентации торговли. Одной из них является статья о ярмарках². Тем самым правительство признаёт важную роль этой формы организации товарооборота как на местном уровне, так и во всероссийском масштабе. Подчёркивается, что это важно как для приумножения казенных сборов, так и для «народного довольства». Примечательны следующие две главы: о биржах и о маклерах³. В данном случае речь идет о принципиально новых формах организации торговли. Но, в отличие от ярмарок, ни биржи, ни деятельность маклеров не

¹ «Сказки» торговых людей о торгах и промыслах 1704 г. / сост. Е. И. Заозерская. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. Т. 1. С. 108.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. 6. С. 300.

³ ПСЗ. Т. 6. С. 301.

получили тогда в России существенного распространения. Биржа в самом элементарном виде возникла только в Петербурге, связана она была главным образом с внешней торговлей. Поэтому можно заключить, что в отношении разного рода новаций в организации коммерческой деятельности при Петре I делались только самые первые шаги. Появлялись законы и регламенты, но до широкого внедрения дело еще не доходило. Другое дело – ярмарки, уже сформировавшаяся и реально существующая в стране форма торговли, а также привычные заемные и подрядные сделки, фиксируемые в крепостных конторах с первых лет XVIII в.

О влиянии политики правительства и обстановки в стране на развитие торговли в стране можно судить на основании данных о товарообороте Макарьевской ярмарки, крупнейшей в России в то время. В 1700 г. на ярмарке было собрано 12,6 тыс. руб. таможенных пошлин, затем в течение ряда лет имеет место определённый спад (в 1708 г. – 7,2 тыс. руб.), затем сбор пошлин несколько возрастает, до 12–13 тыс. руб. в год. В 1723–1725 гг., уже после войны, сбор достигает в среднем 14 тыс. в год [6, с. 119]. И это при определённом росте цен и ужесточении таможенного контроля. С одной стороны, можно констатировать достаточную устойчивость и стабильность торговых связей внутри страны. С другой стороны, в течение четверти века, когда в стране происходили глубокие реформы, товарооборот остался на прежнем уровне. Видимо, в этом сказались воздействие целого ряда противоречивых факторов. Военное время, как известно, никак не способствует росту товарооборота на внутреннем рынке. Отмеченное выше падение к 1708 г. связано с пребыванием шведских войск на Украине, с которой и до, и после имел место оживлённый товарооборот.

Но дело не только в нарушении коммуникаций, близости театра военных действий. Война вызывала напряжение

всех сил, правительство было вынуждено мобилизовать все возможные средства, прежде всего в сфере налогов и пошлин, что непосредственно касалось торговли. Как и прежде, на всей территории страны действовали внутренние торговые пошлины, существовали таможенные заставы. Это затрудняло товарооборот, лишало торгующих части прибыли. Кроме того, острая нужда правительства в средствах пополнения казны привела к появлению в начале XVIII в. целого ряда сборов, непосредственно касавшихся торговых операций. Это представляло определённый шаг назад по сравнению с политикой царя Алексея Михайловича, правительство которого в середине XVII в. провело унификацию внутренних таможенных сборов, упразднив многие мелкие пошлины. Наиболее урожайными на введение новых налогов, коснувшихся торговли, оказались 1704 г. и 1705 г., когда активно действовали так называемые «прибыльщики». В 1704 г. был введён сбор с возов и с пристаней, куда причаливали суда с товарами. В 1705 г. специальный налог по 16 алтын 4 деньги (то есть – полтинник) в год был введён в отношении лавочных торговцев, а с тех, кто торговал вразнос – 7 алтын 4 деньги (30 копеек). В том же году вводился специальный весовой сбор – за подъём товара на весы по деньге с пуда, а с соли и пеньки – по 2 деньги с 10 пудов. С 1705 г. по 1714 г. существовали так называемые «новоуравнительные пошлины», обременявшие внутреннюю торговлю. Её платили с товаров, зафиксированных в покупке в определённой местности, но не отмеченных в вывозе за пределы региона, очевидно, распроданных в розницу здесь же¹. Эти сборы касались в значительной мере торговли в средних и мелких масштабах. Подобные сборы вводились даже на завершающем этапе Северной войны. В 1718 г. был учреждён «поворотный» сбор со всяких возов, въезжавших в Москву. Эта пошлина, как и другие аналогич-

¹ ПСЗ. Т. 4. С. 290, 300, 313, 330–331.

ные сборы, сдерживала провоз товаров, что вызывало недовольство купечества [9, с. 276–277]. В 1720-х гг. торговые люди обращались с просьбами об отмене этих дополнительных поборов, хотя против взимания собственно внутренних торговых пошлин они ещё не возражали [9, с. 276].

Казна на внутреннем рынке

Ещё одним средством пополнить доходы казны за счёт торговли было непосредственное внедрение государства в эту сферу деятельности в качестве её активного субъекта. Торговая активность казны была весьма обычным явлением и в допетровскую эпоху.

Во время правления Петра I она ещё больше расширилась. Казна ориентировалась главным образом на товары, ценные для продажи на внешнем рынке. Но мобилизация продукции для экспорта происходила на внутреннем рынке, поэтому подобная деятельность влияла и на эту сферу экономики страны. В правление Петра I государство объявляло монополию на целый ряд товаров, скупка которых поручалась либо агентам казны, либо кому-либо из русских купцов на условиях откупа. В широких масштабах велась скупка юфти. В 1705 г. Ижерской канцелярией она была поручена группе купцов во главе с С. Щеголиным. Ими в Москве и в других городах было закуплено до 30 тыс. пудов этого ценного товара для отправки за море. В 1716 г. по поручению Сената юфть для казны скупал видный казанский купец И. Микляев [8, с. 275–276, 279–280]. С одной стороны, эта операция соответствовала интересам производителей и продавцов юфти, поскольку в лице государства на рынке появился сильный покупатель, и, казалось бы, расширились возможности сбыта. Во многих случаях это действительно было так. Но в условиях определённой узости рынка перед казной стояла задача закупить необходимый товар в нужном количестве и на выгодных для государства

условиях. Это приводило к ограничениям деятельности многих торговцев. Так, в период скупки юфти И. Микляевым в Казани свободная торговля этим товаром была запрещена. Крайне важным товаром в то время была пенька. Основным районом её производства были уезды к юго-западу от Москвы. В 1702 г. Адмиралтейский приказ начал операцию по закупке пеньки, причем пока полномоченные приказом лица не закупят нужное её количество, торговые люди не имели права покупать её у производителей. Был определён регион, где действовал этот запрет: от Смоленска и Брянска до Калуги и Вязьмы. Этот порядок действовал в течение ряда последующих лет, причём регион, где он применялся, расширился [8, с. 285].

Активизация государства и его представителей в деятельности на внутреннем рынке связана и с проникновением в эту сферу иностранных купцов. Новоторговый устав 1667 г. и ряд других мер, принятых во второй половине XVII в., крайне затруднили операции иностранных купцов во внутренней торговле. Но в первом десятилетии XVIII в. правительство Петра I, заинтересованное в сотрудничестве с иностранными купцами по поставке из-за рубежа оружия, военного снаряжения, денежного металла, предоставляет отдельным из них привилегии, связанные с доступом на внутренний рынок. В первые годы XVIII в. действует контракт с английской компанией по продаже в России табака из американской колонии Виргиния. Табак продавался на внутреннем рынке, а в связи с этим агент компании Чарльз Гутфель организовывал скупку и вывоз пеньки в районах её производства. Голландцы Иван Любс и Христофор Брант получили право на скупку щетины, голландец Даниил Артман – мачтового леса [5, с. 153, 165, 167]. Но подобные явления сошли на нет к концу первого десятилетия XVIII в. К концу второго десятилетия прекратились и операции казны по скупке ценных

экспортных товаров. Положение русских торговых людей в этой значимой сфере внутренней торговли упрочилось.

Купцы и другие участники торговли

Что касается участников торговли, то, в зависимости от уровня и масштабов операций, её состав был достаточно разнообразным. В торговле на местном уровне, в городских лавках и сельских ярмарках принимали участие представители самых разных слоёв. В городах юга в лавочной торговле активное участие принимали служилые люди, стрельцы, казаки, на сельских ярмарках – местное крестьянство. Торговля была и основной формой деятельности значительной части посадских людей. Более того, они полагали, что занятие торговлей в городах должно быть их привилегией, и выступали против конкуренции со стороны других сословий. Эта же проблема встала и перед правительством Петра I. В целом оно считало возможным расширить доступ к торговле представителей разных слоёв. Уже в 1699 г. издается серия указов, в соответствии с которыми торгующие в городах крестьяне могли продолжать свою деятельность, но при условии, чтобы они несли тягло наравне с посадскими людьми¹. Издавая указ об учреждении Сената, Петр I в числе его первоочерёдных задач обозначил вопрос о позволении «всякому чину торговать». В ответ на это едва созданный Сенат уже 13 апреля 1711 г. определил, что людям всех чинов дозволяется свободная торговля при условии уплаты ими десятой деньги с их торгов². Из текста указа явствует, что многие лица, не принадлежавшие к купечеству, торговали и до этого, но зачастую записывали свои товары на чужое имя. Эта политика имела очевидные результаты. По данным В. Р. Тарловской, в 1713 г. в городе Москве 76 крестьян наняли лавки для торговли. Среди них не только крестьяне ближайших к столице крупных торговых сёл По-

кровского и Тайнинского, но и выходцы из многих уездов Центральной России (Серпуховского, Ярославского, Костромского, Суздальского, Ростовского и др.) [14, с. 119–120]. Посадские люди, как и прежде, считавшие торговый промысел своим преимущественным правом, стремились оградить себя от конкуренции. В 1717 г. от московского посада поступила в Сенат челобитная с просьбой запретить торговлю лицам, не записанным в посад. Составители челобитной таковых насчитали более тысячи человек, в том числе крестьян ближайших сёл Покровского и Тайнинского (296 торгующих), церковнослужителей (332), крестьян разных помещиков (892) и т. д. [4, с. 49].

По окончании Северной войны политика по отношению к участию в торговле людей из разных сословий вновь претерпела некоторое колебание. Правительство теперь большее внимание обратило на интересы купечества и посадских людей. Тем более, что крупные купцы все более настойчиво об этом заявляли. Четко сформулировал эти претензии наиболее известный идеолог купечества того времени И. Т. Посошков. Это связано с появлением среди центральных учреждений специального ведомства, обязанного заботиться о купцах и горожанах – Главного Магистрата, а также введением подушной подати, особенно тяжкой для посадских людей. Поэтому по докладу Главного Магистрата в 1723 г. вышел указ, который обязывал крестьян и прочих торгующих в городах записываться в посад, иначе их торговый промысел запрещался³.

Уровень торговых связей

Несмотря на объективные трудности военного времени и противоречия социальной и экономической политики правительства, внутренний рынок страны продолжал функционировать. Его основные связи, сложившиеся в предыдущей

¹ ПСЗ. Т. 3. С. 530–531, 671.

² ПСЗ. Т. 4. С. 663.

³ ПСЗ. Т. 7. С. 122.

период, в целом сохранялись. Они имели многоуровневый характер. Во-первых, можно говорить об устойчивости местных рынков, возникавших в рамках уезда или волости, обслуживавших местные потребности в продовольствии и ремесленных изделиях, во-вторых, имеют место развитие и постоянные контакты в пределах ряда регионов, в-третьих, существуют глобальные связи в рамках всей территории России, когда товары перемещаются на огромные расстояния с востока на запад или с юга на север и наоборот.

О Москве можно говорить не только как о крупнейшем торговом центре страны, но и как об узловом пункте регионального рынка, который включал ближнее и дальнее Подмоскovie. Этот рынок был ориентирован главным образом на снабжение столицы продовольствием и сырьём, а также на сбыт в близлежащих городах продукции московского ремесла. Например, лук в изобилии в Москву поступал из Вереи, рыба – из Коломны, яблоки – из Серпухова и той же Коломны [2, с. 87, 95, 96]. В перечне товаров, закупленных серпуховскими торговыми людьми в Москве в начале XVIII в., значатся сукна, иголки, пуговицы, сковороды, гребни и, наконец, «лавочная мелочь» [2, с. 88].

Значительную роль в развитии связей в пределах внутреннего рынка играла река Волга. На основании конкретных данных можно констатировать наличие в Поволжье в петровское время обширного регионального рынка. Торговые крестьяне Нижегородского уезда в качестве активных участников внутреннего товарооборота в конце XVII – начале XVIII вв. провели 659 торговых операций. Из них – 391 операция в городах Среднего и Нижнего Поволжья, 109 – в Ярославле и других местах выше по Волге. Таким образом, на долю Поволжья приходится 76% торговых сделок крестьян Нижегородского уезда. В Москве и Подмоскovie отмечается лишь 28 сделок, в Центральном Черноземье – 40, на северо-западе страны – 62 [13, с. 76–77]. Получается, что активно

действовавшие в Поволжье нижегородские торговые люди регулярно бывали в Ярославле и Астрахани, и гораздо реже – в Москве.

Классическим примером сформировавшегося регионального рынка является обширный район на севере, центром которого стала Важская Благовещенская ярмарка. Данные таможенной книги ярмарки за 1725 г. свидетельствуют, что ареал её регулярных связей простирался от Архангельска до Вологды и Галича, от Олонецкого уезда и Каргополя до Устья Великого. Из Москвы отмечается всего 8 явок из 255 [6, с. 272–273]. Нельзя не отметить в данный момент и определённой замкнутости связей столь крупной ярмарки в пределах Русского Севера. Очевидно, это связано с мерами правительства по ограничению торговли Архангельска в пользу Петербурга, что повлияло на интенсивность и географию торговых контактов в данном регионе.

Региональный рынок развивается и к югу от Москвы, на территориях Черноземья и бассейна Дона. Этот процесс активизируется в конце XVII – начале XVIII в. в связи со строительством здесь флота, привлечением множества людей как военных, так и невоенных. Значительным центром подобной активности становится Воронеж, где были сосредоточены верфи для строительства судов, предназначенных для борьбы с Турцией. Сюда нередко прибывал царь с многочисленной свитой. В результате в Воронеж зачастую купцы из центральных районов России, которые везли сюда одежду и обувь, а также железо и изделия из него, инструменты и прочее. В ответ закупали продукцию края – мёд, воск, продукцию сельского хозяйства [10, с. 92]. Определяется специфика внутренней торговли региона. Как отмечается в обстоятельном исследовании Ю. А. Мизиса, практически повсеместно на городских рынках и сельских торгах Черноземного центра преобладают операции по продаже товаров над покупкой. Доминируют сделки по

скупке товаров местных промыслов: кож, воска, мёда, пеньки. В начале 20-х гг. важное значение среди этих товаров начинает приобретать хлеб. Сделки по покупке пока отстают в силу недостаточного ещё спроса на привозимые из центра страны изделия и потребительские товары в развивающихся городах юга [11, с. 525].

Если говорить о влиянии преобразований Петра I на конфигурацию или географию связей на внутреннем рынке страны, то наиболее существенным следует считать образование Санкт-Петербурга. Возникновение новой столицы привело к появлению новых направлений товаропотоков. Это было связано не только с потребностями быстро растущего города в продовольствии, сырье, стройматериалах, но и в том, что Петербург должен был стать ведущим внешнеторговым портом России. В допетровскую эпоху важным центром торговли на северо-западе страны оставался Новгород. Через него шла и мобилизация товаров для экспорта в северо-западном направлении. Теперь, особенно с 1720-х гг., в связи с сооружением Вышневолоцкой водной системы и завершением Северной войны роль важнейшего торгового пункта в данном регионе переходит к Петербургу. При этом товаропоток движется преимущественно в одном направлении – от центра страны к Петербургу. В этом направлении движется всё необходимое для обустройства новой столицы и товары, предназначенные на экспорт. В обратную сторону мало что могло быть отправлено: в строящемся городе ещё ничего нужного для всей страны не производилось, а поступавшие из-за моря импортные товары также большей частью предназначались для употребления в столице.

Имеющиеся в литературе данные свидетельствуют о возрастании роли ярмарок, причём всех видов и уровней. Даже в сравнительно новом для развития торговли регионе Юга к началу XVIII в. формируется и далее развивается множество сельских ярмарок. О значении

региональных ярмарок, типа Важской, уже говорилось. Наконец, исследования Б. Б. Кафенгауза и других авторов показывают рост крупнейших ярмарок, связи которых простирались далеко за пределы региона. Прежде всего это Макарьевская ярмарка, значение которой как центра торговли сопоставимо с ролью Москвы, а также сеть ярмарок на юго-западных рубежах, которые обеспечивали товарообмен с Украиной.

Несмотря на существенные перемены в политической и экономической географии страны, связанные со строительством новой столицы, созданием губерний, перемещением торговли с Западной Европой на Балтику, Москва сохраняла своё значение центра внутреннего рынка страны, её связи со всеми регионами, сложившиеся в предыдущую эпоху, развивались и укреплялись. Мощный поток товаров шел из Сибири. Только за три месяца 1726 г. он составил солидную сумму в 130 тыс. руб. Среди товаров были не только китайские, но и пушнина, металл, пермская (камская) соль. Пункты, откуда двигались грузы, – практически все значимые города Сибири, от Тобольска до Иркутска. Ещё один мощный поток товаров направлялся в Москву из Нижнего Поволжья, Яика. И в основном это была рыба осетровых пород. Аналогичным был поток товаров, проходивший через Макарьевскую ярмарку.

Перемещение этих товаров на громадные расстояния по всей стране в XVIII в. вряд ли может быть свидетельством качественных изменений в состоянии внутреннего рынка. В данном случае мы имеем дело с доставкой по стране (прежде всего – в столицу) продуктов, традиционно происходивших из определённой местности в силу природно-географических причин. Это пушнина, соль, рыба осетровых пород и т. п. В этот же поток вливаются и товары из сферы внешней торговли, которые продвигаются теми же путями по территории России. Подобного рода перемещения товаров имели место и

в допетровское время, и в период средневековья, не образуя какого-либо нового явления для эпохи Петровских реформ.

Качественные перемены в развитии внутреннего рынка в направлении углубления связей, очевидно, зависят от уровня товарного производства и интенсификации обмена его продукцией. Существенным критерием такого рода является рынок важнейшего продукта, а именно хлеба. Нужно отметить, что в Петровскую эпоху зерно все в большей степени становится предметом местного и регионального оборота. Так, Русский Север традиционно получает хлеб из южных районов Подвинья и Вятской земли. В Великий Новгород зерно поступает из центра страны, как когда-то из Владимиро-Суздальской земли. Перемены связаны с развитием территорий к югу от Оки и строительством Санкт-Петербурга. В чернозёмных областях активизируется торговля хлебом на востоке региона, что отмечается в таможенных записях Козлова и Тамбова. Здесь формируются предпосылки становления этого района в качестве источника поставки хлеба в центр и на север страны в дальнейшем в течение XVIII в. Более развитым был аграрный рынок в западной части так называемого Черноземного центра, а именно по верхней Оке, с центром в Орле. Отсюда хлеб поступал в Центральную Россию, а по мере развития Петербурга – далее, на берега Невы. Учитывая значение этого товаропотока для снабжения новой столицы (хлебом, прежде всего), по инициативе Петра I был организован новый вариант коммуникации, а именно с бассейна Оки на Вазузу, крупный приток Волги в её верхнем течении. Зерно должно было доставляться к вновь созданной Гжатской пристани, на реке Гжать, притоке Вазузы [15, р. 166].

Заключение

При всех сложностях военного времени и необходимости мобилизации ресурсов на нужды государства в условиях

петровских реформ в стране сохранялись возможности для активной деятельности в разных сферах хозяйства, в том числе в торговле. Это способствовало дальнейшему развитию товарооборота, формированию обширных региональных рынков, устойчивой деятельности ярмарок, расширению торговли на юге страны и становления Петербурга как нового крупного центра торговли.

Правительство содействовало внедрению новых форм организации товарообмена, содействовало привлечению к этой деятельности представителей различного социального статуса. Заметной стала роль торговых крестьян, в том числе и в отъезде на торге в значительных масштабах, где они выступили конкурентами крупного купечества. Но в целом правительство поддержало стремление русских купцов упрочить их гегемонию на внутреннем рынке. Торговые крестьяне могли вести операции в городах при условии выполнения ими тягловых обязанностей купечества, а деятельность казны и иностранных купцов на внутреннем рынке к началу 20-х гг. XVIII в. существенно сократилась.

Каких-либо принципиально новых явлений в развитии внутреннего товарооборота не наблюдается. Можно говорить о совершенствовании инфраструктуры торговли, содействия правительства этому модернизационному процессу. Несмотря на это, в течение почти двух десятилетий в начале XVIII в. торговля развивалась в довольно сложных условиях войны и государственного гнёта. Но к началу 20-х гг. влияние этих факторов либо ослабло, либо исчезло, что открыло больше возможностей для развития рынка с точки зрения его географии и масштабов, а также модернизации инфраструктуры.

Статья поступила в редакцию 22.05.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М. : Мысль, 1980. 344 с.
2. Голикова Н. Б. Торговые связи городов Подмоскovie в конце XVII – начале XVIII в. // Русский город : историко-методологический сборник. М. : Изд-во Московского университета, 1976. С. 70–104.
3. Голикова Н. Б. Кредит и его роль в деятельности русского купечества в начале XVIII в. // Русский город : исследования и материалы. Вып. 2. М. : Изд-во Московского университета, 1979. С. 161–197.
4. Голикова Н. Б. К вопросу о составе русского купечества во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. // Русский город : Проблемы горообразование. Вып. 3. М. : Изд-во Московского университета, 1980. С. 37–65.
5. Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М.: РОССПЭН, 1996. 346 с.
6. Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (По материалам внутренних таможен). М. : Изд-во АН СССР, 1958. 355 с.
7. Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XIX века. Опыт количественного анализа. М. : Наука, 1974. 399 с.
8. Козинцева Р. И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. Т. 91. М., 1973. С. 267–337.
9. Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. (20-е – начало 60-х годов). М.: Археографический центр, 1999. 384 с.
10. Мизис Ю. А. Внутренние торговые связи между городами Центрального Черноземья в XVII – начале XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XIX вв. : сборник материалов Второй международной научной конференции. Курск : Курский государственный университет, 2009. С. 90–92.
11. Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов : Юлис, 2006. 816 с.
12. Орлов А. С. Вопросы социально-экономической истории в книге «Эволюция феодализма в России» // История СССР. 1982. № 3. С. 149–161.
13. Тарловская В. Р. Торговля России периода позднего феодализма. (Торговые крестьяне во второй половине XVII – XVIII вв.). М. : Изд-во Московского университета, 1988. 158 с.
14. Тарловская В. Р. Торговые крестьяне как категория городского населения (конец XVII – начало XVIII в. // Русский город : Исследования и материалы. Вып. 8. М., 1986. С. 119–120.
15. Jones R. E. Bread upon the Waters. The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2013. 298 p.
16. Kahan A. The Plow, the Hammer and the Knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago; London: University of Chicago Press, 1985. 399 p.

REFERENCES

1. Buganov V. I., Preobrazhenskij A. A., Tihonov Yu. A. *Evoljucija feodalizma v Rossii. Social'no-ekonomicheskie problemy* [The evolution of feudalism in Russia. Socio-economic problems.]. Moscow, Mysl' Publ, 1980. 344 p.
2. Golikova N. B. [Trade relations of the cities of the Moscow region in the late 17th – early 18th centuries]. In: *Russkij gorod : istoriko-metodologičeskij sbornik* [Russian city: historical and methodological collection of articles]. Moscow, Moscow University Publ., 1976, pp. 70–104.
3. Golikova N. B. [Credit and its role in the activities of Russian merchants at the beginning of the 18th century]. In: *Russkij gorod: issledovaniya i materialy. Vyp. 2* [Russian city: historical and methodological collection of articles. Vol. 2]. Moscow, Moscow University Publ., 1979, pp. 161–197.
4. Golikova N. B. [Russian merchants: the composition of the group in the second half of the 17 – the first quarter of the 18 century]. In: *Russkij gorod: Problemy gorodooobrazovaniya. Vyp. 3* [Russian city: Problems of city formation. Vol. 3]. Moscow, Moscow University Publ., 1980, pp. 37–65.
5. Zakharov V N. *Zapadnoevropejskie kupcy v Rossii. Epoha Petra I* [Western European merchants in Russia. The era of Peter the Great]. Moscow, Russian political encyclopedia Publ., 1996. 346 p.

6. Kafengauz B. B. *Ocherki vnutrennego rynka Rossii pervoj poloviny XVIII veka (Po materialam vnutrennih tamozhen)* [Essays on the internal market of Russia in the first half of the 18th century (Based on materials from internal customs)]. Moscow, The USSR Academy of Sciences Publ., 1958. 355 p.
7. Koval'chenko I. D., Milov L. V. *Vserossijskij agrarnyj rynek XVIII – nachala XIX veka. Opyt kolichestvennogo analiza* [All-Russian agrarian market of the 18th – early 19th centuries. Quantitative Analysis]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 399 p.
8. Kozinceva R. I. [Role of the Treasury in Russia's foreign trade in the first quarter of the 18th century]. In: *Istoricheskie zapiski. T. 91* [Historical Notes. Vol. 91]. Moscow, 1973, pp. 267–337.
9. Kozlova N. V. *Rossijskij absolyutizm i kupechestvo v XVIII veke. (20-e – nachalo 60-h godov)* [Russian absolutism and merchants in the 18th century. (20^e – early 60^s)]. Moscow, Archaeographic center Publ., 1999. 384 p.
10. Mizis Yu. A. [Internal trade relations between the cities of the Central Black Soil Region in the 17th – early 18th centuries]. In: *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.: sbornik materialov Vtoroj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Trade, merchants and customs in Russia in the 16th–19th centuries : Proceedings of the Second International Scientific Conference]. Kursk, Kursk State University Publ., 2009, pp. 90–92.
11. Mizis Yu. A. *Formirovanie rynka Central'nogo Chernozem'ya vo vtoroj polovine XVII – pervoj polovine XVIII vv.* [Formation of the market of the Central Black Soil Region in the second half of the 17th – first half of the 18th centuries]. Tambov, Yulis Publ., 2006, 816 p.
12. Orlov A. S. Questions of socio-economic history in the book “Evolution of feudalism in Russia”. In: *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1982, no 3, pp. 149 – 161.
13. Tarlovskaya V. R. *Torgovlya Rossii perioda pozdnego feodalizma. (Torgovye krest'yane vo vtoroj polovine XVII – XVIII vv.)* [Trade of Russia in the period of late feudalism (Commercial peasants in the second half of the 17th–18th centuries)]. Moscow, Moscow University Publ., 1988. 158 p.
14. Tarlovskaya V. R. Merchant peasants as a category of the urban population (late 17th – early 18th centuries). In: *Russkij gorod : Issledovaniya i materialy. Vyp. 8.* [Russian city: Research and materials. Vol. 8]. Moscow, 1986, pp. 119–120.
15. Jones R. E. *Bread upon the Waters. The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811.* Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2013. 298 p.
16. Kahan A. *The Plow, the Hammer and the Knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia.* Chicago; London, University of Chicago Press, 1985. 399 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Захаров Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института российской истории РАН по научной работе;
e-mail: v.zakharov@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victor N. Zakharov – Dr. Sci. (History), Professor, Deputy Director on scientific work, The Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences;
e-mail: v.zakharov@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Захаров В. Н. Внутренняя торговля в России при Петре I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 91–101.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-91-101

FOR CITATION

Zakharov V. Domestic Trade in Russia Under Peter the Great. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 91–101.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-91-101

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-102-114

ПОХОДНЫЕ КАНЦЕЛЯРИИ И ПЕРЕЕЗД ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В ПЕТЕРБУРГ

Севостьянов А. С.*Музейное объединение Музеи наукограда Королёв**141080, Московская область, г. Королёв, ул. Ильича, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить этапы становления Посольской походной канцелярии и преобразований, происходивших в Посольском приказе в правление Петра I.

Процедура и методы. Проанализированы различные категории документов Посольского приказа и других ведомств государства, отражающих этот процесс.

Результаты. Результатом исследования стало выявление этапов происхождения значимых для структуры изменений в Посольском приказе. В работе также отмечены факторы, которые обеспечили оперативность и слаженность процесса переезда штата Посольского приказа, его документации и казны из Москвы в Петербург в ситуации общей напряжённой внешнеполитической ситуации и шедшей с 1700 по 1721 гг. Северной войны.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается во введении в научный оборот новых данных о Посольской походной канцелярии, процессе переезда Посольского приказа в Петербург, обобщении имеющейся по данной проблеме сведений для понимания и изучения значимого в истории Внешнеполитического ведомства России периода.

Ключевые слова: Пётр I, Петербург, Северная война, Посольский приказ, Посольская походная канцелярия, переезд Посольского приказа

FIELD OFFICES AND RELOCATION OF THE EMBASSY ORDER TO ST. PETERSBURG

A. Sevostyanov*Museum Association Korolev's Museum of science**1, Il'icha ul., Korolev 141080, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the structural changes that took place in the main foreign Ministry of Russia – the Embassy order (Posolsky Prikaz) – at the beginning of the 18th century.

Methodology. Various documents issued by the Embassy order and other state departments concerned with the process under study were analyzed.

Results. The stages of significant changes in the structure of the Embassy order were revealed, along with the factors that ensured the efficiency and coherence of the process of moving the staff of the Embassy order, its archives and Treasury from Moscow to St. Petersburg in the context of tense international relations and the 1700–21 Northern war.

Research implications. The article presents new information about the field office of the Embassy order and its relocation to St. Petersburg. The available information on this problem was reviewed, thus elucidating the current understanding of this significant period in the history of the Russian Foreign Ministry.

Keywords: Peter the Great, Northern War, Embassy order, Embassy field office, relocation of the Embassy order to St. Petersburg

Введение

Посольский приказ был одним из основных государственных учреждений Российского государства, обеспечивающих внешнюю политику. После воцарения Петра I начинается один из самых динамичных периодов отечественной истории. Царём были предприняты различные реформы, направленные на решение проблем внутреннего и внешнего характера, оставшихся не решёнными его предшественниками. Начавшаяся в 1700 г. Северная война явно указала на несовершенство государственного управления и его аппарата, в том числе и Посольского приказа. Посольский приказ и его штат становятся объектом особого внимания монарха со времён Азовских походов конца XVII в. Достаточно скоро, в начале XVIII в., в нём происходят первые изменения, появляется Посольская походная канцелярия, ставшая впоследствии Посольской канцелярией в Петербурге.

Так как Посольская походная канцелярия в начальном периоде своего существования не имела постоянного места пребывания, сначала начинался отток сотрудников Посольского приказа к месту пребывания канцелярии. Позже, после обоснования её в Петербурге и закрепления за ней статуса постоянного учреждения, начинается процесс переезда туда служащих и документации Посольского приказа из Москвы.

Сведения о Посольской походной канцелярии и Посольской канцелярии появляются в книгах С. А. Белокурова «О Посольском приказе» [3, с. 96] и «Очерке истории Министерства иностранных дел» [4, с. 35]. Белокуровым отмечено постепенное снижение значимости Посольского приказа в связи с появлением в начале XVIII в. Посольской походной канцелярии. Он проследил, как в общих чертах происходили передача в Посольскую канцелярию более значимых дел и

превращение её во втором десятилетии XVIII в. в основное учреждение по внешней политике.

Проблемам появления и функционирования походных канцелярий при царе и Посольской походной канцелярии посвящён ряд работ современной отечественной историографии. В исследовании С. Л. Туриловой «Государственная коллегия иностранных дел в XVIII в.» [15, с. 243] отмечена взаимосвязь успехов России в Северной войне и укрепления дипломатического аппарата, дипломатических связей нашей страны с другими государствами. В отношении Посольской походной канцелярии было отмечено, что впервые отдельная канцелярия для посольских дел при походной канцелярии царя была выделена во время Азовского похода 1695 г. В работе показано, что петровская Походная канцелярия обслуживалась служащими Посольского приказа и впоследствии превратилась в Посольскую походную канцелярию. В 1709 г. из названия канцелярии исчезло слово «походная». Под таким названием она закрепляется в Петербурге.

Д. О. Серов отмечал, что Посольская походная канцелярия распускалась после каждого похода, что отличало это учреждение от других государственных ведомств начала XVIII в. Учёный определил дату, когда Посольская походная канцелярия при Петре I становится постоянным учреждением. В письме Петра I к П. П. Шафирову от 22.09.1706 г. говорится о том, чтобы он по всем вопросам «кроме нужных» обращался не к царю, а к Г. И. Головкину, «понеже походная канцелярия ему вручена» [12, с. 90].

Исследования Т. А. Базаровой показали, что практика создания походных канцелярий была обычной для рассматриваемого периода. Собственные походные канцелярии имелись и при ближайших сподвижниках Петра I: Б. П. Шереме-

тее, А. Д. Меньшикове, П. П. Шафирове. Интерес к этой теме проявил ещё П. Н. Крекшин, который обнаружил в Петербургской крепости рапорты и письма сподвижников Петра I [2, с. 247]. Академией наук по заданию императрицы Елизаветы Петровны была проведена опись бумаг, взятых из крепости и дома Крекшина, принадлежавших: Шереметьеву, Шафирову, Меньшикову [2, с. 248]. В настоящее время появилось 4-томное издание походной канцелярии П. П. Шафирова.

Несмотря на всю ценность сделанных к настоящему времени наблюдений, целостной картины эволюции внешнеполитического ведомства России в исследованиях представлено не было.

Временные походные канцелярии при царе

Нахождение «в походе» издревле означало любой выезд из столицы главы государства [1, с. 23]. Однако с началом самостоятельного правления Петра I таких выездов становилось все больше. Временные походные канцелярии создавались во время Азовских походов 1695–1696 гг. [11, с. 135], при походе в Воронеж, где было организовано строительство кораблей [6], в Великом посольстве [5], а в начале XVIII столетия – в «Шведском походе»,¹ как именовался выезд Петра I к месту военных действий в начале Северной войны. После поражения под Нарвой царь вместе с небольшой канцелярией также постоянно находился в различных походах. Это способствовало тому, что практика создания временных органов приобрела невиданный в допетровское время масштаб.

Ситуация отдалённого взаимодействия канцелярии, находящейся при Петре I и других органах власти, не могла способствовать успешной реализации проектов реформ и решению срочных внутренних дел страны. Поэтому с нача-

лом Северной войны походные канцелярии начинают отпочковываться от государственных учреждений страны с целью находиться как можно ближе к главе государства, от которого исходил основной импульс преобразований. Одними из первых приказов, от которых стали отсоединяться походные канцелярии наряду с Посольским, стали созданные в 1700 г. Провиантский и Адмиралтейский приказы [1, с. 47].

Благодаря постоянной практике процесса снаряжения штата служащих для ведения внешнеполитических дел вне приказа в финансовом и материальном смысле оказался хорошо отлажен. В 1700 г. значительная часть служащих Посольского приказа находилась в военном походе в Швеции – «В нынешнем 1700 г. быть на Свее Великого Царя службе, под Свейскими городами: Посольского приказу – Дьяку Михаилу Родостамову. Переводчикам: немецкого, голландского языка – Петру Шафирову, латинского, польского – Луке Шуковскому. Подьячим: старому Анисиму Щукину, средней статьи и молодым: Никифору Иванову, Василию Степанову, Льву Волкову, Ивану Юрьеву, Илье Никифорову, Григорью Богданову. Толмачю Ивану Кропоткину»². Отправляющимся в поход служащим Посольского приказа было выплачено окладное жалование и кормовые на два года вперёд, выделены средства на покупку лошадей. Сумма выделенных в 1700 г. средств на покупку лошадей: переводчикам – 17 руб., подьячим: старому – 15 руб., молодым – 14 руб.³ Жалование сверх годового оклада (на подъём): дьякам – 50 руб., переводчикам: одному – 50 руб., другому – 30 руб., подьячим: старому – 50 руб. средней статьи и молодым – 20 руб., толмачам по 20 и по 15 руб. человеку.⁴ Некоторые из перечисленных в списке подьячих – Василий Степанов и Иван Юрьев – остались в походе после обозначенных двух

² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 24. Л. 2.

³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 24. Л. 2–3.

⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 24. Л. 3.

¹ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА.) Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 24. Л. 2, 3.

лет и впоследствии составили штат Посольской походной канцелярии.

Для посольских дел в Шведском походе было подготовлено определённое количество материальных средств. «Для дел послано в тот поход – 7 гос. Печатей от прежних походов, для письма грамот в иностранные государства: 10 пергаминов, 10 листов Александрийских расписанных золотом, творёного золота на 3 ложках. Писчей бумаги 5 стоп, 10 Александрийской, 1 ведро чернил уставных, 2 ведра простых, 10 фунтов сургуча, 50 свечей восковых, 500 сальных, 100 маковых, 50 аршин холста на почтовые мешки, под дела сундук, на печати воску красного 10 гривенок»¹. Схожее, но уступающее по размеру имущество для посольской работы было подготовлено при посылках в Воронеж и Азов в XVII в.

В 1701 г. в Новгороде и Пскове проживали служащие Посольского приказа для «Посольских и Малороссийских дел»². При шведском походе в дополнение к списку имущества для их деятельности добавилось ведро уставных чернил, были отправлены две печати³.

В 1702 г. служащие Посольского приказа подготавливаются к очередному походу в г. Архангельск. Для Посольских и Малороссийских дел туда были отправлены дьяк Михаил Родостамов, переводчики Пётр Шафиоров и Иван Терновский, подьячие – старый Лаврентий Протопопов, средней статьи и молодые – 5 человек. Кроме того, в поход отправлялись один старый подьячий Новгородского приказа, два толмача и сторож Посольского приказа. Жалование служащим (проезд, средства на подъём, оклад и кормовые на всё время пребывания вне приказа вперёд) были выплачены из Ратуши в Новгородский приказ⁴. Для деятельности канцелярии было закуплено то

же количество принадлежностей, что для Шведского похода, походов в Новгород и Псков 1701 г., но в дополнение к ним были изготовлены сундуки и бочки для транспортировки денежной и соболойной казны, и отправлена средняя печать.

Появление постоянно действующей Посольской походной канцелярии

Посольская походная канцелярия была сформирована из сотрудников Посольского приказа в самом начале XVIII в., и упоминание о ней встречаются в различных документах этого учреждения. В приходно-расходных книгах Посольского и принадлежавших ему приказов 1701–02 гг.⁵ Посольская походная канцелярия упоминается в связи с обеспечением средствами различных внешнеполитических мероприятий: перевод денег в Голландию за необходимые товары⁶, жалование адмиралу Корнелиусу Крюйсу, средства на наём морских офицеров⁷, постройку кораблей в Архангельске⁸. В документе от 26.06.1702 г. Посольской походной канцелярии зафиксировано дело по челобитью переводчика Ивана Аврамова, где можно найти интересные сведения о внутренней жизни интересующего нас учреждения в начальном периоде своего существования⁹. В данном документе содержатся сведения о решении, принятом в канцелярии по делу переводчика Ивана Аврамова. Из текста дела следует, что в распоряжении канцелярии присутствовали сведения о штате служащих Посольского приказа и размере выплачиваемого им жалования¹⁰. С этого времени в Посольской походной канцелярии просматривается первоначальная структура. К лету 1702 г. дела сразу двух повытий оказываются в руках

⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701–02, 1711–12 гг. Д. 68.

⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701–02, 1711–12 гг. Л. 114

⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701–02, 1711–12 гг. Л. 114 Об.

⁸ В этом городе в 1702 г. находилась Посольская походная канцелярия.

⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1702 г. Д. 31. Л. 2.

¹⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1702 г. Д. 31. Л. 2, 2 об. Л. 3.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 138. Оп. 1. 1702 г. Д. 19 Л. 6.

² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 24. Л. 6 об.

³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 24. Л. 6 об.

⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1702 г. Д. 19. Л. 7.

старого подьячего Лаврентия Протопова, находившегося при канцелярии в Архангельске¹.

В Походной канцелярии выносились решения по финансовым вопросам, так, деньги Аврамову были выплачены из канцелярии в Посольский приказ², а в июле 1702 г. из Посольской канцелярии производилась выплата рабочим, изготовившим вымпелы, флаги, гюйсы и другое оснащение кораблей³. Интересен факт о том, что ещё в 1702 г. при упоминании слова «канцелярия» подразумевалось учреждение вне Москвы. Позже грани между этими двумя названиями – *приказ* и *канцелярия* – стали стираться.

В литературе присутствует точка зрения, что в Посольской походной канцелярии отсутствовал особый от Посольского приказа круг вопросов. В Посольской походной канцелярии Пётр I сосредоточил все необходимые дела для ведения гибкой и эффективной внешней политики [12, с. 109] Представленные в статье документы подтверждают это утверждение. В Посольскую походную канцелярию переправлялись письма и грамоты от послов и иностранных дворов, принимались своевременные настоящей внешней обстановке решения. У канцелярии была возможность оперативно найти источник свободных средств для срочных выплат.

Задачами этого небольшого штата на тот момент были запись указов и распоряжений главы государства внешнеполитической тематики и переписка с ведомством Посольского приказа в Москве. На этом этапе иностранные послы и посольства прибывали, как и ранее, к Москве, где размещались в отведённых для нужд Посольского приказа подворьях. Иногда после консультаций с руководством Посольского приказа посланники из Москвы сопровождалась сотрудниками приказа до Посольской походной канцелярии.

¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1702 г. Д. 15. Л. 2, 3.

² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1702 г. Д. 31. Л. 5.

³ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 88. Л. 2.

Сам Посольский приказ поддерживал постоянную связь с главой Посольского приказа, который находился в походе с царём либо у союзников по коалиции против Швеции. Круг вопросов, по которым консультировался Посольский приказ с Головиным и Петром I, отчасти раскрывает один из статейных списков, направленных из Москвы в посольскую походную канцелярию⁴.

В походной канцелярии, кроме ведомственной переписки с основным учреждением и министрами, решались различные вопросы: о приглашении инженеров для строительства каналов и других гидросистем в Санкт-Петербурге, специалистов по разведке месторождений полезных ископаемых, учителей. Уже на этом этапе круг вопросов, которыми занимался штат Посольской походной канцелярии, был достаточно широк и продолжал пополняться всё новыми делами, что требовало привлечения новых сотрудников из «головного» учреждения.

В первом десятилетии Посольская походная канцелярия находилась либо при Петре I, либо при главе Посольского приказа Ф. И. Головине, и вместе с ними постоянно меняла своё местопребывание. Отчасти картину перемещения Посольской походной канцелярии и сотрудников Посольского приказа вслед за ней в начале XVIII в. отражает челобитье о прибавке жалования подьячего Фёдора Сенюкова: «В том же 1707 г. был он в походе в Польше, при Посольской походной канцелярии. И из той канцелярии посылаем, он был с капитаном Семёновского полка Петром Лодыженским на Волошскую границу, для призыву на службу волохов. А в нынешнем 1709 г. был он, Фёдор Сенюков при Посольской походной канцелярии на Воронеже и под Полтавою»⁵.

В 1707 г. из Посольского приказа был вызван переводчик латинского, польского, белорусского языка Андрей Бе-

⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. Д. 53.

⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 152. Л. 2, 3.

лецкий¹, к концу года штат походной канцелярии пополнился ещё тремя подьячими: Сергеем Ляпуновым, Степаном Никитиным, Евсеем Рымьевым². В 1707–1708 гг. из Москвы в походную канцелярию был направлен переводчик латинского и греческого языка Андрей Ботвинкин³. Перечисленные сотрудники, как и упомянутый выше подьячий Посольского приказа Фёдор Сенюков, находились при Походной канцелярии не постоянно и могли быть снаряжены из неё уже с новым поручением. Особенно активно штат Посольской походной канцелярии стал пополняться новыми сотрудниками после победы под Полтавой, в следующем 1709 г. В штате Посольской походной канцелярии появляются 2 переводчика: Давыд Бахрах⁴ и Моисей Арсеньев⁵, 10 подьячих: Дмитрий Парфеньев⁶, Василий Парфеньев⁷, Савва Терновский⁸, Фёдор Протопопов, Лука Мазолевский⁹, Василий Белоусов¹⁰, Василий Сохинский, Григорий Богданов¹¹, Андрей Павлов¹², Тимофей Хохлов¹³ и 2 толмача¹⁴.

Размещение Посольской походной канцелярии в Петербурге на постоянной основе

Со временем Посольская походная канцелярия обосновывается в Петербурге. Процесс переноса дипломатического ведомства из Москвы в Петербург стал возможным после Полтавской виктории и ликвидации опасности вторжения вра-

га во внутренние территории страны. С конца 1710 г. по 1712 г. в Петербурге поспешно возводятся канцелярские и секретарские дворы. В начале второго десятилетия начинается организованный отпуск служащих Посольского приказа из Москвы в Петербург [7, с. 91–96].

Главой Посольского приказа создавались списки служащих, которые направлялись в Петербург, в этих списках отражалась информация и о уже находящихся в Петербурге сотрудниках. Списки служащих известны за 1711¹⁵, 1712¹⁶, 1718 г.¹⁷ Информация о местонахождении служащих также отражалась в окладных и приходно-расходных книгах Посольского приказа, на полях книги делались пометы о нахождении служащего. За второе десятилетие XVIII в. сохранилось достаточно много челобитий служащих, отражающих процесс их переезда на новое место работы, известны челобитья о выплате издержанных в дороге средств, о выделении подвод, денег на покупку двора в Петербурге и о продаже одного в Москве, вопросы перевозки ценного имущества Посольского приказа, документов и другие.

К 1712 г. штат Посольской походной канцелярии состоял из служащих: старого подьячего Петра Пасынкова с жалованием 150 руб., средней статьи и молодых подьячих Афанасия Инехова (жалование в 80 руб.), Андрея Никитина (жалование в 55 руб.), Григория Богданова (жалование в 52 руб. с полтиною), Степана Никитина (жалование в 50 руб.), молодых Анисима Игнатьева (жалование в 30 руб.), Якова Кирилова (жалование в 10 руб.), не окладных молодых подьячих Якова Полкова, Саввы Терновского.

В 1712 г. штат служащих, перечисленный выше, прирастает новыми сотрудниками, прибывшими из Москвы: старым подьячим Иваном Юрьевым (жалование в 180 руб. с полтиною) [8, с. 185], средней

¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 152. Л. 1, 2.

² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 152. Л. 1.

³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1708 г. Д. 31. Л. 1, 2.

⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 87. Л. 1.

⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 120. Л. 2.

⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 4 Л. 1 об.

⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 28. Л. 1.

⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 12. Л. 1 об.

⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 27. Л. 2.

¹⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 98. Л. 1.

¹¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 38. Л. 2.

¹² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 39. Л. 3.

¹³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 28. Л. 1, 1 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 24. Л. 1, РГАДА Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 89. Л. 2.

¹⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1711 г. Д. 31.

¹⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1712 г. Д. 37.

¹⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 45.

статьи и молодыми подьячими Иваном Клишиным и Борисом Карцовым (жалование в 80 руб.), Семёном Селезнёвым (жалование в 60 руб.) Семёном Смирновым, Иваном Небогатым, Иваном Нестеровым (жалование в 50 руб.)¹. Подьячий Семён Селезнёв был направлен в Петербург ещё ранее в 1710 г: «для бытности его в Петербурге марта 11 числа на 9 месяцев – 72 руб.»². Из списков, составленных главой Посольского приказа в 1712 г., в которых перечислены служащие, находившиеся в Петербурге, и сотрудники, которым надлежало туда отправиться, следует, что уже большая часть из среднего звена сотрудников Посольского приказа находилась в Петербурге. В 1712 г. в штате Посольского приказа были 21 переводчик³ и 30 подьячих⁴ средней статьи и молодых. Физически в Петербурге находилось большее количество сотрудников, в первую очередь подьячих, которые продолжали числиться в штате Посольского приказа, но были направлены с различными поручениями в конце первого десятилетия в Петербург.

Служащим Посольского приказа требовалось определённое время, чтобы достичь Петербурга. Не все из сотрудников, которые были вызваны в Петербург, оставались при Посольской канцелярии. Указом главы ведомства некоторые из служащих направлялись из Петербурга с делами или письмами в другие города или страны. О количестве сотрудников Посольского приказа, уже находившихся в Петербурге при Посольской канцелярии и оставшихся в Посольском приказе в Москве после, когда наблюдался отток служащих из Москвы 1709–1712 гг., можно судить по спискам служащих Посольского приказа последующих лет, в которых фиксировалось место пребывания каждого сотрудника. В 1712 г. при Посольской канцелярии в Петербурге

два старых подьячих – Иван Юрьев, Пётр Пасынков, средней статьи и молодые – 19 подьячих⁵. В 1712 г. непосредственно у дел в Посольском приказе в Москве находилось 4 старых подьячих, средней статьи и молодых 13⁶. Значительная часть штата приказа в этом году находилась либо при послах, либо в дороге с поручениями своего ведомства.

В 1716 г. штат Посольской канцелярии в Петербурге состоял из 4 секретарей: Василия Степанова, Петра Курбатова, Андрея Остермана с жалованием 500 руб. и Григория Волкова с жалованием 400 руб., 16 человек переводчиков⁷. Из подьячих средней статьи и молодых при канцелярии в Петербурге в 1716 г. находилось 11 сотрудников, из золотописцев (осуществляли оформление грамот золотым письмом, также привлекались к переплёту и оформлению книг) – Иван Петров и четыре курьера. Оставшиеся в Москве служащие Посольского приказа были направлены в Петербург в 1718 г. В Москве оставались старые подьячие: Иван Губин, Иван Юрьев, Иван Клишин и шесть переводчиков.⁸ Размер жалования и начисляемых выплат, в том числе и для проезда, зависели от положения во внутренней иерархии служащего, важности поручения, страны, в которую направлялся сотрудник. В списке переводчиков и подьячих, которым надлежало к 1718 г. находиться в Петербурге, перечислено 14 переводчиков, 5 старых подьячих, двое из которых – Степан Никитин и Иван Чернев – были старыми подьячими Малороссийского приказа. В списке было упомянуто несколько служащих, которые ранее значились в числе находящихся в Петербурге. Это связано с тем, что во второй половине XVIII в. посольства и походы начинают формироваться из служащих, находящихся при канцелярии в Петербурге. На конгресс в Швецию 1714 г. были на-

¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1712 г. Д. 37. Л. 8.

² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1708 г. Д. 1. Л. 41.

³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1712 г. Д. 39. Л. 5, 6.

⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1712 г. Д. 39. Л. 6, 7.

⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1716 г. Д. 35.

⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1712 г. Д. 39. Л. 2–7.

⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1716 г. Д. 35. Л. 48.

⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 45. Л. 2, 3.

правлены служащие Посольского учреждения. Сотрудники Посольского приказа, которые после завершения работы конгресса не понадобились находящимся на тот момент в европейских государствах министрам (при министрах постоянно присутствовал небольшой штат служащих, состоявший из подьячих и переводчиков Посольского приказа), были по распоряжению главы Посольского приказа направлены в Петербург в Посольскую канцелярию. В 1718 г. оставшиеся ещё при делах в Москве старые подьячие отправляются в Петербург. Со старыми подьячими Посольского приказа были направлены в Петербург и два старых подьячих Малороссийского приказа – Иван Чернев и Степан Никитин. Со старым подьячим Посольского приказа Иваном Юрьевым в Петербург была отправлена денежная и меховая казна Посольского приказа и все ценные вещи, которые в ближайшее время предполагалось передать русским и иностранным послам, хранившиеся на тот момент в приказе. До переезда служащих в Петербург жалование сотрудникам приказа выплачивалось из двух источников: из канцелярии в Петербурге и из Посольского приказа в Москве. Счёт вёл старый подьячий Посольского приказа Иван Губин в Москве, финансовая документация приказа хранилась при Степане Никитине «приходно-расходные книги приказа и списки осуществляемых приказом выплат и расходные указы у Степана Никитина»¹. «А кому из упомянутых служителей надлежит, то жалование давать в Москве, о том писать туда к секретарям»².

Для перевозки казны и документов были заранее изготовлены специальные ящики, сундуки и бочки (для меховой казны): «Торговым людям за еловые бочки для соболиной казны в Посольском приказе в Санкт-Петербурге. Никите Арестову за клей, которыми обшиты

эти бочки»³. «Денежного двора Роману Борисову за два сундука оклеенных кожей нерповою и окованных железом белым, с внутренними замками, в том числе за 1–2 руб. 2 алт. За второй 2 руб. 10 алт.»⁴. Ивану Юрьеву, с которым была канцелярия и казна, были выделены дополнительно 200 руб. на случай приключения в дороге проблем: «Посольского приказу старому подьячему Ивану Юрьеву с которым отпущена в Санкт-Петербург посольская канцелярия. На приключения в пути у канцелярских возов починки и на покупку в случае нужды колёс и прочих потребностей или где не случится ямских подвод на наём 100 руб.»⁵.

Позже Юрьеву были отправлены дополнительные средства на дорогу. «Посольского приказу старому подьячему Ивану Юрьеву, который отправляется из Москвы в Санкт-Петербург с казною и делами к прежде деланным ему Ивану на приключения в пути от Москвы до Санкт-Петербурга у канцелярских возов починки и на покупку в случае распутицы на такие приключения в пути расходы ещё 100 руб.»⁶.

С сыном Ивана Юрьева, отправляющимся вместе с перечисленными в 1718 г. служащими, были отправлены ценные вещи Посольского приказа: «В Посольский приказ с подьячим Иваном меньшим Юрьевым на дело кафтана, господину гетману Скоропадскому принятых из Сибирской канцелярии мехов соболей пластинчатой – 650 руб. да пола соболя ж пластинчатая в 25 руб. 12 алт. зелёного бархату 20 аршин, шкуру по цене на 35 руб. 23 алт. соболей взятых из канцелярии Сибирской губернии в сороках и парах на 2.785 руб. да 3 меха один бухарский волнистый, два персидских, овчинки которые сделаны в Москве для посылок в Берлин к камергеру и министру

³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 44. Л. 5.

⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 44. Л. 5, 6.

⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 44. Л. 14.

⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 44. Л. 14, 15.

¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1716 г. Д. 35. Л. 2

² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1716 г. Д. 35. Л. 2 - 3

графу Александру Гавриловичу Головину ценою в 138 руб. 30 алт.»¹.

По данным, следующим из указа Петра I от 15.03.1718 г., касающегося количества выделяемых для проезда от Москвы до Петербурга подвод, и указа, адресованного подьячим, отвечающим за счёт прихода и расхода средств приказа, о подготовке счёта повёрстных денег от названных выше городов, можно составить картину количества необходимых материальных средств для перевозки служащих и дел Посольского приказа к новому месту работы: «Посольского приказа подьячим нынешнего 1718 г. Имеющие приход и расход. Подписать под сему: Со Москвы до Санкт-Петербурга на сколько вёрст на ямские лошади даётся подъездных денег. И по сему на лошадь имеются. Со Москвы до Санкт-Петербурга даётся на 717 вёрст, повёрстных денег. На ямские лошади по сколько денег: на десять вёрст и на одну лошадь по 2 рубля 5 алтын»².

Далее следует подробная роспись количества лошадей на служащего, исходя из его служебного положения внутри приказа: «Великого Государя (далее титул): Дать Посольского приказу служителям, которым определено ехать в Санкт-Петербург, подъездных денег на ямские подводы. А именно секретарю – Петру Курбатову на 8 подвод. На три – Борису Волкову, Ивану Келерману, Петру Белецкому, Петру Сафонову, на две Петру Волкову. Подьячему старому – Ивану Юрьеву на четыре. Средней статьи и молодым – Борису Карцову, Семёну Смирнову, Ивану Юрьеву меньшому, Спиридону Ларионову на две. На одну – Александру Алебьеву, Ивану Вощанинову, Андрею Алебьеву. На одну курьерам – Кагану Петрову, на две Василию Каневскому. На одну солдатам – Ивану Шишкову, Лукьяну Глазкову, Ивану Галашконову. Ивану Федулину, Петру Климову на две лошади. По определению со Москвы до Санкт – Петербурга на семсот семнадцать вёрст

по 2 алтына на каждые десять вёрст на лошади. И того на всякую лошадь с Москвы до Санкт-Петербурга по четыре рубля по десять алтын. И всего всем повёрстных денег на 40 лошадей – 176 рублей».³ Одному из курьеров было отряжено 2 подводы по причине находившихся при нём писем.

Служащим Посольского приказа, которым предстояло отправиться в Петербург, помимо дорожных средств выделялись, в зависимости от должности и количества иждивенцев, средства на покупку дворов на новом месте и деньги на первоначальное налаживание быта. Из челобитья подьячего Посольского приказа Ивана Лаврецкого о выплате перечисленных выше денег: «По указу вашего царского величества повелено мне жить в Санкт-Петербурге при Государственной посольской канцелярии. А моей братии той же канцелярии для здешнего жития на покупку дворов, а именно – Борису Карцову, Сергею Семёнову, вашего великого царя жалование по 200 рублей выдано. А мне нижеимянному рабу вашему таких денег не дано и против оных двоишка купить чем за моею скудостью не имею: того ради припадая к стопам вашего царского величества всепокорно прошу, да повелеть высокодержавствие ваше и мне всепокорнейшему рабу своё против вышеписанной моей братии на покупку двора своего великого царя жалование выдать»⁴

Из выписки по данному челобитью, сделанную подьячим, который вёл это дело мы можем узнать о количестве средств, которые были выделены Посольским приказом на покупку дворов упомянутым челобитчиком служащих: «В прошлом 1715 году, дано его великого царя жалование Посольской канцелярии Старому подьячему Ивану Юрьеву на покупку в Санкт-Петербурге двора – 300 рублей»⁵; «В нынешнем 1717 году

¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 44. Л. 19.

² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 44. Л. 19.

³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 13. Л. 3–10.

⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1717 г. Д. 32. Л. 1.

⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1717 г. Д. 32. Л. 1, 2.

дано великого царя жалование Посольской же канцелярии средней статьи подьячему Борису Карцову на покупку двора в Санкт-Петербурге – 200 рублей. И в то число 100 рублей в приказ, а другую 100 рублей велено у него Бориса вычитать из его годового оклада»¹; «В нынешнем же 1717 году в числе дано великого царя жалование Посольской канцелярии подьячему Сергею Семёнову на покупку в Санкт-Петербурге двора – 200 рублей. И в том числе в приказ 100 рублей, а другую 100 рублей велено у него вычитать из годового его Сергиевого оклада»².

7 декабря 1717 г. издан указ «Посольского приказу подьячему Ивану Лаврецову дать его великого царя жалованье на покупку в Санкт-Петербурге двора – 150 рублей и из оных 100 рублей за приказные его труды в приказ, а 50 рублей в зачёт годового его жалования, которые у него впредь вычесть из годового его жалования, и о том к расходу дать указ»³. Как следует из документа, на покупку двора Посольским приказом выделялась большая часть суммы, четверть от неё предполагалось вычитать из жалования служащего.

В связи с переездом на новое место работы, даже при условии выплаченных средств, сотрудники внешнеполитического ведомства всё равно несли финансовые потери. Указом Петра I переводчикам и подьячим Посольского приказа были дополнительно выплачены кормовые деньги: «Жалование Посольской канцелярии служителям, которые определены быть в Санкт-Петербурге. Надлежит на будущий 1718 год, дать годовых окладов и помесечно кормовые деньги добавить. Переводчикам: Венедикту Шиллингу – 300 руб. (жалование), кормовых 10 руб. (доплата), аббату Ивану Крусале – 300 руб. кормовых 10 руб. Якову Синявину – 300 руб. кормовых 10 руб. Ивану Грамотину – 120 руб. кормовых 8 руб. Ан-

дрею Кривту – 213 руб. кормовых 8 руб. французенину Де Ланжи – 120 руб. кормовых 10 руб.

Подьячим: Старому: Ивану Аврамову – 150 руб. кормовых 10 руб. Средней статьи: Фёдору Сенюкову – 100 руб. кормовых 8 руб. Ивану Нестерову – 70 руб. кормовых 8 руб. Савве Терновскому – 30 руб. кормовых 6 руб. Молодому: Фёдору Бахареву – 10 руб. кормовых 3 руб. Золотописцу: Ивану Петрову – 40 руб. кормовых 3 руб. Сторожу: Дмитрию Евтифьеву – 14 руб. 13 алт. кормовых 1,5 руб.»⁴.

Заключение

В 1718 г. завершается длительный процесс переезда служащих Посольского приказа из Москвы в Посольскую канцелярию в Петербурге. Документы Посольского приказа отправлялись в Петербург вместе со служащими Посольского приказа и в предыдущие годы. Поэтому с прибытием документальных и материальных средств, подготовленных для отправки с Москвы в 1718 г., Посольская канцелярия в полной мере обладала всем необходимым для ведения своей деятельности. В 1718 г. в Петербург из Москвы отбыли остававшиеся ещё там для функционирования учреждения служащие, старые подьячие Посольского приказа, отделы, которые они возглавляли, были основными структурными единицами Посольского приказа, обеспечивающими деятельность этого учреждения.

В Посольском приказе в Москве на протяжении первых 20 лет XVIII века производился ремонт во внутренних помещениях, подновлялись кровля и система отопления приказа. Поэтому ещё некоторое время, пока все дела по внешней политике не были целиком поручены основному учреждению в Петербурге, а всё остальное делопроизводство передано в губернию, Посольский приказ в Москве продолжал работать. Впоследствии Посольский приказ в Москве был преобра-

¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1717 г. Д. 32. Л. 2.

² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1717 г. Д. 32. Л. 2, 3.

³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1717 г. Д. 32. Л. 4.

⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1717 г. Д. 35.

зован в Московскую контору коллегии иностранных дел [3, с. 96].

Таким образом, в эволюции внешнеполитического ведомства России можно отметить несколько этапов. Первый этап – приспособление Посольского приказа посредством Посольской Походной канцелярии для решения первоочередных задач в условиях войны (первое десятилетие, до 1709 г. XVIII в.) Второй этап – планомерное превращение Посольской канцелярии в отраслевое учреждение, занимающиеся ведением внешней политики. Становление Посольской канцелярии также происходило поэтапно: 1) возникновение устойчивой практики создания временных походных канцелярий (1695–1702), 2) появление Посольской походной канцелярии (1700–1706), которая стала головным органом управления для Посольского приказа, 3) появление статуса постоянного учреждения у Посольской походной канцелярии, отток служащих и дел в новое учреждение (с сентября 1706–1709), 4) потеря приставки «походная» у канцелярии в Петербур-

ге и постепенный перенос дел из Москвы в новую столицу (1709–1718) и 5) ликвидация и реорганизация оставшихся в Москве структур внешнеполитического ведомства (1718–1722).

Приспособленность служащих приказа к длительным переездам и пребыванию в других странах, постоянное перемещение определённого штата служащих в составе Посольской походной канцелярии в первом десятилетии XIII в. значительно облегчило переезд Посольского приказа из Москвы в Санкт-Петербург.

Переезд служащих во втором десятилетии ознаменовал создание нового учреждения. Обосновавшись в Петербурге на постоянном месте, Посольская канцелярия, состоявшая из служащих Посольского приказа, но работавшая совершенно по иным принципам, оставив не относившиеся к внешней политике дела и особенности приказного управления в старой столице, продолжила свою работу на службе Российского государства.

Статья поступила в редакцию 02.12.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в I четверти XVIII в. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
2. Базарова Т. А., Дадькина М. М. П. Н. Крекшин как первый исследователь походных канцелярий «птенцов гнезда петрова» (по материалам архива СПБНИИ РАН) // Новгородика-2015. От «Правды Русской» к российскому конституционализму. Материалы V международной научной конференции. 2016. С. 247–252.
3. Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. 170 с.
4. Белокуров С. А. Очерк истории Министерства иностранных дел, 1802–1902 гг. Пб, 1902. 35 с.
5. Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М. : Институт российской истории РАН, 2005. 396 с.
6. Перегудов А. В. Государев Разрядный шатёр – орган управления Воронежским кораблестроением 1697–1700 : монография. Воронеж : Истоки, 2010. 140 с.
7. Пётр I. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1 (январь – декабрь 1709) / под ред. Б. Б. Кофенгауз. М. : Академия наук СССР, 1950. 526 с.
8. Пётр I. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3 (1704–1705). СПб. : Государственная типография, 1893 855 с.
9. Рогожин Н. М. Посольский приказ : колыбель русской дипломатии. М. : Международные отношения, 2004. 432 с.
10. Санин Г. А. История внешней политики России XVIII в. (от Северной войны до войн России против Наполеона). М. : Международные отношения, 1998. 302 с.
11. Сень Д. В. Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII в.) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия : материалы международной научной конференции. М., 2019 С. 134–143.

12. Серов Д. О. Администрация Петра I. М. : ОГИ, 2008. 293 с.
13. Серов Д. О. Последние дьяки : из истории реформирования системы гражданских чинов России в первой четверти XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2011. № 3. С. 64–72.
14. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. 7. М. : Изд-во социально-экономической литературы., 1962. 744 с.
15. Турилова С. Л. Руководство внешней политикой России // История внешней политики России: XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона). М., 2000. С. 242–271.

REFERENCES

1. Anisimov E. V. *Gosudarstvennyye preobrazovaniya i samodержavie Petra Velikogo v I chetverti XVIII v.* [State transformations and the autocracy of Peter the Great in the first quarter of the 18th century.]. Saint-Peterburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1997. 331 p.
2. Bazarova T. A., Dadykina M. M. [P. N. Krekshin as the first researcher of the field offices of the “cubs of Petrov’s nest” (based on the materials of the St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences archive)]. In: *Novgorodika-2015. Ot «Pravdy Russkoj» k rossijskomu konstitucionalizmu. Materialy V mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Novgorodika – 2015. From Pravda Russkaya to Russian constitutionalism. Proceedings of the V international scientific conference], 2016, p. 247–252.
3. Belokurov S. A. *O Posolskom prikaze* [About the Ambassadorial order]. Moscow, 1906. 170 p.
4. Belokurov S. A. *Oчерк istorii Ministerstva inostrannyh del, 1802–1902 gg.* [Essay on the Ministry of Foreign Affairs history, 1802–1902]. Peterburg, 1902. 35 p.
5. Gus’kov A. G. *Velikoe posolstvo Petra I. Istochnikovedcheskoe issledovanie* [Great embassy of Peter the Great. Source study]. Moscow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 2005. 396 p.
6. Peregudov A. V. *Gosudarev Razryadnyj shatyor – organ upravleniya Voronezhskim korablestroeniem 1697–1700 : monografiya* [Gosudarev Discharge tent - the governing body of the Voronezh shipbuilding 1697–1700: monograph]. Voronezh, Istoki Publ., 2010. 140 p.
7. Peter the Great. *Pis’ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 9. Vyp. 1 (yanvar’ – dekabr’ 1709)* [Letters and papers of Emperor Peter the Great. Issue 9, Vol. 1; edited by B. B. Kofengauz]. Moscow, Academy of Science of USSR, 1950. 526 p.
8. Peter the Great. *Pis’ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 3 (1704–1705)* [Letters and papers of Emperor Peter the Great]. Saint-Peterburg, Government Publ., 1893 855 p.
9. Rogozhin N. M. *Posolskij prikaz : kolybel’ russkoj diplomatii* [Ambassadorial prikaz: the cradle of Russian diplomacy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004. 432 p.
10. Sanin G. A. *Istoriya vneshnej politiki Rossii XVIII v. (ot Severnoj vojny do vojn Rossii protiv Napoleona)* [History of Russian foreign policy in the 18th century (from the Northern War to the wars of Russia against Napoleon)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1998. 302 p.
11. Sen’ D. V. [Translators and interpreters in the activities of the provincial administration of Azov (late 17th – early 18th centuries)]. In: *Perevodchiki i perevody v Rossii konca XVI – nachala XVIII stoletiya: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Translators and translations in Russia at the end of the 16th - beginning of the 18th centuries: proceedings of an international scientific conference]. Moscow, 2019, pp. 134–143.
12. Serov D. O. *Administraciya Petra I* [Peter the Great’s Administration]. Moscow, United Humanities Publ., 2008. 293 p.
13. Serov D. O. [The last clerks: the history of reforming the system of civil officials in Russia in the first quarter of the 18th century.]. In: *Ural’skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2011, no. 3, pp. 64–72.
14. Solovyov S. M. *Istoriya Rossii s drevnejshih vremyon. Kn. 7* [History of Russia since ancient times. Vol. 7]. Moscow, Social economical literature Publ., 1962. 744 s.
15. Turilova S. L. [Leadership of Russia’s foreign policy]. In: *Istoriya vneshnej politiki Rossii: XVIII vek (Ot Severnoj vojny do vojn Rossii protiv Napoleona)* [History of Russian Foreign Policy: 18th century (From the Northern War to the wars of Russia against Napoleon)]. Moscow, 2000, pp. 242–271.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Севостьянов Алексей Сергеевич – научный сотрудник Музейного объединения «Музеи наукограда Королёв»;
e-mail: sev0styanov.a@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey S. Sevostyanov – Researcher of the Museum Association “Museums of Science City Korolev”;
e-mail: sev0styanov.a@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Севостьянов А. С. Походные канцелярии и переезд Посольского приказа в Петербург // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 102–114.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-102-114

FOR CITATION

Sevostyanov A. S. Field Offices and Relocation of the Embassy Order to St. Petersburg. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 102–114.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-102-114

УДК 908

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-115-123

ГРАДООБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ «МНОГОВЛАСТИЯ» 1917 г. (НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ ГОРОДА ОРЕХОВО-ЗУЕВО)

Бухаренкова О. Ю., Морова О. В.

Государственный гуманитарно-технологический университет

142611 г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д. 22, Московская область, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Показать на примере города Орехово-Зуево влияние ситуации «многовластия» на процесс градообразования в России в период между февралём и октябрём 1917 г.

Процедура и методы. Произведён анализ официальных правительственных документов, стенограмм заседаний государственных и общественных организаций, материалов периодических изданий, использованы методы индукции и дедукции при соотнесении локальных процессов с общероссийскими.

Результаты. Исследование источников позволило показать существенную роль местных органов власти и общественных организаций в завершающем этапе перехода Орехово-Зуева из фабрично-заводского центра к городу.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается во введении в научный оборот ранее не публиковавшихся источников, в открытии для широкого круга читателей малоизученных фактов региональной истории Подмосковья, что является актуальным для системы образования в части изучения истории Московской области.

Ключевые слова: город, градообразование, Временное правительство, Комитет общественной безопасности, Совет рабочих депутатов

CITY FORMATION UNDER THE CONDITIONS OF “MULTIPLE POWER” IN 1917 (ON THE EXAMPLE OF OREKHOVO-ZUYEVO)

O. Bukharenkova, O. Morova

State University of Humanities and Technology (GGTU)

22, Zelyonaya st., Orekhovo-Zuyevo 142611, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. Using the example of the city of Orekhovo-Zuyevo, to demonstrate how the period of “multiple power” (February–October 1917) in Russian history affected the process of city formation.

Methodology. An analysis was undertaken to study official state documents, transcripts of the meetings of state and public organizations, and materials of periodicals. The methods of induction and deduction were used to compare local and national processes.

Results. It is shown that the local authorities and public organizations played a significant role in the final stage of the transition of Orekhovo-Zuyevo from a factory centre to a city.

Research implications. The paper introduces previously unknown sources into scientific circulation, thus presenting insufficiently explored facts about the regional history of the Moscow region to a wide range of readers. This information can be considered relevant for educators teaching the history of the Moscow region.

Keywords: city, city formation, Provisional Government, Committee for Public Security, Soviet of Workers' Delegates

Введение

После падения монархии в России усилился процесс дестабилизации деятельности местного административного аппарата: создавались новые управленческие структуры и должности, фактически продолжали действовать старые, инициативой «с низов» формировалась параллельная власть в виде общественных и общественно-политических органов и организаций на уровне отдельных производств, коллективов, профессиональных групп и классов.

К событиям февраля 1917 г. процесс вызревания города Орехово-Зуево из фабрично-заводского центра был фактически завершён [2]. Однако только в условиях начавшейся демократизации в стране он получил своё юридическое оформление.

Цель настоящего исследования заключается в стремлении показать на примере города Орехово-Зуево влияние ситуации «многовластия» в России в период между февралём и октябрём 1917 г. на процесс градообразования. В качестве задач авторы выделяют: во-первых, выявить, какие особенности ситуации «многовластия» в период между февралём и октябрём 1917 г. ускорили общегосударственные и региональные процессы в сфере градообразования, во-вторых, осветить деятельность местных органов управления и общественных организаций в вопросе приобретения Орехово-Зуевом статуса города, в-третьих, установить последовательность действий сторон, вовлечённых в процесс формирования города Орехово-Зуево в 1917 г.

Политика Временного правительства в сфере градообразования рассматривается в отечественной науке прежде всего в контексте изменения системы местного самоуправления. Однако в советский период эта тема была представлена исключительно с позиций роли коммуни-

стической партии и «большевистских» Советов [1; 3; 4]. В постсоветское время стали появляться региональные работы, рассматривающие эволюцию системы местного самоуправления на примере отдельных регионов или крупных губернских городов [6; 7; 9; 10].

В исследованиях по истории Орехово-Зуева в 1917 г. подробно описываются борьба орехово-зуевских рабочих с фабрикантами, процесс большевизации советов в Орехове и Зуеве. Получение статуса города констатируется лишь как один из фактов революционной борьбы [4; 7]. В современных работах региональных исследователей и краеведов этот научный пробел так и не был восстановлен, что делает актуальной настоящую статью.

Источниковой базой исследования являются материалы центральных и региональных архивов – Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Владимирской области. Нормативно-правовой аспект темы рассмотрен на основе постановлений, вошедших в «Сборник указов и постановлений Временного правительства»¹ и «Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате»².

От фабрично-заводского центра к городу

Политические органы управления городами – Комитеты общественной безопасности – стали создаваться повсеместно как советы представителей от различных организаций и групп насе-

¹ Россия (1917, февраль-октябрь). Законы и постановления : Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1-2 : в 2 т. Пг. : Государственная типография, 1917-1918.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел VII. Местное самоуправление. Городское самоуправление. № 23. Ст. 997. СПб.: Государственная типография, 1917. 238 с.

ния города, как фундамент будущего демократического самоуправления.

Но одновременно с ними по примеру Петрограда на местах создавались самостоятельные органы управления – Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Более 240 Советов было создано в стране уже в марте 1917 г. Первоначально они регулировали отношения между работодателями и рабочими, занимались охраной предприятий, устанавливали рабочий контроль над производством и выплатой заработной платы работникам.

Выборные органы исполнительной власти Советов – исполнительные комитеты – явочным порядком на местах устанавливали 8-часовой рабочий день, нормировали оплату труда, создавали отряды Красной гвардии и отряды рабочей милиции (с апреля 1917 г.), контролировали продовольственный вопрос, школьное дело и другие социальные вопросы.

15 марта 1917 г. Временное правительство сообщило о подготовке Закона о реформе местного самоуправления. Вскоре началась разработка нормативно-правовой базы для новых волостных, поселковых, городских выборов.

15 апреля 1917 г. Временное правительство приняло закон о реформе городского самоуправления. Вводились прямые, всеобщие, равные выборы и тайное голосование. Участвовать в них могли лица, достигшие 20-летнего возраста, мужчины и женщины, независимо от вероисповедания и национальности, проживавшие или имевшие осёдлость в городе. Исполкомы Комитетов общественной безопасности прекращали свою деятельность с момента избрания органов местного самоуправления в соответствии с новым законом¹.

Жители села Орехово с местечком Никольское, села Зуево и всех прилежащих территорий включились в процессы

нового административного строительства.

Первым в Орехове 16 (3) марта 1917 г. был создан Комитет общественной безопасности, в состав которого вошли судебный следователь А. Н. Альбицкий, фабричный инженер П. М. Кудрявцев, владелец гимназий Белавин, купцы Маслов, Палладин, трактирщик Бобров, инженер Лоханько и другие представители купечества, интеллигенции, чиновники, а также 5 рабочих [5, с. 40]. Через 2 дня его стали называть Временный исполнительный комитет, подчёркивая преходящее существование. Он стал официальным органом власти – проводником политики Временного правительства [8, с. 11].

Почти в это же время, 18 (5) марта 1917 г., был сформирован Орехово-Зуевский Совет рабочих депутатов. Выборы прошли на 9 цеховых собраниях фабрик Саввы и Викулы Морозовых (а позже на фабрике И. Н. Зимина) по квоте 1 депутат от 500 рабочих. В первый состав Совета вошли 46 депутатов, из которых не все были рабочими – в депутаты прошли и конторские служащие, и представители фабричной администрации. Секретарём был избран инженер Лоханько, кадет по политическим взглядам [5, с. 41]. Председателем Совета стал рабочий-прядильщик Ф. Д. Мочалин.

На собраниях рабочих, где происходили выборы в Совет, одновременно избирались и фабрично-заводские комитеты. Принятый устав фабзавкомов устанавливал их подчинение Совету рабочих депутатов. 21 марта фабричный инспектор 8 участка Владимирской губернии Кудрявцев направил Старшему фабричному инспектору Владимирской губернии сообщение о том, что Совет рабочих депутатов образован на фабриках Товарищества Викулы Морозова совместно с фабрикой Товарищества Саввы Морозова и фабрикой Зуевского района, Зимина и др. Признаваясь, что цель Совета ему не ясна, Кудрявцев направил вместе с сообщением копию Устава фабрично-за-

¹ Россия (1917, февраль–октябрь). Законы и постановления. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1–2 : в 2 т. Т. 2. Пг. : Государственная типография, 1917–1918. С. 145.

водских комитетов Орехово-Зуевского района¹.

Орехово-Зуевский Совет рабочих депутатов первоначально сформировал два исполнительных комитета – *Ореховский и Зуевский*. Особо было оговорено, что все выносимые ими постановления должны были утверждаться в едином Совете рабочих депутатов. Совет рабочих депутатов первого созыва, беспартийный в своём большинстве, в обращениях к населению выражал поддержку Временному правительству и его политике. Большевицкая организация в Орехове ещё не сформировалась в силу, способную участвовать в местных политических процессах и серьёзно влиять на них.

Работавший в правлении больничной кассы при фабрике В. Морозова большевик Алексей Иванович Липатов поехал в Москву за помощью к большевицкой организации Замоскворечья [8, с. 12].

Вскоре приехали несколько большевиков, помогли сорганизоваться местной большевицкой ячейке. Первоначально она насчитывала 17 человек. Именно эти активисты подняли рабочих, потребовали отчёта от действующего Совета рабочих депутатов.

28–29 (15–16 марта) 1917 г. Орехово, Зуево и ближайшие районы захлестнули многолюдные митинги рабочих, состоявшиеся без ведома Совета рабочих депутатов. Ораторами на них выступили местные большевики и представители Замоскворецкого района комитета большевиков. Они призывали к недоверию Временному правительству, вели агитацию против войны и настаивали на немедленном выполнении экономических требований рабочих.

Массовые митинги привели к роспуску первого состава Орехово-Зуевского Совета рабочих депутатов. 1 апреля (19 марта) состоялось общее собрание в рабочем театре, итогом которого стал

ропуск *Совета рабочих депутатов* первого состава и выборы нового, с преобладанием большевиков в президиуме. Председателем Орехово-Зуевского Совета рабочих депутатов стал А. И. Липатов [5, с. 47].

Президиум Орехово-Никольского Исполнительного комитета 14 апреля 1917 г. сообщил во Владимирский Исполнительный комитет о создании в Совете продовольственной, милиционной, культурно-просветительной и юридической комиссий, а также о планировании открыть отделы благоустройства, издательский и статистический².

Новый Совет вступил в жёсткую конфронтацию с *исполкомом Комитета общественной безопасности* (этим «ублюдком Временного правительства», как его называли рабочие) [5, с. 47]. Исполком Комитета пытался призвать все общественно-политические силы Орехово-Зуева к единению, косвенно при этом указывал на реально возросшую силу Совета рабочих депутатов обращением-просьбой к нему «не углублять того рва, который стараются вырыть между рабочими и остальным населением, вносить раздоров и споров в среду одной матери – России...» [8, с. 16]. Но всё было безуспешно. Под напором политической активности большевиков исполнительный комитет Комитета общественной безопасности был «орбочен» – в его состав вошли 46 рабочих. Вскоре Совет рабочих депутатов постановил и вовсе распустить Временный исполнительный комитет.

В начале апреля Исполнительный комитет Комитета общественной безопасности по селу Орехову и местечку Никольскому потребовал от Товарищества «Саввы Морозова сын и К^о» передачи для нужд Президиума и исполнительных органов Комитета помещения клуба служащих и инвентаря. При этом с марта 1917 г. это помещение находилось в ведении Со-

¹ Устав фабрично-заводских комитетов Орехово-Зуевского района // Государственный архив Владимирской области. Ф. 266. Оп. 1. Д. 5590. Л. 5.

² Извещение Президиума Орехово-Никольского Исполнительного Комитета // ГАВО. Ф. 1186. Оп. 1. Д. 48. Л. 26.

юза служащих при фабриках «Саввы Морозова сын и К^о», образованного 12 марта того же года на основе общественного собрания служащих. 7 апреля Исполком, завладев помещением клуба, устроил там совместно с Советом рабочих депутатов собрание, на следующий день там было проведено общее собрание социал-демократической партии.

В ответ на жалобу председателя Союза служащих исполняющий дела Губернского комиссара М. Горданский направил в Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов Орехово-Зуева письмо «с просьбой обсудить создавшееся положение» и уведомить его о последующем решении¹.

Политический авторитет и решительность Орехово-Зуевского Совета рабочих депутатов стремительно росли. В апреле 1917 г. под его контролем оказались почти вся производственная и социальная сферы (фабрики, склады, конторы, казармы, время труда и отдыха, порядок и спокойствие на улицах, обеспечение продовольствием, работа образовательных учреждений, политическое просвещение населения и т. п.) [5, с. 65].

Исполком Совета организовал рабочий контроль обеспеченности предприятий Орехова и Зуева сырьем и топливом, отслеживал снабжение продовольствием, условия труда и быта рабочих. Благодаря Совету установлено требование трудоустройства рабочих через биржу труда, повышена заработная плата, установлен минимум оплаты труда женщин на поденной работе, увеличены квартирные выплаты и др. [8, с. 19; 29].

Именно Совет рабочих депутатов в обстановке революционного вдохновения взял на себя форсирование вопроса о приобретении Орехово-Зуевым статуса города. Из архивных источников известно, что ходатайство о преобразовании села Орехово и местечка Никольское Покровского уезда Владимирской губернии

и села Зуево Богородского уезда Московской губернии в город (образовании одного городского поселения) и введении городского управления поступило именно в апреле 1917 г. в отдел городского хозяйства Министерства внутренних дел от *Совета Уполномоченных граждан (крестьян) села Орехова*².

Извлечение по этому вопросу от 13 апреля 1917 г. № 53 было зачитано на сходе общества граждан (крестьян) села Зуева 24 июня 1917 г. Открытым голосованием единогласно зуевские крестьяне объявили о нежелании менять сельский статус на городской и просили не неволить их, а дать самим распоряжаться своей судьбой. Этот приговор губернский комиссар по управлению Московской губернией 31 июля 1917 г. передал на распоряжение Министру внутренних дел.

Однако приговор зуевских крестьян не мог повлиять на уже свершившийся ко времени его подписания факт. Градообразование прошло в потоке демократических преобразований периода двоевластия.

Документы свидетельствуют о том, что вопрос об образовании города решался Орехово-Зуевским Советом рабочих депутатов с подлинным революционным напором. Не дождавшись ответа на апрельское ходатайство, 9 мая 1917 г. Совет рабочих депутатов и Исполком Комитета общественной безопасности отправили министру внутренних дел срочную телеграмму о необходимости скорейшего введения Городового положения в Орехово-Зуеве. Они не получили решения даже в мае, а 1 июня 1917 г. от Орехово-Зуевского Совета рабочих депутатов и Исполнительного Комитета срочная телеграмма № 299 полетела уже в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: «Протестуя против такого игнорирования демократических организаций, просим Петросовет указать

¹ Письмо Владимирскому Губернскому Комиссару // ГАВО Ф. 1186. Оп. 2. Д. 43. Лл. 16–18.

² Дело о введении Городового положения в 41 поселении // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1789. Оп. 1. Д. 68. Л. 8.

МВД на недопустимость такого отношения к демократическим организациям»¹.

Временное Правительство 3 июня 1917 г. постановило преобразовать село Орехово и местечко Никольское Покровского уезда, Владимирской губернии и село Зуево, Богородского уезда, Московской губернии в безуездный город Орехово-Зуево и ввести Положение об Общественном Управлении, предоставив произвести выборы в Городскую думу 74 гласных².

Вместе с Орехово-Зуевом этим постановлением статус города был присвоен еще 40 населенным пунктам, расположенным в Астраханской (г. Степной), Вологодской (г. Котлас), Воынской (г. Сарны), Воронежской (города Алексеевка и Бутурлиновка), Екатеринославской (города Каменский, Амур-Нижнеднепровск, Лозовая, Синельниково, Юзовка, Яковлевский, Дебальцево, Енакиево, Гришино), Киевской (города Белая-Церковь и Ирпень), Нижегородской (г. Павлово), Новгородской (города Любань-Горка и Бологое), Подольской (г. Тульчин), Таврической (города Алупка и Джанкой), Тверской (г. Кимры), Уфимской (города Бакалы и Давлеканово), Иркутской (города Зима и Черемхово) и Томской (города Каинский и Змеиногорск) губерниях, Области Войска Донского (г. Дмитриевский), Амурской (г. Свободный), Забайкальской (города Петровск-Забайкальский, Нерчинск-Заводский и Онон), Приморской (города Иманский, Спасск-Приморский и Св. Ольги) и Уральской (г. Темир) областях, острове Сахалин (г. Александровск) и Камчатке (г. Петропавловск).

Как и Орехово-Зуево, эти населенные пункты стремительно росли вследствие интенсивного развития железнодорожного транспорта и промышленного производства. Именно это способствовало формированию в них многочисленной прослойки пришлого населения, не имевшего возможности до 1917 г. участвовать в местном самоуправлении и получившего такую возможность в период «многовластия».

От «безуездного» города к Московской губернии

При этом вопрос об административно-территориальной принадлежности нового города «провис». В постановлении от 22 июня 1917 г. Московский Губернский Избирательный Комитет сообщает: «В виду невыясненности вопроса, присоединяется ли новый город, состоящий из г. Зуева и посёлков Орехово и Никольского к Московской или Владимирской губ.: 1) снабдить новый город рабочим аппаратом: инструктором и статистиком, которые помогут населению выявить свою волю, всесторонне осветив вопрос о целесообразности – в интересах населения – присоединения к Московской или Владимирской губернии, произвести перепись и т. п.; 2) снести с Владимирской губ. и после совместного совещания о порядке разрешения вопроса – отправить на разрешение в соответствующие инстанции во Владимирскую губернию»³.

Вопрос обсуждался среди населения Орехова, Зуева, Никольского, муссировались оба варианта – и присоединение к Московской губернии, и переход во Владимирскую. Об этом говорят такие документы, как «Справка от 10 июля 1917 г. от Совета уполномоченных граждан села Орехово Покровского уезда...» о том, что они на своём собрании утвердили единогласно, что будущий город должен быть причислен к Московской губернии»⁴ и заявление от Богородского народного ре-

¹ Дело о введении Городового положения в 41 поселении // ГАРФ, Ф. 1789 Оп. 1 Д. 68. Л. 43.

² О преобразовании 41 сельскаго поселения в города, с введением в них Городового Положения: Постановление от 3 июня 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел VII. Местное самоуправление. Городское самоуправление. № 23. Ст. 997. СПб.: Государственная типография, 1917. С. 484–485.

³ Дело о введении Городового положения в 41 поселении // ГАРФ Ф. 1789. Оп. 1 Д. 68. Л. 162.

⁴ Там же. Л. 160.

волюционного совета от 9 июня 1917 г. – протест против перехода Зуева во Владимирскую губернию¹.

Реальным инструментом выбора территориальной подчинённости мог стать вполне законный (и разрешённый МВД) референдум. Но его отложили в связи с необходимостью скорейшего формирования органов городского управления.

23 (10) сентября 1917 г. состоялось первое в истории Орехово-Зуева заседание Городской думы. Председателем был избран Игнат Васильевич Бугров, опытный революционер.

Особенно важно было окончательно решить вопрос об административно-территориальном подчинении нового города – Владимирской или Московской губернии. На заседании по этому вопросу выступили представители всех фракций Городской думы².

Гласный Н. Ф. Загорский от фракции меньшевиков высказал мнение о незамедлительном решении вопроса о подчинении Московской губернии, т. к., с одной стороны, безотлагательно надо приступить к подготовке к выборам в Учредительное Собрание, а с другой – неизвестно, к какому окружному судье и мировому съезду обращаться.

Гласный И. П. Куликов, комиссар с. Зуева, большевик, говорил о том, что в частных разговорах жители Орехова – «коренные обыватели, которые особенно склонны к тому, чтобы всё оставалось по старому», единогласно высказывались за присоединение Орехово-Зуева к Московской губернии.

Гласный Серапионов, представлявший фракцию социалистов-революционеров, проинформировал собравшихся, что его фракция присоединение обсуждала и единогласно выбрала Московскую губернию.

Гласный Глушков от фракции «Объединённый демократический союз» пере-

дал мнение о присоединении к Московской губернии.

Председателю И. В. Бугрову осталось только констатировать единогласное решение вопроса о выборе административно-территориального подчинения Орехово-Зуева в пользу Москвы, оформить соответствующим образом протокол и передать в МВД, в Московскую губернскую земскую управу, в Московский губернский избирательный комитет.

Так Московская губерния приросла ещё одним крупным промышленным центром.

Примечательно, что избрание Городской думы не ослабило работу и не отменило существование Совета рабочих депутатов Орехово-Зуева. Он продолжил действовать и принимать решения по тем вопросам, которые должна была теперь решать Городская дума. Например, рассматривая школьное и внешкольное образование в городе, решили создать в Орехово-Зуеве Педагогический совет и вместе с учителями разработать проект постановления школьного дела в городе [5, с. 85].

Это отражало общую тенденцию к замещению старых форм местного самоуправления новыми революционно-демократическими органами.

Заключение

В целом Февральская революция открыла возможности для проведения территориальных реформ как на нижнем уровне местного самоуправления, так и в общегосударственном масштабе. Особенности сложившейся в это время ситуации «многовластия» заключались в ослаблении государственной вертикали власти, усилении влияния новых, созданных по инициативе населения, органов местного самоуправления.

При этом с весны 1917 г. создавалось большое количество различных общественных организаций, которые конкурировали между собой за поддержку населения и реальное управление населёнными пунктами.

¹ Дело о введении Городового положения в 41 поселении // ГАРФ Ф. 1789 Оп. 1 Д. 68. Л. 161.

² Там же. Л. 164.

Ещё в апреле Временное правительство разрешило участие в выборах в городские думы гражданам, которые во время составления избирательных списков *проживали в данном городе*, либо имели в городе свое хозяйство, или состояли там на службе, или же *имели иные связанные с городом определённые занятия*. В этих условиях получение городского статуса ценилось, как одно из демократических завоеваний революции.

Инициатива с мест стала одной из движущих сил территориальных изменений. Выразителем воли населения в Орехово-Зуеве – регионе с высокой concentra-

цией фабрично-заводских рабочих – стали не традиционные органы местного самоуправления, а новые демократические органы (Комитет общественной безопасности и Совет рабочих депутатов). Их активность и настойчивость сыграла определяющую роль в закреплении городского статуса за территорией, части которой фактически были связаны между собой экономическими, культурными, политическими, социальными скрепами не одно десятилетие, и их объединение назрело давно.

Статья поступила в редакцию 30.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917) / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: Наука, 1983. 334 с.
2. Бухаренкова О. Ю., Морова О. В. Формирование Орехово-Зуева как городского конгломерата в контексте модернизационных процессов России начала XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 111–123.
3. Волнистый А. П. Тактика большевистской партии в борьбе за массы на муниципальных выборах в 1917 г. Краснодар, 1976. 213 с.
4. Дидиченко Н. А. Тактика большевистской партии в муниципальной кампании (март–октябрь 1917 г.). М., 1974. 172 с.
5. Зрячкин С. М. Хроника революционных событий 1917 г. в Орехово-Зуевском районе // Историко-краеведческий сборник. Вып. 2. М., 1959. С. 39–92.
6. Мамаев А. В. Самоуправление городов России в условиях революционного процесса. 1917–1918 гг.: на материалах городов Московской, Тульской, Вятской губерний : дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 360 с.: ил.
7. Остроухов В. Е. Местные органы власти и управления России и их деятельность в марте 1917 – марте 1918 гг. (на материалах Тульской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. – 285 с.
8. Разгон И. Орехово-Зуевцы в борьбе за Великую пролетарскую революцию // 1917 год в Московской области : сборник статей. М.: Московский рабочий, 1937. С. 5–43.
9. Скутарлеев Д. Е. Местное самоуправление центральных губерний России в 1864–1918 гг.: организационно-финансовый и экономический аспекты : дис.... канд. ист. наук. М., 2006. 209 с.
10. Трусова Е. М. Местное управление и самоуправление на Дону, Кубани и в Ставрополье в 1917 г. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 218 с.

REFERENCES

1. Andreev A. M. *Mestnye Sovety i organy burzhuznoy vlasti (1917)* [Local Soviets and Bourgeois Authorities (1917) / ex. edited by Yu. A. Polyakov]. Moscow, Nauka Publ, 1983. 334 p.
2. Bukharenkova O. Yu., Morova O. V. [Formation of Orekhovo-Zuevo as an urban conglomerate in the context of modernization processes in Russia at the beginning of the XX century]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences]. 2020, no. 2, pp. 111–123.
3. Volnistyj A. P. *Taktika bol'shevistskoj partii v bor'be za massy na municipal'nyh vyborah v 1917 g.* [The Bolshevik party's tactics in the struggle for the votes in the municipal elections in 1917]. Krasnodar, 1976. 213 p.
4. Didichenko N. A. *Taktika bol'shevistskoj partii v municipal'noj kampanii (mart-oktyabr' 1917 g.)* [The Bolshevik Party's Tactics in the Municipal Campaign (March-October 1917)]. Moscow, 1974. 172 p.

5. Zryachkin S. M. [Chronicle of the revolutionary events of 1917 in the Orekhovo-Zuevsky district]. In: *Istoriko-kraevedcheskij sbornik. Vyp. 2* [Historical and local history articles. Vol. 2]. Moscow, 1959, pp. 39–92.
6. Mamaev A. V. *Samoupravlenie gorodov Rossii v usloviyah revolyucionnogo processa. 1917–1918 gg.: na materialah gorodov Moskovskoj, Tul'skoj, Vyatskoj gubernij: diss ... kand. ist.nauk* [Self-government of Russian cities in the conditions of the revolutionary process. 1917–1918: based on materials from the cities of Moscow, Tula, Vyatka provinces: PhD thesis in Historical Sciences]. Moscow, 2010. 360 p.
7. Ostrouhov V. E. *Mestnye organy vlasti i upravleniya Rossii i ih deyatelnost' v marte 1917 – marte 1918 gg. (na materialah Tul'skoj gubernii) : dis. ... kand. ist. nauk* [Local authorities and administration of Russia and their activities in March 1917 – March 1918 : PhD thesis in Historical Sciences]. Moscow, 1997. 285 p.
8. Razgon I. [Orekhovo-Zuevo's citizens in the struggle for the Great proletarian revolution]. In: *1917 god v Moskovskoj oblasti: sbornik statej* [1917 in the Moscow region: collection of articles]. Moscow, Moskovskij rabochij Publ., 1937, pp. 5–43.
9. Skutarleev D. E. *Mestnoe samoupravlenie central'nyh gubernij Rossii v 1864–1918 gg.: organizacionno-finansovyy i ekonomicheskij aspekty : dis. ... kand. ist. nauk* [Local self-government of the central provinces of Russia in 1864–1918: organizational, financial and economic aspects]. Moscow, 2006. 209 p.
10. Trusova E. M. *Mestnoe upravlenie i samoupravlenie na Donu, Kubani i v Stavropol'e v 1917 g.* [Local government and self-government in the Don, Kuban and Stavropol regions in 1917]. Rostov-on-Don, North Caucasus Scientific Center of Higher Education Publ., 1999. 218 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бухаренкова Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета;
e-mail: buk-olga@yandex.ru

Морова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета;
e-mail: umr@ggtu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga U. Bukharenkova – Cand. Sci (History), Assoc. Prof., Department of History and Humanities; State University of Humanities and Technology;
e-mail: buk-olga@yandex.ru

Olga V. Morova – Cand. Sci (History), Assoc. Prof., Department of History and Humanities; State University of Humanities and Technology;
e-mail: umr@ggtu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бухаренкова О. Ю., Морова О. В. Градообразование в условиях «многовластия» 1917 г. (на примере создания города Орехово-Зуево) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 115–123.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-115-123

FOR CITATION

Bukharenkova O., Morova O. City Formation under the Conditions of “Multiple Power” in 1917 (on the Example of Orekhovo-Zuevo). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 115–123.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-115-123

УДК 94 (47) 084. 9

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-124-132

ПЕРВЫЙ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВИЗИТ ГЛАВЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В США: ШАГ НА ПУТИ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ

Горлов В. Н.*Московский государственный лингвистический университет**119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить факторы, определяющие причины изменения взаимоотношений СССР с США, проанализировать интересы обоих государств в ослаблении конфронтации между ними.

Процедура и методы исследования. Анализ значения для СССР и США поездки советского лидера в главную страну капитализма и тщательной подготовки к визиту главы советского государства.

Результаты исследования. Подробно рассмотрены атмосфера встреч руководителя советского государства с гражданами Соединенных Штатов, заинтересованность главы советского государства в успешности своей поездки.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье показано, что в эпоху идеологического противостояния государств с разным общественным строем были достигнуты существенные политические результаты. Н. С. Хрущёв воспринимал свою поездку за океан как начало новой эры в советско-американских отношениях.

Ключевые слова: официальный визит, переговоры, взаимопонимание, экономическое соревнование, мирное сосуществование, советско-американские отношения

THE FIRST OFFICIAL VISIT OF THE HEAD OF THE SOVIET UNION TO THE UNITED STATES: A STEP ON THE PATH TO UNDERSTANDING

V. Gorlov*Moscow State Linguistic University**38/1, ul. Ostozhenka, Moscow 119034, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify factors that determined changes in the relations between the USSR and the United States, to analyse the interests of both States in easing the confrontation between them.

Methodology. The author analyses the significance of the first trip of the Soviet leader to the main country of capitalism for both countries, describes careful preparation of the head of the Soviet state for this visit.

Results. The atmosphere of meetings between the head of the Soviet state and citizens of the United States, as well as the interest of the head of the Soviet state in the success of his trip, were analysed.

Research implications. It is shown that, during the era of ideological confrontation between the States with different social systems, significant political results were achieved. Khrushchev perceived his trip abroad as the beginning of a new era in Soviet-American relations.

Keywords: official visit, negotiations, mutual understanding, economic competition, peaceful coexistence, Soviet-American relations

Введение

Летом 1959 г. в Москве открылась американская национальная выставка. Прилетев на открытие выставки, вице-президент Соединённых Штатов Америки Ричард Никсон передал главе Правительства Советского Союза Никите Сергеевичу Хрущёву предложение президента США Дуайта Эйзенхауэра совершить официальный визит в сентябре 1959 г. в Соединённые Штаты Америки. Визит Н. С. Хрущёва в Соединённые Штаты должен был стать первым для лидера нашего государства за всю историю двух стран. Глава государства Н. С. Хрущёв с удовольствием принял это приглашение. Для советского лидера появился удобный случай реально увидеть главную капиталистическую страну, встретиться с её людьми и познакомиться с их жизнью. Неофициальные беседы лидеров двух великих государств позволили бы им обменяться мнениями по политическим проблемам в мире, имеющим для СССР и США взаимный интерес. Первый в истории визит советского лидера в Соединённые Штаты Америки должен был подтвердить статус СССР как великой державы.

В Вашингтоне активно готовились к приёму важного гостя. Президент США Д. Эйзенхауэр специально по этому поводу созвал пресс-конференцию, где объявил о приглашении главы СССР Н. С. Хрущёва посетить США. Д. Эйзенхауэр объявил также, что Н. С. Хрущёв направил ему ответное приглашение посетить СССР, которое Президент США принял. Президент США также получил объективную возможность реально увидеть советский народ и познакомиться с его жизнью.

Визит Н. С. Хрущёва был прорывом и невероятным событием той эпохи. Визиты лидеров двух великих держав, без сомнения, смогли бы улучшить напряжённые отношения между странами и способствовать улучшению их взаимо-

понимания. Президент США, будучи на президентском посту второй срок, был искренне заинтересован ослабить конфронтацию с Советским Союзом, что, безусловно, в те годы отвечало интересам Соединённых Штатов. Он попытался пойти на сотрудничество с главным геополитическим противником.

На конференции Президент США заявил, что обмен визитами поможет растопить лёд в отношениях между США и СССР. Д. Эйзенхауэр объявил, что во встречах с главой СССР Н. С. Хрущёвым он не собирается выступать в качестве представителя всего западного мира и будет выражать лишь точку зрения Соединённых Штатов Америки. Д. Эйзенхауэр выехал в Европу для проведения консультаций с главами правительств западных стран о предстоящем визите Председателя Совета Министров СССР. Главы правительств западных стран в ходе состоявшихся консультаций высказались положительно по этому вопросу [5].

Подготовка к визиту

В Советском Союзе также тщательно готовились к визиту. Первый заместитель председателя Совета Министров СССР А. Микоян уговорил Н. С. Хрущёва взять с собой семью, объясняя ему, что простым американцам это понравится. Они действительно лучше относились к гостям, которые посещали их страну с жёнами и другими членами семьи. Не без колебаний Н. С. Хрущёв согласился, так как хотел в ходе посещения Америки продемонстрировать образ благожелательного и доступного для всех руководителя государства. Поехали жена Никиты Сергеевича Нина Петровна и трое их детей, о чём потом, во время снятия Н. С. Хрущёва со всех государственных постов, не забыли напомнить его противники. Продолжительные зарубежные поездки станут в 1964 г. одним из обвинений Н. С. Хрущёва.

Лидер советского государства соби­рался защищать свои взгляды, своё отно­шение к социализму и капитализму самым решительным образом. Для Н. С. Хрущёва было очень важно доказать преимущества советского образа жизни и достойно пред­ставлять СССР. Перед визитом Н. С. Хру­щёв не раз отмечал, что он хочет поехать в Соединённые Штаты как мирный человек с мирными намерениями.

Перед поездкой Н. С. Хрущёва в Со­единённые Штаты наметились опре­делённые сдвиги в лучшую сторону в отношениях между СССР и США. Разви­вались личные контакты государствен­ных деятелей, в частности, посещение США А. И. Микояном и Ф. Р. Козловым, а также визит вице-президента Р. Ник­сона в СССР. Большими событиями яви­лись и организация советской выставки в Нью-Йорке, и проведение американской выставки в Москве в 1959 г., которую по­сетили Н. С. Хрущёв с Р. Никсоном.

Состав делегации Советского Союза в Америку обсуждался самым тщатель­ным образом. Во время поездки по Со­единённым Штатам Америки в составе делегации были писатель М. А. Шолохов, министр иностранных дел А. А. Громыко (у Н. С. Хрущёва с ним были не совсем простые отношения), министр высшего и среднего образования В. П. Елютин. В составе делегации были дипломаты, про­фессора, актеры, писатели. В поездку взя­ли и главного редактора «Известий», зятя Н. С. Хрущёва А. Аджубея.

Во время посещения США Н. С. Хру­щёву предстояло неофициально встре­титься с Президентом США для обмена мнениями по проблемам, представляю­щим взаимный интерес для обеих стран. Лидер СССР должен был совершить по­ездки в города Вашингтон, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Де-Мойи, Питтсбург, встретится с пред­ставителями общественных кругов США, посетить американские промышленные и сельскохозяйственные предприятия, а также научные учреждения.

По личному распоряжению Н. С. Хру­щёва он и сопровождающие его лица в США отправились на межконтиненталь­ном лайнере ТУ-114, который способен был пролететь из Москвы до Вашингто­на без дозаправки. Тогда подобного пас­сажирского авиалайнера, сделанного на базе стратегического бомбардировщика ТУ-95, в мире ещё не было. Советский лидер очень хотел поразить американцев с первых минут своего пребывания на территории США. Беспосадочный пере­лёт как бы продолжал спор о преимуще­ствах той или другой общественной си­стемы. Н. С. Хрущёв с особой гордостью отправлял во время полета приветствия лидерам тех государств, над которыми пролетал советский авиалайнер.

Поездка Н. С. Хрущёва по Америке

Встречать в Вашингтоне советского лидера вышли свыше четверти миллиона американцев, собравшиеся вдоль пути из аэропорта в Белый дом. Люди стояли на крышах домов, на балконах, многие за­лезли на деревья. Радио Вашингтона зая­вило, что такого людского моря на улицах столицы США не было со дня праздни­ков окончания Второй мировой войны.

В Белом доме глава советского госу­дарства преподнёс лидеру США копию вымпела, направленного на Луну в ракете 12 сентября 1959 г. (подлинник вымпела находился на Луне), и золотой значок, из­готовленный в честь успешного запуска ракеты на Луну. Этим подарком Н. С. Хру­щёв недвусмысленно давал понять, что Советский Союз выиграл у Соединённых Штатов соревнование в космосе.

Вместе с подарками Д. Эйзенхауэр по­лучил послание, в котором говорилось: «Г-ну Дуайту Эйзенхауэру, Президенту Соединённых Штатов Америки. Имею честь вручить Вам, г-н Президент, в знак моего глубокого уважения к Вам копию вымпела, посланного на Луну в контейне­ре ракеты, запущенной 12 сентября 1959 г. Контейнер доставлен на Луну в 0 ч. 02 м. 24 сек. московского времени 14 сентября

1959 г. Подлинник вымпела находится в Луне. Прошу рассматривать этот подарок как символ стремления нашего народа к развитию мирных и дружественных отношений с вашим народом, с вашей великой страной – Соединенными Штатами Америки» [2, с. 58].

На встрече Н. С. Хрущёва с журналистами в Национальном клубе печати в Вашингтоне ему был задан вопрос: «Часто ссылаются на то, что на одном дипломатическом приёме Вы якобы сказали, что Вы нас закопаете в землю. Объясните, что Вы имели в виду» [2, с. 82]. Н. С. Хрущёв ответил: «Здесь, в этом зале, находится только маленькая частица американцев. Моей жизни не хватило бы, если бы я вздумал каждого из вас закапывать (Смех). Я действительно говорил об этом, но моё высказывание извратили сознательно. Речь шла не о каком-то физическом закапывании кого-то и когда-то, а об изменении общественного строя в историческом развитии общества. На смену капитализму, как доказывали Маркс, Энгельс и Ленин, придёт коммунизм. Мы в это верим... На приёме, о котором идёт речь, я сказал, что в историческом развитии и в историческом понимании капитализм будет похоронен, что коммунизм придёт на смену капитализму» [2, с. 83]. Вопрос к Н. С. Хрущёву был явно подготовлен и впоследствии стал одним из штампов «холодной войны», который очень часто применялся. Н. С. Хрущёв в своём ответе показал отменное знание учения Маркса. Поэтому высказывания типа «Мы вас закопаем» только для Запада были неприличны. А для советского лидера, который в любой области человеческой деятельности искал противостояние с другой общественной системой, это было вполне нормальным явлением.

Позднее, отчитываясь перед москвичами о своём визите в США, Н. С. Хрущёв вспомнил об этом вопросе: «В первой половине путешествия нам бросилось в глаза, что повторялась одна и та же пластинка. Ораторы утверждали, что

будто я когда-то сказал, что мы «похороним капиталистов». Вначале я терпеливо разъяснял, как это было в действительности сказано, что мы «похороним капитализм» в том смысле, что социализм придет неизбежно на смену этой отживающей свой век общественной формации так же, как в свое время на смену феодализму пришёл капитализм. В дальнейшем я увидел, что люди, которые настойчиво повторяют подобные вопросы, вовсе не нуждаются в разъяснениях. Они ставят цель – запугать коммунизмом людей, которые имеют очень смутное представление о том, что это такое. В городе Лос-Анджелесе на одном из приёмов, где мэр города, который не хуже других мэров, но менее дипломатично, опять начал говорить в таком духе, я был вынужден высказать своё отношение к этому. Я заявил, вы хотите мне организовать в каждом городе, на каждом собрании демонстрацию неприязни?.. Мне пришлось тогда вступить в дипломатические переговоры. Я попросил министра иностранных дел Громыко заявить представителю Президента г-ну Лоджу, что, если дело не будет исправлено, я не сочту возможным дальше продолжать свою поездку и должен буду вернуться в Вашингтон, а оттуда в Москву. Всё это оказало свое воздействие [2, с. 421-422].

Из Нью-Йорка лидер государства отправился на западное побережье США – в Лос-Анджелес и Сан-Франциско. В Лос-Анджелесе он посетил Голливуд. Многие знаменитые актёры считали за честь получить приглашение на приём с советским лидером. Прибыли Гэри Купер, Элизабет Тейлор, Фрэнк Синатра, Керк Дуглас, Ширли Макклейн и многие другие. Радио Лос-Анджелеса назвало этот приём самым большим в истории Америки собранием звёзд. К Голливуду Н. С. Хрущёв относился негативно, считая, что он уже не выпускает прогрессивных картин. Показанный артистами танец «Канкан» вызвал у него недоумение. Не обошлось и без скандала. По соображениям безопас-

ности был отменён запланированный визит Н. С. Хрущёва в Диснейленд, что привело советского лидера в ярость.

В Сан-Франциско Н. С. Хрущёва ужасно разочаровала встреча с профсоюзными лидерами Америки, которые почти три часа досаждали ему вопросам о Венгрии, о глушении радиостанции «Голос Америки» и т. п. Советский лидер долго терпел, но Рейтеру (вице-президенту АФТ-КПП) с нескрываемым раздражением ответил: «Вы родились среди рабочего класса, но говорите как представитель капиталистов. Когда Херст печатает подобные вещи, мне это понятно, но когда то же самое повторяет один из лидеров профсоюзов, я с горечью думаю, до чего же вас разложили монополисты» [1, с. 73-74]. Н. С. Хрущёву очень не нравилось, что Рейтер выступал за общеклассовый мир, что он устраивал забастовки в рамках дозволенного, что, по мнению Хрущёва, не могло поколебать американский капитализм. Хрущёв считал, что это противоречит марксистскому учению.

Из Калифорнии Н. С. Хрущёв отправился в штат Айова и в крупный промышленный центр Пенсильвании – город Питтсбург. Было много встреч и откровенных бесед. Н. С. Хрущёв знакомился с Америкой, произнося по две и более речи в день. Поездку руководителя советского государства освещали около пяти тысяч журналистов, что было в те годы невысланным рекордом.

В то время в советской стране стал очень популярным лозунг: «Догнать и перегнать Соединённые Штаты». В столице штата Айова в городе Де-Мойн Н. С. Хрущёв заявил: «Мы вызываем вас на соревнование в производстве мяса, молока, масла, товаров широкого потребления, машин, стали, нефти. В развитии нашей экономики мы догоняем вас, и недалеко то время, когда мы выйдем вперёд. Достоинства советской системы образования широко известны. Советские учёные, инженеры, техники поразили мир первыми искусственными спутниками Земли. Мы

гордимся, что русские слова «спутник» и «лунник» понятны во всем мире без перевода» [2, с. 303]. Н. С. Хрущёв вызывал американцев на экономическое соревнование двух различных систем, призывая отказаться от войн, так как глобальная конфронтация вошла в плоть и кровь обоих народов.

Через несколько дней после прилёта в Америку советский лидер выразил желание пообщаться с простыми американцами. Надо отдать должное организаторам поездки Н. С. Хрущёва. Белый дом незамедлительно отреагировал на его просьбу. Советский лидер посетил мясокомбинат, а потом, несмотря на сверхплотный график поездки по Соединённым Штатам Америки, сумел выкроить время на посещение в штате Айова фермера Рокуэла Гарста, который славился гибридами кукурузы.

Лидер советского государства отправился на столь любимые его сердцу кукурузные поля. Хрущёв не отрицал, что американцы умеют возделывать кукурузу. Особенно внимательно он ознакомился с посевами гибридной кукурузы, её силосованием, методами откорма мясного скота. «Царица полей» не давала покоя советскому лидеру, озабоченному неудачами отечественной сельскохозяйственной политики. Хозяйство фермера ему очень понравилось, и он не скрывал своего уважения к нему. Несмотря на то, что для Хрущёва социалистический способ производства был самым прогрессивным, он не отрицал, что капиталисты более рационально расходуют средства и более умело используют накопленный опыт. Он увидел, на что способно сельское хозяйство и всё больше убеждался в необходимости все полезное, накопленное капитализмом, переносить в социалистическое хозяйство. Впоследствии руководитель советского государства не отрицал, что посещение фермы Гарста окончательно убедило его начать широкомасштабное насаждение кукурузы в СССР.

Переговоры в Кэмп-Дэвиде

В Кэмп-Дэвиде, резиденции Президента США, начались переговоры между Д. Д. Эйзенхауэром и Н. С. Хрущёвым, которые шли довольно мучительно и трудно. Обсуждались германская проблема, вопрос о ядерных испытаниях, проблема разоружения.

Впоследствии в своих воспоминаниях Н. С. Хрущев отметил: «...моя встреча с президентом Д. Эйзенхауэром, когда мы оба высказались за разоружение, окончилась тем не менее ничем. Она оказалась малопродуктивной именно потому, что мы не смогли договориться о прекращении гонки вооружений» [4, с. 493]. В конце концов общий язык два лидера все же нашли. После завершения переговоров Н. С. Хрущёв выступил по американскому телевидению. Судя по этому выступлению, беседами с Д. Эйзенхауэром он остался доволен.

Проблема подписания мирного договора с Германией была главной в переговорах двух лидеров. Хрущёв пытался разъяснить свою позицию: «Нам иногда возражают, поскольку война велась против Германии, когда она была единственным государством, то и мирный договор можно заключить лишь после того, как Германия будет объединена. Но ведь хорошо известно, что сейчас реально существуют два германских государства, и каждое из них живёт по-своему. Ни то, ни другое не хочет отказаться от своего социального строя. Не заставлять же нас силой одно германское государство капитулировать перед другим! Не лучше ли без дальнейших проволочек заключить мирный договор с обоими германскими государствами и тем самым погасить искры в пепле, пока они не разгорелись в новый пожар?» [3, с. 480].

В Кэмп-Дэвиде советский лидер жёстко прессинговал американского президента по Берлинскому вопросу, совмещая обычную риторику с открытыми угрозами. Н. С. Хрущёв добивался от Д. Эйзен-

хауэра вывода войск США из Западного Берлина, включения Западного Берлина в состав ГДР или объявления Западного Берлина отдельным государством.

Но кавалерийские атаки на президента США не подействовали. Однако Н. С. Хрущёву удалось добиться включения в коммюнике важнейшего для того времени тезиса: «Все неурегулированные международные вопросы должны быть решены не путём применения силы, а мирными средствами, путём переговоров» [1, с. 94]. Таким образом, оба лидера государств отказывались от применения политики «с позиции силы».

Политика разрядки Н. С. Хрущёва, несмотря на все неурядицы, была продуктивной. Конкретных договоренностей по разрешению Берлинского кризиса достигнуто не было. Решили этот вопрос урегулировать на Парижской встрече в верхах. Благодаря своему напору, неумной убеждённости в правоте своей позиции, ставя перед американским лидером ультиматум по Берлину, он добился фактического признания Западом Германской Демократической Республики. Вряд ли Н. С. Хрущёв мог предполагать, что через 30 лет одно из германских государств откажется от своего социального строя и капитулирует перед другим германским государством. Как бы ни оценивали внешнюю политику советского руководителя, переговоры Н. С. Хрущёва в Кэмп-Дэвиде были вершиной его политики разрядки, которая, к сожалению, длилась недолго.

Н. С. Хрущёву удалось многого добиться. После многолетнего враждебного противостояния наступил хоть и непродолжительный, но доверительный период. Несмотря на то, что договоренностей лидеры двух государств не достигли, однако появилась возможность решать важнейшие международные проблемы за столом переговоров, а не угрозами и бряцанием оружия. Начались взаимные визиты, выставки достижений, а самое главное, стремление к переговорам для

урегулирования наиболее сложных международных проблем.

«Человеческое лицо коммунизма»

Н. С. Хрущёв вёл беседы в своей доходчивой манере с журналистами, с Президентом США, с простыми рабочими, разбирая важнейшие мировые проблемы. Он всем пытался разъяснить внесённое правительством СССР в ООН предложение о всеобщем и полном разоружении и строжайшем всеобъемлющем контроле. Н. С. Хрущёв очень надеялся, что и США, и СССР найдут правильный подход, чтобы решить проблему разоружения.

Перед самым отлётом в Москву Н. С. Хрущёв встретился с корреспондентами в Национальном клубе печати, где поделился своими впечатлениями от поездки: «Меня спрашивали повсюду, нравится ли мне ваш образ жизни? Мне, конечно, больше нравится наш образ жизни. Но я не хочу вас огорчать и откровенно скажу, что, независимо от различия в образе жизни наших стран, мы можем хорошо и с пользой для дела сотрудничать на международной арене. Ведь могли же мы иметь хорошие отношения в годы совместной борьбы против общего врага. И нет никаких непреодолимых преград для того, чтобы возродить и развить это сотрудничество и на поприще борьбы за мир» [3, с. 450–451].

Поездка Н. С. Хрущёва в Соединённые Штаты была действительно удивительной. Простые рядовые американцы, сбитые с толку пропагандой средств массовой информации, почти ничего не знали о Советском Союзе, порой считая СССР совершенно отсталой страной. И вот от энергичного, действительно живого руководителя государства они узнают, что советские люди первыми открыли секрет термоядерной реакции, первыми построили атомную электростанцию, первыми создали искусственный спутник Земли, первыми доставили ракету на Луну. Н. С. Хрущёв считал, что эти необыкновенные успехи Советского Союза

достигнуты, в первую очередь, благодаря эффективности, жизнеспособности социалистической системы.

Выступая по американскому телевидению, он со всей искренностью убеждал американцев: «Вы, надеюсь, поймёте меня, если скажу, что те впечатления, которые я получил здесь, и даже то, что мне у вас понравилось, не поколебали моих убеждений в том, что государственный, экономический и социальный уклад жизни в Советском Союзе является самым справедливым и прогрессивным» [3, с. 483]. Хрущёв всегда считал, что необходимо защищать свою позицию и достоинство её аргументировать. На протяжении всей поездки он при каждом удобном случае проповедовал марксизм и обличал капитализм. Недаром Хрущёва называют последним в должности главы КПСС коммунистом по убеждению.

Н. С. Хрущёв очень гордился приглашением посетить главную страну капиталистического мира, небезосновательно считая, что это приглашение входит в рамки мирного сосуществования, что этот акт являлся признанием того, что проводившаяся до этой поездки политика «отбрасывания» социалистической системы должна была уступить место политике мирного соревнования между двумя системами. Лидер советского государства воспринимал торжественный приём в Америке как признание первой державой капиталистического мира социалистического Советского Союза, как начало новой эпохи в советско-американских отношениях.

Н. С. Хрущёв побывал в штаб-квартире компании IBM, посетил супермаркет в Сан-Франциско. Советский руководитель постоянно стремился доказать преимущества социалистической системы хозяйства над «загнивающим» капитализмом. Даже если ему показывали то, что он впервые видел, он прилагал все усилия не проявлять свой восторг, объясняя американцам, что в СССР всё равно производят этот продукт лучше.

Но и Н. С. Хрущёва американцам удалось удивить. Посещая завод компании IBM, советский лидер был в восторге от столовой самообслуживания. Прилетев домой в СССР, он незамедлительно стал внедрять такую же систему питания. Н. С. Хрущёву понравились в Вашингтоне камеры хранения на вокзале. Понравились ему и автоматы с газировкой. Таких технических чудес в Советском Союзе ещё не было. Понравились Н. С. Хрущёву и хот-доги, и гамбургеры. После поездки Н. С. Хрущёва в Америку в Советском Союзе появились камеры хранения, автоматы с газировкой, столовые самообслуживания и ряд других новшеств. Кукуруза становится главнейшей сельскохозяйственной культурой в СССР.

Заключение

На Н. С. Хрущёва визит в Америку произвёл сильное впечатление. Советский лидер увидел американские заводы, увидел жилища американских людей. И всё же он остался жёстким догматиком, не допускающим отказа от постулатов марксизма. Но этот догматизм постепенно трансформировался в прагматизм. После поездки в главную страну капиталистического мира Н. С. Хрущёв старался постепенно воплотить и реализовать те достижения, с которыми он познакомился во время своей знаменитой поездки в США в 1959 г. Он по-прежнему оставался верен марксистской теории общественно-экономических формаций. И отказываться от неё никогда не собирался. Но брать всё лучшее, что создано для улучшения человеческой жизни (жильё, дороги, бытовое обслуживание и т. д.), он не отказывался. И в этом заслуга Хрущёва. Н. С. Хрущёв искренне считал, что в СССР хороший уровень жизни, поэтому попытки соблазнения советских людей прелестями буржуазного мира, по его мнению, не могут достигнуть своей цели.

Лидер советского государства стремился показать американцам «человеческое лицо коммунизма» и надо признаться – это ему удалось. Н. С. Хрущёв постоянно агитировал и убеждал американских граждан в своей правоте, и, что всем нравилось, не терялся ни при каких обстоятельствах. Искренность его речей не могли не вызвать к нему симпатий даже со стороны идеологических противников. Энергичный и порывистый лидер советского государства явно понравился и завоевал сердца простых американских граждан.

В США Н. С. Хрущёв находился с 15 по 27 сентября 1959 г. Прилетев 28 сентября в Москву, Н. С. Хрущёв прямо из Внуково отправился в Лужники, где во Дворце спорта встретился с москвичами. Митинг был посвящён поездке главы советского государства в США. Судя по его речи в Лужниках, Н. С. Хрущёв посчитал свою поездку в Америку очень важной, с существенными политическими успехами, и своё пребывание в Америке воспринимал как новую эпоху в отношениях СССР и США.

Несмотря на то, что Хрущёв не добился взаимопонимания в вопросах прекращения испытаний ядерного оружия и о всеобщем и полном разоружении, что ни одного соглашения два лидера не заключили, напряжённость между двумя странами явно снизилась. Д. Эйзенхауэр дал согласие на участие в конференции в Париже и на ответный визит в Москву, но сбитый американский шпионский самолёт U-2 повернул события в другую сторону. Оттепель в советско-американских отношениях была недолгой, но мирные переговоры не прошли бесследно. Когда в 1962 г. Карибский кризис подвёл мир к ядерному порогу, опыт встреч двух лидеров пригодился. СССР и США в эти страшные дни искали точки соприкосновения и не хотели войны.

Статья поступила в редакцию 26.11.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриневский О. А. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М. : Вагриус, 1998. 368 с.
2. Жить в мире и дружбе! : Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущёва в США : сборник. М. : Государственное издательство политической литературы, 1959. 446 с.
3. Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США. 15-27 сентября 1959 г. / под ред. М. А. Харламова., О. В. Вадеева. М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. 680 с.
4. Хрущёв Н. С. Воспоминания. М. : Вагриус, 1997. 512 с.
5. Эйзенхауэр закончил переговоры в Лондоне // Правда. 1959. 3 сентября.

REFERENCES

1. Grinevskij O. A. *Tysyacha i odin den' Nikity Sergeevicha* [One Thousand and One Day of Nikita Sergeevich]. Moscow, Vagrius Publ., 1998. 368 p.
2. *Zhit' v mire i družbe. Prebyvanie Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR N S. Hrushchyova v SSHA : sbornik* [Live in peace and friendship. Stay of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR NS Khrushchev in the United States. Collection of the articles]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1959. 446 p.
3. Harlamov M. ., Vadeev O., ex. ed. *Licom k licu s Amerikoj. Rasskaz o poezdke N. S. Hrushcheva v SSHA. 15-27 sentyabrya 1959 g.* [Face to face with America. A story about Nikita Khrushchev's visit to the USA. September 15-27, 1959]. Moscow, State publishing house of political literature Publ., 1960. 680 p.
4. Hrushchyov N. S. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Vagrius Publ., 1997. 512 p.
5. Eisenhower has finished negotiations in London. In: *Pravda* [The Truth] 03.09.1961.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Historical Sciences, Moscow Linguistic State University;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В. Н. Первый официальный визит главы Советского Союза в США: шаг на пути к взаимопониманию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 124–132.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-124-132

FOR CITATION

Gorlov V. The First Official Visit of the Head of the Soviet Union to the United States: a Step on the Path to Understanding. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 124–132.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-124-132

УДК 323.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-133-140

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФЕМИНИЗМ» В СССР: ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОГО (НЕ)РАВЕНСТВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Бобровская Е. В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Изучение феномена «государственного феминизма» в послереволюционной России и СССР – политике обеспечения правового равенства между женщинами и мужчинами.

Процедура и методы исследования. При проведении исследования использовались дескриптивный метод, гендерный и правовой анализ теоретического материала, исторических нормативных источников послереволюционной России и СССР в области обеспечения равноправия между женщинами и мужчинами.

Результаты. На основе проведённого исследования можно сделать вывод о том, что, несмотря на ряд важных достижений, политика «государственного феминизма» также привела к проблемам, которые открыли новые грани дискриминации женщин в послереволюционной России и СССР.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа помогает дополнить гендерные исследования советской России, а также получить представление о влиянии государственных решений в СССР в сфере обеспечения равноправия на современную феминистскую и международную правозащитную повестку.

Ключевые слова: феминизм, гендерное равенство, СССР, социализм, дискриминация, государственная политика

STATE-APPROVED FEMINISM IN THE USSR: PECULIARITIES OF GENDER (IN)EQUALITY IN SOVIET RUSSIA

E. Bobrovskaja

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Aim. To study the phenomenon of state-approved feminism as a gender equality policy in the post-revolution Russia and USSR.

Methodology. The methods of descriptive, gender and legal analysis were applied to study theoretical and historical normative sources on the problem of gender equality published in the post-revolution Russia and USSR.

Results. It is concluded that, despite some positive achievements, the policy of state-approved feminism led to new forms of discrimination against women in the post-revolution Russia and USSR.

Research Implications. The paper contributes new knowledge to the field of Soviet gender studies, shedding light on the influence of political decisions in USSR on the international gender equality and human rights policy.

Keywords: feminism, gender equality, USSR, socialism, discrimination, state policy

Введение

Опыт советской эпохи необходим современной России для осмысления своей истории, идентичности и места в мире. Российская Федерация как государство не только является формальной наследницей Советского Союза, но и уже не первое десятилетие предпринимает активные попытки в аккумулировании своего дореволюционного и советского опыта в направлениях символической политики и политики памяти. Многие государственные праздники, играющие сейчас важную роль во внутренней политике, – День Победы, День Труда, Международный женский день, День защитника Отечества и др. – перешли из Советского Союза в современную Россию и продолжают своё существование уже в обновлённом контексте.

Два популярных среди россиян праздника – Международный женский день (отмечаемый 8 марта) и День защитника Отечества (23 февраля) – носят ярко выраженный гендерный характер и отвечают как на современную международную повестку касательно гендерного равенства¹, так и на российскую повестку о традиционных семейных ценностях².

Современный дискурс о гендерном равенстве невозможен без учёта советского опыта. Социалистическая идеология СССР, на которую существенно повлияло дореволюционное женское движение, придавала особое значение женскому вопросу [2]. Так, женщины в СССР были вовлечены в общественно-политическую жизнь общества (занимали государственные посты), в экономику страны (были передовиками производства), а ряд фильмов советского кинема-

тографа сегодня мог бы успешно пройти феминистские тесты кинематографа на гендерную нейтральность. Но действительно ли был в Союзе провозглашенный Александрой Коллонтай «государственный феминизм»? На первый взгляд, позиция советского руководства относительно равноправия полов и репродуктивных прав в первые годы после революции была одной из самых прогрессивных в мире. Однако автор полагает, что советская политика в сфере выравнивания в правах женщин с мужчинами имела серьёзные недостатки, которые привели к новым виткам дискриминации женщин. При анализе политики женского вопроса в СССР берутся во внимание два её основных направления: репродуктивное и социально-политическое, описываются преимущества и недостатки каждого из них.

Семейная и репродуктивная политика в послереволюционной России

После революции 1917 г. в России было легализовано искусственное прерывание беременности³, максимально упростился процесс заключения и расторжения брака⁴. Законодательство отражало принципы актуальной на тот момент семейной идеологии, в рамках которой декларировалось стремление к

³ Об искусственном прерывании беременности: постановление НК здравоохранения и НК юстиции от 16(18).11.1920 // Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М.: Медгиз, 1958. 33 с.

⁴ Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния. от 18(31).12.1917 // Декреты Советской власти. Т. I. 25.10.1917. – 16.04.1918. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1957 // Электронная библиотека исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова : [сайт] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-18.htm> (дата обращения 24.02.2020); Декрет ВЦИК и СНК о расторжении брака от 16(29).12.1917 // Декреты Советской власти. Т. I. 25.11.1917 – 16.04.1918. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957 // Электронная библиотека исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова : [сайт] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-16.htm> (дата обращения 24.02.2020).

¹ Goal 5: Achieve gender equality and empower all women and girls // Sustainable development goals of United Nations : [сайт] URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/gender-equality> (дата обращения: 09.01.2020).

² Послание Президента Федеральному Собранию // Сайт Президента России : [сайт] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 09.01.2020).

равноправию женщин и мужчин как в профессиональной, так и семейной сферах, а также придание гласности ранее «стыдным» темам сексуальности и половой жизни.

К сожалению, ввиду частой нормативной неотрегулированности радикальных реформ возникают очаги хаотизации и роста преступности. И здесь государство оказывается перед выбором: продолжать реформы дальше, регулируя проблемные зоны и переживая «турбулентный период», или отменить нововведения. В период с 1920-х по 1930-е гг. российское государство столкнулось с проблемой роста преступности и насилия в сексуальной и репродуктивной сферах.

Прогрессивное для своего времени, но детально не продуманное законодательство в сфере либерализации института семьи, сексуальной жизни и репродуктивных прав женщин привело к росту насилия, в том числе сексуального, росту заболеваемости заболеваний, передающиеся половым путём (ЗППП) и росту числа аборт. Несмотря на то, что благодаря реформам создавались формальные новые институты, соответствующие им социальные нормы, закрепляющие понимание и использование новых прав и обязанностей, ещё не сформировались.

Патриархатные установки советских граждан в новых реалиях привели к новому витку дискриминации женщин. Существующая параллельно официальной советской идеологии гражданская ментальность включала в себя такие патриархатные дискриминационные практики, как сексуальная объективация женщин¹ (женщины как достояние советского народа, их обязанность удовлетворять потребность мужчин в «свободной комсо-

мольской любви» [8]), виктимблейминг², гендерное распределение обязанностей в семье, принуждение к сексу, домашнее насилие и т. д.). Данные практики, «невидимые» в рамках консервативной патриархатной системы, ввиду отсутствия регуляторов вылились в рост изнасилований, в том числе групповых, и появление практики сексуальной эксплуатации женщин. Идея «свободной комсомольской любви», которая должна была уравнивать в правах женщин и мужчин, в реальности привела к громким делам об изнасилованиях («чубаровское дело», «кореньковщина», «тюковщина» и др. [5, с. 233–236; 7]), что свидетельствовало о появлении нового витка эксплуатации женщин.

Первые годы реформ дали женщинам новые возможности, но при этом сохранили старые обязанности, изменённые на новый лад. В сознании рабочего класса, которое оставалось патриархатным, женской обязанностью по-прежнему считалось обслуживание мужчины. Понятие «супружеского долга» трансформировалось в обязанность женщины удовлетворить потребность мужчины в «свободной комсомольской любви». Массовое патриархатное сознание не признавало в раскрепощённой женщине самостоятельную личность. Оно видело в ней доступный объект для удовлетворения своих сексуальных потребностей без равноценных обязательств со своей стороны.

Наибольшую выгоду от либерализации брака получили молодые мужчины. Так, согласно данным переписи 1929 г., в Ленинграде молодые мужчины составляли 17% от всех разведённых граждан и лишь 10% от числа людей, состоящих в браке. Институт семьи потерял устой-

¹ Сексуальная объективация – термин феминистской теории, обозначающий процесс опредмечивания женщины и отождествления её с товаром, имеющим свою стоимость и назначение для удовлетворения потребностей покупателя (Что такое объективация? // ПостНаука: [сайт] URL: <https://postnauka.ru/faq/47807> (дата обращения: 09.01.2020)).

² Виктимблейминг (victim blaming) — термин феминистской теории, обозначающий обвинение жертвы преступления, сопровождающееся переносом ответственности за произошедшее на пострадавшую сторону (Виктимблейминг // Гендерный маршрут: URL: http://gender-route.org/glossarium/3/viktimblejming_victim_blaming (дата обращения: 09.01.2020)).

чивость: более 30% молодых семей распалось в течение трёх месяцев. При этом правом на развод в подавляющем числе пользовались мужчины: на долю их инициативы приходилось 70% разводов. Для сравнения: под давлением родителей распалось 20% семей, по обоюдному согласию – 7,5%, а по инициативе женщин – всего лишь 2% [5, с. 236].

Идеология «свободной комсомольской любви» и построения нового общества не включала в себя политику повышения сексуальной грамотности населения и доступной контрацепции. Печальная картина неустойчивости брачных союзов нового общества дополнялась растущим количеством абортов. Основным мотивом для искусственного прерывания беременности была бедность. Из-за материальной нужды отказалось от вынашивания ребёнка 60% женщин в Ленинграде и около 70% в других промышленных городах. Из них около половины прерывало свою первую беременность. 80% нежелающих рожать женщин были замужем. Согласно статистике разводов, беременность была частой причиной развода [5, с. 252]. В результате аборт, легальный и нелегальный, стал самым распространённым методом регулирования рождаемости, и оставался таковым до самого распада Советского Союза.

С приходом к власти И. В. Сталина репродуктивные свободы женщин были существенно ограничены. С 1936 г. были запрещены аборты, культивированные ранее «свободная любовь» и «свободная семья» были признаны аморальными, а не зарегистрировавшая официально брак семья не могла рассчитывать на поддержку со стороны государства¹. В результате

запрета абортов и введения уголовной ответственности за их проведение, широкое распространение получили криминальные аборты и самоаборты, что негативно сказалось на здоровье советских женщин. Показательна статистика смертей от аборта по отношению к общей материнской смертности: в 1935 г. – 26%, 1940 г. – 51%, начало 1950-х – более 70%². Росло число детоубийств, а одновременно с ним и число осуждённых женщин. Например, в первой половине 1936 г. в РСФСР 85% женщин из общего числа осужденных по этой статье получило реальный срок лишения свободы, из них 39% были осуждены на срок от 5 до 10 лет. С 1934 по 1940 гг. показатель доли убийства младенцев в городах России вырос с 5,8% до 14,3%³.

Таким образом, государственная политика, приведшая к высокой смертности женщин и детей, а также росту женщин-заключённых по репродуктивным статьям, реально не защищала права ни женщин, ни детей. На осознание этой политической ошибки советскому руководству потребовалось почти 20 лет. В результате искусственное прерывание беременности снова стало легальным.

Политические и гражданские права женщин в послереволюционной России

На заре советской России вместе с социалистической идеологией и новыми политическими институтами в жизнь страны вошли специальные объединения, занимающиеся исключительно женским вопросом – «женотделы», позже «женсоветы» [1]. Однако в связи с закреплением политических⁴ и гражданских

¹ Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // Консультант Плюс : [сайт] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

[cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#0687362076442896](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online?req=doc&base=ESU&n=4068#0687362076442896) (дата обращения: 24.02.2020).

² Сакевич В. И. Что было после запрета аборта в 1936 году // Демоскоп Weekly. 2005. № 221–222. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php> (дата обращения: 10.01.2020).

³ Там же.

⁴ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа 3(16) января 1918 г. // Электронная би-

прав женщин в законах послереволюционной России все независимые женские объединения попали под запрет¹. В создании «женсоветов» и «женотделов» ключевую роль играла политическая воля новой правящей элиты, а не самих активисток. Это впоследствии привело к тому, что женские объединения сфокусировали свою деятельность не на защите прав женщин, а на укреплении советской власти и идеологии. Сама же советская элита устранила независимые группы, для которых их интересы были в наибольшем приоритете, и взяла обязанность по защите прав женщин на себя.

С одной стороны, в трудовой сфере действительно были успехи в достижении гендерного равенства. С 1920-х гг. число женщин, работающих в производственной сфере, неуклонно росло. К 1970-ым гг. работающие женщины составляли половину всех трудящихся. При этом женщины в большинстве своём не останавливались на производственных достижениях, но и повышали свою квалификацию, получая образование. Так, среди работающих женщин одновременно получали образование 92% от общего числа работниц [3]. Однако в результате возврата к патриархальным нормам в репродуктивной сфере, вернувшимся в социально-политическую жизнь с приходом к власти И. В. Сталина, женщины получили двойную нагрузку – помимо трудовой и общественной деятельности на них легли «традиционные женские обязанности»: ведение домашних дел и воспитание детей. Данные социальные нормы сохранялись до самого распада Советского Союза.

В сфере политических прав ситуация тоже была двоякой. С одной стороны,

женщины действительно участвовали в политической жизни страны и были представлены как на местном уровне (в 1939 г. – 33,1%, в 1971 – 45,8), так и на общегосударственном (в Верховном Совете в 1952 г. – 26%, в 1970 – 31%) [4]. Но, с другой стороны, реальная включённость женщин в процесс принятия государственных решений была небольшой. Это было обусловлено тем, что ключевые политические позиции по-прежнему занимали мужчины, которые преобладали и количественно, и статусно. Так, в период 1966–67 гг. число женщин в главных политических структурах СССР было невелико и уменьшалось по мере роста статуса и ресурсности структуры: в общем составе КПСС – 20,9%, в Центральном комитете партии – 2,8%, полное отсутствие женщин в Политбюро и секретариате [3]. Из этого следует, что в реальности женщины как социальная группа имели мало влияния на политический курс. Они занимались ведением локальных вопросов и были исполнительницами уже принятых решений, но сама возможность внести насущные для них вопросы в повестку дня практически отсутствовала.

В итоге получается, что хотя права женщин формально и были закреплены в советском законодательстве, а идеологи провозглашали равноправие полов, действительность была иной. Проблема в том, что права женщин, как, собственно, и права человека в целом, заканчивались там, где начиналось расхождение с позицией КПСС. Решения по женскому вопросу принимались исходя не из интересов женских объединений, а из экономических и политических соображений руководства партии, даже если эти решения нарушали права женского населения Союза.

Советская идеология исходила из понятия обязанности и долга, а не права и свободы. Труд был не правом, а обязанностью каждого человека. В результате женщины получили не столько право работать, выбирать себе партнёра, ста-

библиотека исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова : [сайт] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/declarat.htm> (дата обращения: 25.02.2020).

¹ Декрет СНК РСФСР от 29.10.1917 «О восьмичасовом рабочем дне» // Законы и право : [сайт] URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=2123> (дата обращения 25.02.2020).

новиться матерью или отказаться от материнства, сколько новые обязанности. Обязанность трудиться во благо коллектива, выполнять общественно-значимую работу, рожать детей и заботиться о семье и муже. По сути, обязанность нести двойную нагрузку и отказываться от собственных потребностей в пользу общественных. Симптоматично звучат слова старого большевика А. Сольца, именуемого «совестью партии»: «В нашей жизни не может быть разрыва между личным и общественным... наша советская женщина не освобождена от той великой и почётной обязанности, которой наделила её природа: она мать, она родит.» [6, с. 44].

Таким образом, сама советская идеология по мере развития государства изменила своё видение женского вопроса, начиная с поддержки женской эмансипации и заканчивая возвращением к патриархатным установкам.

Результаты исследования

Проведённый анализ советской политики по обеспечению равноправия женщин и мужчин показал, что «государственный феминизм» в СССР был не так однозначен, каким он провозглашался Александрой Коллонтай. С одной стороны, советское государство действительно сделало большой вклад в развитие гендерного равенства: при большевиках женщины получили законные права получать профессиональное образование, работать по специальности, вносить вклад в экономическое развитие страны наравне с мужчинами. Было существенно либерализовано законодательство в сфере репродуктивных прав женщин: были разрешены процедуры по прерыванию беременности в государственных учреждениях здравоохранения не только по медицинским показаниям, но и по желанию обратившейся женщины.

Но, с другой стороны, нововведения советского руководства не решали ряд старых проблем, а реформы привели к возникновению новых вызовов. Дискри-

минация женщин перешла из институционального поля в неформальное. Появился конфликт между новыми правовыми нормами и старыми социальными нормами, где последние подвергаются изменениям гораздо сложнее и дольше, чем законы, и которые требуют от государства и общества тщательных мер в области информирования, образования и формирования новых социальных и культурных норм. В послереволюционной и советской России за изменения социальных норм отвечала государственная идеология. Однако основным выгодополучателем от государственной идеологии была политическая элита, а основной функцией государственной идеологии в условиях советского политического режима была легитимация и поддержка этого режима. В условиях властной несбалансированности между государством и обществом в СССР, где государственная идеология закрепляет подчиненность интересов общества интересам правящей партии, возможности для претворения идей феминизма в жизнь становятся очень ограниченными.

Заключение

После распада СССР гендерная повестка в России оживилась: появились женские организации и политические объединения, кризисные центры для женщин, в академической среде стали развиваться гендерные и феминистские исследования. Однако с приходом к власти В. В. Путина политическая элита постепенно стала формулировать консервативно-традиционалистский дискурс, предусматривающий традиционные ценности, гетеронормативность и патриархатность. В странах Европы и США же, наоборот, стала набирать силу феминистская повестка, охватывающая как социально-политический контекст, так и культурные практики. Гендерные исследования стали одними из перспективных направлений в международной гуманитарной науке.

Решения, которые были новаторскими в ранней советской России (например, на законодательном уровне закреплённые равные права женщин с мужчинами в трудовой и политической сферах, защита репродуктивных прав и свобод женщин), а также феминистская репрезентация женщин в советском искусстве, сегодня реализуются во многих развитых странах мира и считаются теми целями, к которым каждому государству необходимо стремиться для достижения гендерного равенства.

Сегодня, в условиях глобализации, где социально-политические и экономические вызовы могут быть решены только совместными усилиями мировых держав,

становится заметно, что гендерные проблемы тесно связаны с проблемами бедности, голода, плохой экологии, торговли людьми, мировой преступности. И без обращения специального внимания к правам женщин и девочек невозможно решить другие глобальные проблемы.

Одновременно с расширением гендерной повестки растут патриархальные и неопатриархальные идеологии, оказывающие сопротивление феминистскому дискурсу. Исследование конфликта между феминистским и неопатриархальным дискурсами послужит направлением дальнейшей научной работы автора.

Статья поступила в редакцию 13.04.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянова А. К. Первый Всероссийский съезд работниц. М. : Наука, 1999. 56 с.
2. Айвазова С. Г. Идеиные истоки женского движения в России // *Общественные науки и современность*. 1991. № 4. С. 125–133.
3. Айвазова С. Г. Гендерное равенство в контексте прав человека : пособие. М. : Эслан, 2001. 76 с.
4. Женщины мира в борьбе за социальный прогресс / отв. ред. Н. А. Ковальский. М. : Мысль, 1972. 381 с.
5. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М. : Новое Литературное Обозрение, 2015. 488 с.
6. Мирошниченко И. М., Стяжкина Е. В. Абортная политика в СССР в 1920-30-е годы: историография вопроса // *Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія. Політологія*. 2012. №. 3 С. 43–50.
7. Панин С. Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в советской России в 1920-е годы // *Вестник Евразии*. 2003. №. 4 С. 135–154.
8. Хлызова А. А. Образ «свободной женщины» как уникальный женский образ советской массовой культуры 1920-х гг. // В современном мире : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации». 2014. С. 133–135.

REFERENCES

1. Aver'yanova A. K. *Pervyj Vserossijskij s'ezd rabotnic* [First Russian Congress of Working Women]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 56 p.
2. Ajvazova S. G. [Ideological Origins of the Women's Movement in Russia]. In: *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 1991, no. 4, pp. 125–133.
3. Ajvazova S. G. *Gendernoe ravenstvo v kontekste prav cheloveka : posobie* [Gender Equality in the Context of Human Rights: Guide]. Moscow, Eslan Publ., 2001. 76 p.
4. Koval'skij N. A., ed. *Zhenshchiny mira v bor'be za social'nyj progress* [Women of the World and Their Struggle for Social Progress]. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 381 p.
5. Leбина N. *Covetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From War Communism to Big Style]. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozrenie, 2015. 488 p.
6. Miroshnichenko I. M., Styazhkina E. V. [Abortion Policy in the USSR in 1920-30s: Historiography of the Issue]. In: *Visnik Mariupol's'kogo derzhavnogo universitetu. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Bulletin of Mariupol State University. Series: History. Political Science], 2012, no. 3, pp. 43–50.

7. Panin S. E. ["Master of the City Streets." Hooliganism in Soviet Russia in the 1920s]. In: *Vestnik Evrazii* [Eurasia Bulletin], 2003, №. 4 С. 135–154.
8. Hlyzova A. A. [The Image of a "Free Woman" as a Unique Female Image of Soviet Mass Culture in the 1920s]. In: *V sovremennom mire : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Problemy massovoj kommunikacii* [In the Contemporary World: Proceedings of the Russian Scientific and Practical Conference. Mass communication], 2014, pp. 133–135.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бобровская Екатерина Владимировна – специалист по учебно-методической работе кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: dreaken@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Bobrovskaja – educational specialist of the State Governance Department, Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: dreaken@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бобровская Е. В. «Государственный феминизм» в СССР: особенности гендерного (не)равенства в советской России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 133–140.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-133-140

FOR CITATION

Bobrovskaya E. V. State-Approved Feminism in the USSR: Peculiarities of Gender (In)Equality in Soviet Russia. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 133–140.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-133-140

УДК 930.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-141-151

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ 1980–1990-Х ГГ.: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ

Маслов Д. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Целью является анализ некоторых вопросов теоретического характера, связанных с трансформацией сознания и поведения советского человека в условиях глубоких преобразований 1980–1990-х гг.

Процедура и методы. Приведён анализ взглядов отечественных и зарубежных исследователей, отражающих проблематику статьи. Применялись методы исследования: метод анализа (в т.ч. контент-анализ), диахронный метод, метод классификации, статистический и др.

Результаты. Сделаны выводы о значимости проанализированных аспектов трансформации советского человека под воздействием реформ.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён актуальный научный материал по исследуемой теме. Автором обоснованы подходы к решению ряда теоретических вопросов эволюции сознания и поведения советского человека в условиях реформ.

Ключевые слова: советский человек, теория, общество, реформы, периодизация

SOVIET MAN UNDER THE CONDITIONS OF THE REFORMS OF 1980–90: THEORETICAL ISSUES

D. Maslov*Moscow Region State University**24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyse theoretical issues related to transformation of the consciousness and behaviour of Soviet people under the conditions of massive reforms in 1980-90.

Methodology. The article analyses the views of Russian and foreign researchers on the problem under study using analytical (including content analysis), diachronic, classification and statistical methods.

Results. Conclusions are drawn about the significance of the analysed aspects of the transformation of Soviet people under the influence of reforms.

Research implications. The article generalizes the available scientific information on the topic under study. Approaches to solving a number of theoretical questions related to the evolution of the consciousness and behaviour of Soviet people under the conditions of reforms are substantiated.

Keywords: Soviet man, theory, society, reforms, periodization

Актуальность темы в контексте изучения реформ в современной отечественной истории

История человека на фоне реформ – едва ли не самый малоисследованный сюжет современной историографии. В полной мере это относится к ситуации с изучением преобразований в отечественной истории конца XX в. Данный пробел, отчасти восполняемый усилиями социологов, не может не привлечь также внимания историков, т.к. у последних свой интерес к этой проблеме. Связан он, прежде всего, с тем, что без понимания процессов, происходящих на уровне отдельного индивида, невозможно составить более полное и объективное представление о причинах, особенностях и результатах упомянутых реформ. По мнению современного исследователя, советский человек как социальный тип «стал важнейшим обстоятельством, блокирующим любые возможности изменений, трансформации социальных, политических или экономических отношений, а в настоящее время – и условием не просто консервации, а порой и воспроизводства сохранившихся тоталитарных институтов. Именно этот тип человека противостоит общественным силам или группам, декларирующим приверженность к более гуманным формам общества – либеральным» [14, с. 266]. Мысль небесспорная, но встречающаяся нередко.

Теоретические аспекты историографии (концептуальная составляющая)

В отечественной обществоведческой литературе последних лет можно выделить две группы работ по интересующей нас проблематике. Первую составляют публикации социологов, которые в силу общественной значимости результатов их исследований первыми приступили к разработке темы ещё в годы «перестройки», когда на уровне государственной власти усилился запрос на понимание происходящих процессов в обществе,

переживающем бурные перемены. И хотя на том этапе интерес удовлетворялся в основном за счёт результатов социологических опросов, были начаты и первые проектные исследования темы эволюции советского человека. Наиболее длительным (начат в 1989 г. и продолжался в 2000-е гг.) и масштабным является исследовательский проект ВЦИОМ (затем – Левада-центра) «Советский простой человек», материалы которого неоднократно и в разных формах презентовались общественности [5; 11; 17].

Вторая группа исследований относится к исторической науке и представлена в основном публикациями по истории повседневности [1; 7; 8; 13]. Данные публикации посвящены изучению отдельных сторон жизни и практик советского человека в условиях реформ, но не ставят перед собой задачи составить целостное представление об эволюции индивида в условиях реформ.

Зарубежный исследователь Клаус Гетства совсем недавно пришёл к выводу, что «невзирая на некоторые константы, способы мышления и образы жизни людей значительно менялись в потоке времени» и именно историки, по его мнению, призваны «дополнить эту картину» [3, с. 58] в отношении советского человека. Однако решение данной задачи связано с рядом трудностей, прежде всего теоретического характера, некоторым из них и посвящена данная статья. К таким проблемным вопросам можно отнести следующие: может ли советский человек рассматриваться как социальный тип? Существует ли периодизация процесса эволюции советского человека в условиях реформ? Каковы индикаторы эволюции человека от одного типа к другому? Ещё один, важный в теоретико-методологическом плане вопрос о селекции и репрезентативности источников по данной проблеме рассматривался автором в одной из недавних публикаций [12].

Начнём с научной правомерности выделения советского человека в особый со-

циальный тип. Даже в трудах советских обществоведов, введших в оборот эту категорию, содержались оговорки о невозможности подвести под «марку» советского человека всех живущих в СССР граждан. Известный в те годы исследователь данного вопроса Г. Л. Смирнов признавал, что «всякая попытка определить некоторые общие черты множества людей неизменно вызывает возражения. Однако ...никто из бравшихся за перо, чтобы писать о человеке, не ограничивался описанием лишь сугубо индивидуального, ... поскольку общее, типическое – в природе человека [16, с. 235]. Отвергая на словах нормативный подход к изучению советского человека как социального типа, Г. Л. Смирнов, как и большинство других советских обществоведов, фактически следовал именно такому подходу. Суть нормативного подхода в том, что в соответствии с ним принято выделять некие идеальные черты, которым такой человек должен соответствовать. К таким чертам упомянутый исследователь (как и многие его коллеги) относил приоритет общественных интересов над личными (оговаривая при этом, что личный интерес при социализме наиболее приближен к общественному); осознание труда на благо общества как высшего смысла жизни, способа утверждения собственного достоинства, развития своих способностей; принятие в качестве основных норм общения с другими людьми братства, коллективизма, интернационализма [16, с. 233].

Можно дискутировать, в какой мере данный набор черт советского человека соответствовал реальности. Начиная с периода горбачёвской «перестройки», он подвергся резкой и, как представляется, в чём-то чрезмерной критике. В пользу такого суждения свидетельствуют наблюдения автора данной статьи за тем, как уже в современной России отмечается явная ностальгия именно по перечисленным Смирновым ценностям, обширное представление о чём дают материалы соцсетей как вполне независимых источников.

В несветской и современной научной литературе единства в вопросе о выделении советского человека как типа нет. Представляется возможным выявить две группы подходов к проблеме выделения советского человека как особого типа.

Представителем первой группы можно считать А. А. Зиновьева, чьи труды по данной теме создавались ещё в советские годы. Этот до сих пор недооцененный у нас мыслитель ещё в 1970-е гг. отмечал условность категории «тип человека» в многомиллионном обществе, каковым являлось советское. Но и он не был против употребления данной категории в смысле наиболее часто встречающихся «комбинаторных возможностей» [9, с. 66]. Этим же исследователем и другими рассматривался и такой способ определения типа советского человека, как сравнение его с человеком западного общества. Такой подход к фиксации типических черт советского человека состоит в применении сравнительного метода, смысл которого в этом случае состоит в том, чтобы определить черты искомого типа через его сопоставление с другими социальными типами человека, прежде всего, с человеком западным. Логичным выглядит использование такого подхода российскими эмигрантами, получившими возможность изучить оба типа на практике.

Зиновьев рассматривает советского человека через призму законов коммуналности, т.е. в аспекте принадлежности индивидов к социальным объединениям и проявлением ими социальных качеств. Такой исследовательский приём позволяет достичь типологизации изучаемого в данном исследовании объекта, что предполагает отвлечение от тех его свойств, которые для нашего исследования не выступают в качестве существенных.

В одной из своих самых известных книг на эту тему Зиновьев даже ввёл ставший широкоупотребительным термин для обозначения советского человека как человека нового типа – «гомо советикус»

(1981) и даже не очень благозвучное «гомосос». Если попытаться представить собирательный образ человека данного типа по Зиновьеву, то может получиться примерно следующее. «Гомо советикус» (далее «ГС») в своей жизни руководствуется не убеждениями, а стереотипами поведения. Зиновьев развенчивал имевшее место на Западе представление о том, что советский человек – существо оболваненное и запуганное. Советский человек – существо наднациональное. «ГС» гибок, ситуативен, психологически и интеллектуально пластичен. Советский человек вовсе не отличается двоемыслием, как об этом принято думать на Западе (и, добавим, в современной России тоже. – Д. М.): этот человек – коммунист не в смысле веры в «марксистские сказки», а в том плане, что родившись и проживая в коммунистическом обществе, не мог не впитать в себя его черты. Ему присуща категоричность и априорность суждений. Отрыв от коллектива – самая большая потеря для «ГС». Советский человек не настолько ценит свободу, как об этом принято думать на Западе. «ГС» негативно относится к внутренней оппозиции в СССР, т.к. её представители, по мнению советского человека, хотя и улучшить свою жизнь за счёт других людей. Советский человек «приучен жить в сравнительно скверных условиях, готов встречать трудности, постоянно ожидает ещё худшего, покорен распоряжениям властей». «ГС» есть продукт приспособления к конкретным социальным условиям, его нельзя изучать и понять вне привычной ему социальной среды. Неверно, по Зиновьеву, рассматривать советского человека ни как нравственного, ни как безнравственного: он может быть тем и другим, смотря по обстоятельствам [10, с. 131, 151, 158, 172, 175, 183, 191, 202, 246, 268, 310–312].

В трудах А. А. Зиновьева, а также в известной книге П. Вайля и А. Гениса обращает на себя внимание подход, суть которого в том, что советский человек –

это, прежде всего, совокупность типичных предсказуемых реакций на те или иные ситуации. Предсказуемость таких реакций обусловлена тем, что, прожив длительное время в советском обществе, человек «впитывает» в своё сознание механизмы реагирования на происходящее вокруг него, даже если эти механизмы расходятся с его ценностями и идеалами. Это своеобразное поле идеологического воздействия А. А. Зиновьев обстоятельно описал в целом ряде своих книг. Человек подвергается такому воздействию независимо от своей воли и желания. И, что показательно, – в этом смысле советским является самый антисоветски настроенный и даже вырванный из привычной среды советского общества индивид. Зиновьев убедительно показал это на примере советской эмиграции доперестроечного времени. Как только в этой эмиграции складывались какие-либо группировки, они тут же начинали действовать вполне «по-советски»: здесь устанавливалась своя иерархия, выдвигались «вожди», разрабатывались некие программы достижения «всеобщего счастья»; проводились собрания, очень напоминавшие партийные; даже стиль общения поразительно напоминал соответствующие аналоги советского общества. Вайль и Генис (люди, отнюдь не восторгавшиеся советским строем) поведали, в свою очередь, о том, как в диссидентских сообществах в самом СССР составляли списки не только тех, кто поддерживал невинно осуждённых режимом, но и списки тех, кто отказался подписываться! Упомянутые авторы также пишут о выделении в диссидентской среде «звёзд инакомыслия»; о возникновении в ней иерархии, в рамках которой важно было не *что* написано, а кем написано [2, с. 213].

Специалисты Левада-центра хотя и оговорили, что есть сложности в идентификации советского человека (в т.ч. и связанные с источниками репрезентативной информации), все-таки также пришли к выводу о советском человеке как реаль-

но существовавшем и отчасти существующем и поныне типе. Приведём далее пространную цитату, отражающую их представления о сущности данного типа. Итак, советский человек – «человек, адаптировавшийся к репрессивному государству и научившийся жить с ним... Это человек, идентифицирующий себя с государством, имперский, но в то же время понимающий, что государство всё равно его обманывает, эксплуатирует, что это система насилия, и поэтому надо уходить от контроля. Это человек лукавый, двоемысленный, постоянно чрезвычайно настороженный, потому что вся жизнь его сопровождается системой принуждения и насилия, прошедший через невероятную ломку и мясорубку. Поэтому это довольно циничный человек, доверяющий только самым близким, с очень короткой дистанцией, недоверчивый, боящийся новых людей. И в то же время внутренне агрессивный, астеничный, не способный на длительные усилия, а готовый и склонный к такому импульсу, рывку. Чаще всего это, конечно, идеологическая проекция... Но по сути своей человек советский ориентирован исключительно на физическое выживание. То есть озабочен благополучием прежде всего своим, своей семьи, своих близких. Тут не возникает моральных отношений, если под моралью понимать то, что понимается европейской культурой... Это совершенно другая конструкция морали, которая неизвестна здесь у нас. По крайней мере, в массе это абсолютно не характерно. И для человека лукавого, лицемерного, советского никакой морали не возникает» [5]. Указывались также такие черты, как исключительность (представление о советском человеке как уникальном феномене), государственно-патерналистские устремления, эгалитаризм, имперскость [17, с. 13 и далее].

Вторая группа исследователей не приемлет самой возможности рассуждать о советском человеке как о каком-то особом типе. Упомянутый выше К. Гества

полагает, что большинство имеющихся сегодня текстов по данной теме «постулируют некий антропологический тип, вмняя при этом представление о его гомогенности, что не соответствует многообразию и открытости человеческого и общественного развития в СССР и его государств-наследников. Изучая вопрос глазами историка, Гества полагает, что само использование собирательного понятия «советский человек» «всегда составляет проблему для историка, потому что сокрытыми оказываются многообразие, текучесть и открытость общественного развития. Сколь бы фундированными эмпирически и выразительными литературно ни были исследования о homo sovieticus, связанному с ними пониманию общества и образу человека присущ редуccionизм и детерминизм» [3, с. 75].

По нашему мнению, согласиться с данным суждением можно лишь отчасти. Ведь сам факт длительного совместного проживания и взаимодействия больших групп людей не может не порождать определённого набора общих черт, которые и дают исследователям основание говорить о складывании социального типа личности. Естественно при этом, что каждый отдельно взятый представитель того или иного социального типа обладает набором специфических, присущих только ему или его социальной группе черт. Тем более это актуально для СССР (России), с разнообразием его населения. Вопрос, таким образом, не в том, могут ли существовать такие типы в принципе, а в том, к какому моменту оформляются их основные черты, как и под влиянием чего они трансформируются в дальнейшем.

Тем самым мы выходим на ещё один вопрос, связанный с дискуссиями о советском человеке – это проблема периодизации процесса эволюции данного социального типа, соотношение этой периодизации с периодизацией реформ в целом.

От «*homo soveticus*» к «*homo economicus*»: этапы трансформации

В советском общественном сознании эти варианты периодизации в целом отождествлялись [16]. При таком подходе очередной этап в историческом развитии советского общества являлся одновременно и вехой в эволюции советского человека, обретении им новых черт и качеств, формируемых под влиянием изменения общественных условий. Хотя при этом и делались оговорки о некотором отставании общественного сознания граждан от их общественного бытия, они всё же рассматривались в русле концепции пережитков «проклятого капиталистического прошлого».

С позиций современного общественно-научного подхода такой подход представляется явно недостаточным. Источники личного происхождения свидетельствуют, что, во-первых, трансформация сознания советского человека в сторону ценностей информационного общества началась до 1985 г. [см., напр.: 18, с. 578-584]. Старт этой трансформации определялся многими факторами и не может быть привязан лишь к приходу к власти горбачевской команды реформаторов.

Во-вторых, рубеж 1991 г., которым обычно обозначают завершение горбачевской «перестройки», также не является сколько-нибудь показательным для эволюции сознания советского человека. Произошедший в том году распад СССР (как самое знаковое событие года) лишь в последующие годы стал восприниматься многими как общественная и личная драма. Непосредственно в момент распада (декабрь 1991 г.) многие люди восприняли созданное СНГ как вариант продолжения СССР, либо, задавленные грузом сиюминутных проблем, просто были не в состоянии реагировать на события, выходящие за рамки их непосредственного социального кругозора. При этом гораздо большее значение советские люди придавали вопросам своей адаптации к

неумолимо надвигающимся рыночным отношениям, т.е., говоря проще, удовлетворению базовых потребностей. А такая адаптация началась ещё до вступления России в январе 1992 г. в стадию рыночных реформ. О завершении же процесса адаптации россиян к рыночным отношениям говорить не приходится и до сих пор. И это несмотря на то, что Россия уже почти тридцать лет живёт в условиях рынка. Естественно, что число россиян, приспособившихся или даже преуспевающих в рыночной среде, постоянно растёт. О примерах успешных индивидуальных траекторий сегодня говорят и пишут исследователи [6, с. 91-125]. Вопрос в том, насколько велик процент таких граждан в общей массе россиян? Кроме того, при выявлении результатов трансформации мы сталкиваемся с парадоксом, суть которого в том, что даже вполне адаптировавшиеся к рынку индивиды продолжают мыслить патерналистскими категориями. Немалая часть тех, кто в целом вписался в рынок, по наблюдениям автора, сожалеет об ослаблении государства в 1990-е гг., упрекает государство в отсутствии поддержки и т. п. [15, с. 70].

Специалисты Левада-центра с середины 1990-х гг. поставили под сомнение собственный же более ранний вывод о завершении трансформации советского человека из «*homo soveticus*» в направлении «*homo economicus*» и эмпирически неоднократно фиксировали сохранение основных черт советского человека в современном россияnine [11].

Таким образом, периодизация эволюции человека под воздействием реформ не может полностью совпадать с периодизацией самих реформ в силу разной скорости протекания и различия в характере данных процессов. В отличие от периодизации реформ, для которой, как правило, находятся достаточно яркие события в качестве хронологических рубежей, такого же рода факты применительно к общественному сознанию для периода «перестройки» едва ли можно назвать.

Так перед исследователями встаёт вопрос о социальных фактах – индикаторах завершенности процесса социальной эволюции.

От «homo soveticus» к «homo economicus»: постановка проблемы индикации процесса

Эту проблему по-своему ставили ещё советские обществоведы. Они шли «от обратного», обнаруживая в советском человеке несовместимые с коммунистическими черты. Их сохранение объяснялось как неизбежным отставанием общественного сознания от общественного бытия, так и тем, что известно в литературе под заголовком «родимые пятна», «пережитки» досоветского прошлого [16, с. 303]. Но если советские обществоведы исходили из необходимости и возможности преодоления таких пережитков, то современная наука рассматривает их как комплекс поведенческих реакций, частично действительно изживаемых, а частично в преобразованном виде обнаруживаемых в человеке нового типа.

Применительно к советскому человеку это означает, что переход от «homo soveticus» к «homo economicus» и не мог означать полное отрицание черт советского человека. Хотя именно этого, судя по всему, ожидала некоторая часть нашей интеллектуальной элиты. Иначе чем объяснить удивление исследователей Левада-центра в 1990-е гг., вопреки своим ожиданиям обнаруживших, что советский человек «скорее жив, чем мертв» [11]. Таким образом, вопрос состоит не в том, чтобы дождаться того момента, когда от советского человека в россиянина ничего не останется (это невозможно), а в том, чтобы придать статус научных тем фактам нашей современной социальной жизни, которые означают определённый перелом в сознании и поведении россиянина в пользу новых ценностей. Несмотря на свою известность, эти факты не стали предметом исследовательского внимания (в интересующем нас аспекте) – в силу, прежде всего, методоло-

гической неразработанности вопроса. До сих пор индикация эволюции советского человека в условиях реформ конца XX в. строится на данных соцопросов, в целом на использовании инструментария социологической науки. При этом сами же социологи справедливо отмечают изъяны данной методологии. Достаточно упомянуть хотя бы то, что мнения людей об одном и том же предмете их собственной жизни со временем подвержены изменениям и отражают порой не само событие этой жизни, а его восприятие в зависимости от изменения текущей ситуации. Сказанное, конечно, не означает сомнения в необходимости использования социологических методов. Однако в данной статье автор хочет обратить внимание на индикаторы эволюции сознания и поведения советского человека, которые объективны по своей природе.

Учитывая, что переход к «homo economicus» предполагает прежде всего адаптацию к жизни в рыночной среде, представляется, что такими индикаторами могут считаться показатели деловой активности населения, в целом не характерные для советского человека и проявлявшиеся до «перестройки» нередко в нелегальных и полулегальных формах.

Полагаем, что в данном случае считать надо не только численность предпринимателей в современной России. Во-первых, потому, что понятие деловой активности шире предпринимательства. Во-вторых, ясно, что даже в обществах с давними традициями рыночных отношений далеко не все являются бизнесменами. При этом собственно предпринимателей в России, по одним данным 2010 г., насчитывалось около 6 млн. человек (6,63% всего трудоспособного населения). Но показательно, что по состоянию на 2012 г. в российской экономике насчитывалось 23,5 млн. человек, занятых неизвестными для государства видами экономической деятельности [4, с. 84–86]. Т.е. фактически речь идёт о тех, кто сумел найти какую-то нишу (в подавляющем большинстве в сфере услуг)

и обеспечивал себя самостоятельно, без участия государства, а зачастую и втайне от него. Это треть трудоспособного населения! Понятно, что многие из этих граждан едва ли сумели заметно разбогатеть, но для нашей темы важно то, что немалая их часть без «подсказки» (а нередко и вопреки политике государства) сумела занять некую нишу, гарантирующую определённый уровень материальной обеспеченности. К тому же едва ли возможно было ожидать, что большая часть россиян выбьется в олигархи.

Ещё один индикатор перехода от «homo soveticus» к «homo economicus» можно обнаружить в практически неоспариваемом факте складывания в современной России общества потребления. Активное освоение россиянами роли потребителей немало критикуется частью нашей интеллектуальной элиты за отход от наших традиционных ценностей, но сама эта критика (независимо от того, как её воспринимать) и есть очевидное доказательство адаптации к рынку всё большей части россиян. А тот факт, что данное явление в большей степени относится к молодёжи, свидетельствует о закреплении тенденции на будущее.

В литературе обращается внимание и на такой вполне очевидный индикатор трансформации советского человека, как изменение трудовой этики. Все большее число россиян (нередко в нарушение трудового законодательства) переходят на более продолжительный режим рабочего дня [4, с. 205–207]. Безусловно, в этом есть и элемент вынужденности в условиях невысоких зарплат. Но подобная трудовая этика характерна и для немалого числа тех, кто уже обеспечил себе вполне приемлемый материальный уровень. Таким образом, в российском обществе укрепляется осознание того, что именно от собственных трудовых усилий зависит уровень индивидуального благосостояния. Конечно, подобный «трудоголизм» зачастую негативно сказывается на здоровье граждан, снижает планку их духов-

ных запросов, обедняет досуг и т. д. Но в контексте нашей темы важно, что такое явление существует объективно. Впрочем, в данном случае проявляется и рецидив прежнего отношения к труду. Суть его в том, что часть граждан, имеющая возможность заработать больше, предпочитает этого не делать, сохраняя за собой дополнительные варианты более «приятного» времяпровождения.

Таким образом, задача не состоит в том, чтобы обнаружить как можно больше подобных индикаторов трансформации «homo soveticus» в «homo economicus». Необходимо более внимательно отнестись к уже известным и общепризнанным фактам нашей жизни, которые при методологически правильном подходе к ним позволяют обнаружить значимые тенденции эволюции советского человека.

Заключение

Перейдём к выводам. Проведенный анализ даёт основания признать возможным использование в научной литературе категории «советский человек» для обозначения особого социального типа. При этом более перспективным представляется не нормативный подход к определению сущности данного типа, а подход, в соответствии с которым советский человек рассматривается через совокупность поведенческих реакций на типичные социальные ситуации.

Также в статье установлено, что периодизация процесса эволюции советского человека в условиях реформ не может полностью совпадать с периодизацией самих реформ. Предложенные в статье индикаторы хода процесса социальной эволюции советского человека представлены в порядке дискуссии, в процессе которой могут быть приведены и иные показатели эволюции советского человека. Данный перечень (как и любой другой) не может, естественно, считаться закрытым.

Статья поступила в редакцию 21.05.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Беловинский Л. В. Повседневная жизнь человека советской эпохи. Предметный мир и социальное пространство. М.: Академический проект; Трикста, 2017. 704 с.
2. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ: Corpus, 2018. 432 с.
3. Гества К. Советский человек. История одного собирательного понятия // Вестник общественного мнения. 2018. № 1-2. С. 58–75.
4. Горянин А., Ягодинцев Д. Бог любит Россию. Великие годы 1989–2014. Преодоление утопии. М.: Рипол-классик, 2016. 256 с.
5. Гудков Л. Д. Для советского человека никакой морали не существует [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2016/04/11/pochemu-v-sovremennoj-rossii-voisproizvoditsya-sovetskij-tip-cheloveka/> (дата обращения 24.04.2019).
6. Девяностые – годы тягот, надежд и свершений / сост. Е. Г. Ясин; отв. ред. Н. М. Плискевич. М.: Социум, 2019. 508 с.
7. Захарченко А. В., Кирдяшев М. С., Панкеева К. В. На заре «эпохи 1990-х»: общественные настроения жителей Куйбышевской области в 1990–1991 гг. в контексте социальной истории России // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 263–270.
8. Захарченко А. В. Отражение повседневных практик в общественных настроениях 1990-х гг. (на материалах Самарской области) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20. № 3 (2). С. 378–381.
9. Зиновьев А. А. Затея. М.: Центрполиграф, 2000. 555 с.
10. Зиновьев А. А. Мой дом – моя чужбина. Гомо советикус. М., 1991. 320 с.
11. Левада Ю. А. Сочинения: проблема человека. М.: Издатель Карпов Е. В., 2011. 526 с.
12. Маслов Д. В. Человек и реформы в современной отечественной истории (к проблеме репрезентативности источников личного происхождения) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 73–85.
13. Никифоров Ю. С., Сироткин Я. Н. Жалобы советских граждан как культурный феномен эпохи позднего социализма // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4 (19). С. 216–221.
14. Рагозин С. А. «Человек советский» в условиях трансформации современного российского общества // Master`s journal. 2015. № 2. С. 262–276.
15. Сергеева А. В. Русские: как мы изменились за 20 лет? М.: Флинта; Наука, 2015. 432 с.
16. Смирнов Г. Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М.: Политиздат, 1973. 415 с.
17. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 1990-х годов / Ю. А. Левада (рук. авт. колл.), А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, А. Г. Левинсон, Л. А. Седов. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.
18. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. Т. 4: 1917–1991 гг. / под ред. В. В. Журавлева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 671 с.

REFERENCES

1. Belovinsky L. V. *Povsednevnyaya zhizn' cheloveka sovetskoi epokhi. Predmetnyi mir i sotsial'noe prostranstvo* [Everyday life in the Soviet era. Objects world and social space]. Moscow, Academic project, Trixta Publ., 2017. 704 p.
2. Vayl P., Genis A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [60's. The world of the Soviet man]. Moscow, AST, Corpus Publ., 2018. 432 p.
3. Gestva K. [Soviet man. History of a collective concept]. In: *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of public opinion], 2018, no. 1-2, pp. 58–75.
4. Goryanin A., Yagodintsev D. *Bog lyubit Rossiyu. Velikie gody 1989–2014. Preodolenie utopii* [God loves Russia. The great years 1989–2014. Overcoming utopia]. Moscow, Ripol Classic Publishing House Publ., 2016. 256 p.
5. Gudkov L. D. *Dlya sovetskogo cheloveka nikakoi morali ne sushchestvuet* [For the Soviet man no morality exists]. Available at: <https://www.levada.ru/2016/04/11/pochemu-v-sovremennoj-rossii-voisproizvoditsya-sovetskij-tip-cheloveka/> (accessed: 24.04.2019).
6. Yasin E. G., comp.; Pliskevich N. M., ed. *Devyanostye – gody tyagot, nadezhd i svershenii* [Nineties - years of hardships, hopes and achievements]. Moscow, Socium Publ., 2019. 508 p.

7. Zakharchenko A.V., Kiryashev M.S., Pankeeva K.V. At the dawn of the «epoch of the 1990s»: public attitudes of the Kuibyshev region residents in 1990–1991 in the context of the social history of Russia. In: *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara scientific bulletin], 2018, vol. 7, no. 4 (25), pp. 263–270.
8. Zakharchenko A.V. [Reflection of everyday practices in public attitudes in the 1990s (based on the studies of the Samara region)]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 20, no. 3 (2), pp. 378–381.
9. Zinoviev A. A. *Zateya* [The idea]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2000. 555 p.
10. Zinoviev A. A. *Moi dom – moya chuzhbina. Gomo soveticus* [My home – my foreign land. Homo Sovieticus]. Moscow, 1991. 320 p.
11. Levada Y. A. *Sochineniya: problema cheloveka* [Essays: the problem of man]. Moscow, Publisher Karpov E.V. Publ., 2011. 526 p.
12. Maslov D.V. [Man and reforms in modern Russian history (on the problem of representativeness of sources of personal origin)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political science], 2019, no. 4, pp. 73–85.
13. Nikiforov Y.S., Sirotkin Y.N. Complaints of Soviet citizens as a cultural phenomenon of the late socialism era. In: *Verkhnevolzhsky philological bulletin* [Verkhnevolzhsky philological bulletin], 2019, no. 4 (19), pp. 216–221.
14. Ragozin S. A. [«The Soviet Man» in the conditions of transformation of modern Russian society]. In: *Master's journal*, 2015, no. 2, pp. 262–276.
15. Sergeeva A.V. *Russkie: kak my izmenilis' za 20 let?* [Russians: how have we changed in 20 years?]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2015. 432 p.
16. Smirnov G. L. *Sovetskii chelovek. Formirovanie sotsialisticheskogo tipa lichnosti* [The Soviet man. The formation of a socialist type of personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1973. 415 p.
17. Levada Y. A. (head), Golov A. A., Grazhdankin A. I., Gudkov L. D., Dubin B. V., Levinson A. G., Sedov L. A. *Sovetskii prostoi chelovek. Opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 1990-h godov* [Soviet common man. A social portrait at the turn of the 1990s]. Moscow, World Ocean Publ., 1993. 300 p.
18. Zhuravlev V. V., ed. *Reformy v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa KhKh v. : v 4 t. T. 4: 1917–1991 gg.* [Reforms in Russia from ancient times to the end of the twentieth century: in 4 vol. Vol. 4: 1917–1991]. Moscow, Political encyclopedia Publ., 2016. 671 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: Проект «От советского человека к россиянину: реформы и социальная эволюция индивида (сер. 1980-х – 1990-е гг.)», № 18-09-00063а.

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for fundamental research: Project “From Soviet Man to the Russian: Reforms and the Social Evolution of the Individual (mid-1980s – 1990s)”, no. 18-09-00063a.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitriy V. Maslov – Dr. Sci. (History), senior lecturer, Professor, Department of Russian Contemporary History, Moscow Region State University;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маслов Д. В. Советский человек в условиях реформ 1980–1990-х гг.: теоретические вопросы изучения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 141–151.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-141-151

FOR CITATION

Maslov D. V. Soviet Man Under the Conditions of the Reforms of 1980–90: Theoretical Issues. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 141–151.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-141-151

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-152-161

О СУВЕРЕНИТЕТЕ ГОСУДАРСТВА

Гарольд Ласки

Аннотация. В эпоху современного цифрового общества и роста влияния Интернета на экономику, политику и жизнь практически каждого человека, когда ставится под вопрос роль и функции самого института государства, работа британского политолога и политического теоретика Гарольда Ласки «Исследование проблемы суверенитета» приобретает особую актуальность. Учёный считает, что понять суверенитет государства можно не в его инструментальной области принуждения, а в «объединяющей доброй воле, за которую он выступает». На основании этого Ласки пронизательно замечает, что закон – это результат согласия, устраивающий всех, а не какой-то приказ. Британский теоретик близко подходит к современной политологической теории легитимности, утверждая, что воля государства всегда конкурирует с иными волями и превалирует над ними до тех пор, пока получает всеобщее признание и сохраняет способность адаптации к окружающей среде.

Перевод выполнил Я. Ю. Моисеенко, младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, с текста оригинального издания: *Laski H. Studies in the Problem of Sovereignty. New Haven: Yale University Press. 1917. P. 1–18.*

Ключевые слова: Г. Ласки, история политологии, институционализм в политологии, английская политологическая школа, государство, суверенитет, граждане, согласие, признание

ON THE SOVEREIGNTY OF THE STATE

Harold Joseph Laski

Abstract. Today, when the emerging digital society is reshaping all economic and political dimensions thus affecting the life of citizens, and when the role and functions of state institutions are seriously questioned, the work of the British political scientist and political theorist Harold Joseph Laski "Studies in the problem of sovereignty" acquires a particular significance. The scholar believes that the sovereignty of the state should not be viewed in terms of coercion mechanisms, but rather as "the fused good will for which it stands". On this basis, Laski shrewdly notes that the law is the result of consent that suits everyone, rather than some kind of command. The British thinker comes close to the modern political theory of legitimacy, arguing that the will of the state always competes with other wills and prevails over them as long as it gains universal acceptance and retains "the ability to cope with its environment".

The translation was performed by Ya. Yu. Moiseenko, Junior Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, from the text of the original edition: *Laski H. Studies in the Problem of Sovereignty. New Haven: Yale University Press. 1917. P. 1-18.*

Keywords: H. Laski, Political science history, institutionalism in political science, british political science state, sovereignty, citizens, consent, recognition

Глава 1 Суверенитет государства¹

Учитывая весь наш пиетет перед фигурой Гегеля, мы просто не можем устоять перед соблазном, что побуждает нас мыслить наше Государство как прообраз *единства*. И этот соблазн овладевает нами целиком: вплоть до того, что любое сообщество видится нами как проводник для воплощения *его* идеи; реальность бытия этого сообщества проистекает из суверенности государства, поскольку не будь оной, любое сообщество утратило бы основания для своего существования. Добродетельная природа всякого сообщества людей зиждется на одной лишь тени *его* могущественного присутствия. Лишь Государство как *единство* понастоящему *есть*, тогда как всё остальное существует лишь в той степени, в которой Государство и его Суверенитет подразумевает их наличие. Америка – *едина*, включает в себя – «подразумевает за собой», если следовать за знаменитым изречением Джеймса – составляющие её штаты. Лишь вместе с её Государством они становятся *целым* – единым и неделимым. Каждому элементу предначертано своё место в нём, отведена своя функция внутри чего-то великого, что мы называем ещё *целым* (*The Whole*), и это *оно* наделяет их жизнью. Данная связь элементов с *целым* имеет принципиальное значение; в противном случае, мы получили бы, что м-р Брэдли называл «множеством самостоятельных вещей», и что в момент разрушило бы предписанное нам единство.

О том, какой немалый путь проделала мысль о *единстве*, прежде чем она достигла своих зияющих высот, можно написать очень долгую историю. Если говорить только о Средних веках, то необходимо упомянуть Данте Алигьери и его понятие «совершенного единства» (*maxime unum*) как «совершенного добра» (*maxime bonum*); однако мы не посмеем перерисо-

вывать картину его мироздания, которое является *единым*, потому что его закон един, равно как и его дух. Папа Римский Григорий VII скажет нам, что Государство должно быть поглощено церковью; ему вторит и понтифик Бонифаций VIII – возможно, он обратится в мыслях к Фоме Аквинскому, подбирая нужную цитату, но в итоге всё равно объявит ересь о дуализме Государства и Церкви, а вслед за этим – выступит с претензией уже на мировое господство. «Число два – от Лукавого (*binarius numerus infamis*); – ведь так писал Аквинский; таким образом, Папа должен иметь всю «полноту власти» (*plenitudo potestatis*), а император быть «неподвластным законам» (*legibus solutus*). Так будет воплощён их замысел о *единстве*, и они вознесутся над теми неудобствами, что неизбежно сопряжены с любым изменчивым разнообразием и множественным выбором.

Средневековый мыслитель создаёт целые миры; с эпохой Ренессанса же рождается национальное государство. Однако меняется только перспектива, проблема же монистической редукции всё также остаётся. С проблемой того, как создать «некое единство» из чего-то совсем разрозненного, несомненно, столкнулся Генрих VIII, когда он объявил английское королевство империей; ибо, если королевство способно дорасти до империи, то, значит, его король – Император, и у него есть всё, чтобы повелевать непокорными канцлерами, которые тщетно уповают на старые порядки. То же самое испытал и Стюарт. Он ошибся с тем, что в основании тюдоровского престола лежит народ, и счёл свой фактический суверенитет теоретически обоснованным. Он настаивал, что его суверенитет – божественный по праву. Как и Ричард II, он полагал, что он сам себе закон; в то время как Джордж Хайкс будет торжественно проповедовать праведность Стюарта, исповедуя максимуму непротiwления: «не судите, да не судимы будете».

Все эти истории кажутся отзвуком далёкого прошлого; но на самом деле – они

¹ Доклад представлен на Четвёртой конференции по социальной философии и философии права в Колумбийском Университете 27 ноября 1915 года.

всё ещё близки нам. В наши дни было бы правильно называть политикой поиск социального единства. Какие проблемы мы бы ни рассматривали по этому фундаментальному вопросу, в результате, мы всегда будем обращены в прошлое. До какой степени и в каком вообще смысле наше общество *едино*? До какой степени интересы «Целого» (*the Whole*), монистические интересы, превалируют над интересами тех «Многих» (*the Many*), что его составляют? Этот вопрос является фундаментальным, а поэтому – о чём свидетельствует диалог «Парменид» – он удивительно тонок и сложен. Я думаю, мы всё же обнаружим, что есть один лучший метод рассмотрения нашей проблемы. Предположим, что, с одной стороны, мы принимаем монистическое решение, так какое конкретное изменение сей выбор привнесёт в нашу политическую реальность? Если же мы останемся плюралистами, как это повлияет на нашу политическую жизнь? Короче говоря, каковы же последствия принятия тех или иных решений? Именно их оценка поможет нам наконец-то добраться до истины.

И вначале отметим, что в нашей политической традиции мы склонны принимать своего рода «мистический монизм» как истинный путь мышления. Мы представляем Государство как обширную серию концентрических кругов, каждый из которых покрывает следующий, по мере того, как мы движемся от индивида к семье, от семьи – к деревне, от деревни – к городу, к округу, а оттуда уже – во всеохватывающее Государство. Мы говорим об «Англии», «Греции» или «Риме» как о неких самостоятельных силах, превосходящих в своей мощи простых мужчин и женщин, которые составляют их народы. Мы «персонализируем», тем самым, коллективы, сообщества людей. «Рома, – пишет лорд Брайс, – пожертвовала своей свободой, чтобы стать чьей-то любовницей». Вот он, Рим, превосходящий своих граждан: женщина, ужасная в аскезе своего стремления пожертвовать собой.

Ясно, что признание за Государством некой «реальной личности» – это во многом вынужденный шаг, и мы не можем этому сопротивляться. Но эта привычка присуща нам и в другом. Для американца Нью-Йорк – личность не менее реальная, чем Республика. Для судовладельца корпорация *Lloyds* – это не просто сумма индивидуальных страховщиков. Стоит нам взять любую группу людей, ведущих совместную жизнь, которым можно приписать какое-то духовное родство, как нам начинает казаться, что из неё вырастает Нечто, некая «личность», которая не сводится к сумме личностей её составных частей. И для нас эта «личность» реальна. Постепенно реальность этой «личности» вынудила закон отказаться от признания её вымыслом, несмотря на то, что мы имеем дело лишь с ассоциациями. Человек, который взирает на поле битвы где-то в Европе, несомненно, не станет отрицать, что некоторые личности, такие как «Англия», «Франция», «Германия», вполне реальны для тех солдат, которые умирают за них. Но человек, который холодно отреагировал бы на призыв встать самому под знамёна английских войск, не устанет воспевать величие Англии на словах; из всех солдат он не преминет создать нечто большее, чем они являются.

Подумайте об огромных последствиях такой персонализации, а затем задайтесь вопросом, посмеет ли мы приписать ей вымышленную природу. «Наше товарищество, – писал Мейтленд, – это не вымысел, не символ, не часть государственной машины, а живой организм и реальный человек, обладающий собственным телом, членами и волей». Если это правда, то в нашем государстве достаточно монистических образований подобного толка: клубы, профсоюзы, церкви, сообщества, города, округа, университеты, каждое из которых имеет свою групповую жизнь, групповую волю, далее – дело за воображением. Значение этого мы, конечно, не вправе отрицать.

Итак, нам всем было сказано, что Государство является тем уникальным,

мистическим *Единственным* (*the One*), который главенствует над остальными. «*Единственное* властвует над многими, но оно и предшествует им. Всякое многообразие берёт своё начало в *Единственном* и всегда сводится к нему. Следовательно, весь порядок состоит в подчинении множества *Единому*, и никогда и нигде не может быть достигнута цель, общая для Многих, если *Единое* не управляет многими и не направляет многих к этой цели.... *Единое* – это корень всего и, следовательно, всего социального бытия». Приведённый выше отрывок – это вовсе не мистическое изречение откуда-нибудь с Востока, он принадлежит трезво мыслящему немецкому юристу, это квинтэссенция его размышлений над средневековой философией. *Единство*, безусловно, заслуживает восхваления. И Государство, как *его* выражение, справедливо требует столь же благолепного отношения. Оно тоже должно быть единым и неделимым.

Профсоюзные деятели и дельцы-капиталисты – все в равной степени должны подчинить интересы своих малых противоборствующих групп «великим» требованиям этого всеобъемлющего *Единственного* – Государства. Каждый, каждый в первую очередь является частью *Единства*; только второстепенно он уже может принадлежать к той или иной церкви, классу или расе. Будучи частью *Единственного*, все различия стираются, исчезают. Нет ни богатых, ни бедных, ни протестантов, ни католиков, ни республиканцев, ни демократов, но есть только граждане Государства. Величайшая из идей подминает под себя остальные. «Всякое многообразие берёт своё начало в *Единственном* и всегда сводится к нему».

Что же, таким образом можно охарактеризовать монистическую теорию Государства, важность которой нельзя преуменьшать и в наше время. Её идеи восторжествовали не только в современной Германии, но также, пусть и чуть в

меньшей степени, в остальной Европе – вероятно, в силу доминирующих позиций философии Гегеля в целом. Подобный триумф монизма является своего рода банальностью в том мире, где в гостинных модных салонах темы для бесед задаёт Трейчке. Кризис во все времена был способен свести воедино то, что раньше представляло разрозненным. Будучи исключительным по своей природе, Государство легко достигло своего триумфа¹.

Ваш философ-монист уверяет нас, что мы должны признать: все части Государства сплетаются вместе, чтобы образовать одно гармоничное целое. Чем Абсолют является для метафизики, тем и Государство является для политической философии. *Единство* имеет логическую необходимость, так как будучи независимыми друг от друга, отдельные части – по утверждению Лотце – никогда не смогли бы воздействовать одна на другую. Независимость влечёт за собой разрозненность. И все же нет ничего более очевидного, чем высший факт взаимного оказываемого воздействия. Следовательно, плюрализм в конечном смысле невозможен; поскольку это сделало бы непонятным любое рациональное толкование общества.

Следует отметить некоторые следствия данной доктрины, прежде чем мы будем пытаться её критиковать. Допустим, аналогия, проведённая между Государством и Абсолютом, оправдана. В таком случае, становится ясным, что точно так же, как в метафизике, где мы можем боготворить мир как нечто «целое» или порицать его как «целое», Государство видится «хорошим» или «плохим» в такой же тотальности. Речь идёт о том, что составляющие его части не могут быть «хорошими» или «плохими» по отдельности. Вы можете относиться к Государству

¹ Подробности связи политики Бисмарка с философией Гегеля заинтересованный читатель сможет найти в замечательной работе мистера Вильяма Кларка в журнале *Contemporary Review* за январь 1899 г.

пессимистично или оптимистично, но вы не имеете права относиться к нему как к чему-то всецело положительному, равно как и всецело отрицательному. Иначе получается, что отличительные его черты будут прослеживаться и в его частях, какими различными они бы ни были на самом деле. Стоит нам помыслить Государство как пример тотального зла, как его печать ляжет и на капиталиста, и на защитника рабочего класса – мы не можем позволить себе закрыть глаза на это.

Так мы фактически нивелируем различие между правдой и ложью, между добром и злом. Однако последнее происходит из-за ограниченности нашего политического интеллекта, дело тут не в Государстве как, так сказать, вещи-в-себе. Фактор тотальности Государства – лишь внешняя оболочка, проникнуть за которую мы обязаны, если же хотим увидеть политическую реальность в её полноте. Вот почему м-р Брэдли может рассматривать свой «Абсолют» (для нас – Государство) исполненным дисгармонией; фантомные боли его на самом деле служат удовольствием.

И это самый подходящий момент, чтобы заговорить о Суверенитете. Государство должно в итоге восторжествовать, но оно нуждается в каком-то атрибуте, с помощью которого может свершиться его триумф. Если мы где-нибудь и проповедуем непротивление, то именно соглашаясь с этим. Нет, идём на войну. Мы должны бороться с Государством, независимо от того, чувствуем мы, что его основания справедливы или же нет. Когда в 1870 г. Ватиканский собор определил непогрешимость Папы, г-н Гладстон сразу заметил, что под угрозой находится не что иное, как приверженность римско-католической церкви. Разве сэр Роберт Пил не выступал против католической эмансипации, потому что, по его мнению, эта секта не могла объединить свою паству? Разве это не *Kulturkampf*, а выражение убежденности Бисмарка в том, что Государь должен быть сувереном и не

слушать никого? Когда М. Комб способствует отделению церкви от государства, на каких ещё основаниях он основывает свою атаку, кроме того, что только права государства являются реальными? Не зря же т.н. «корпорации» – Томас Гоббс уподоблял их в своих текстах «червякам, что завелись во внутренностях организма» – вызывают собой расстройство желудка. Будьте любезны, позвольте им исчезнуть сразу, чтобы Суверенитет Государства стал непрерываем.

Самое глубокое значение для нас имеет следующее утверждение: воля Государства зиждется на его моральном превосходстве. Мы переходим здесь – если позволить себе быть несколько старомодным и прибегнуть к терминам Ж.Ж. Руссо – от *Воли Всех* к *Общей Воле* и принимаем их идентичность. Так что сила Государства получает моральную санкцию, потому что таким образом должно быть достигнуто «всеобщее благополучие» (*to ev ζην*). То, что предписывает Государство, обретает для вас особую моральную санкцию, превосходящую по авторитету любые требования группы людей или отдельного человека. Вы должны отринуть перед ним свою личность. Вы должны принять его волю как свою собственную. И это считается *правильным*, вне зависимости от того, является ли это таковым на самом деле – вот в чём парадокс ситуации. Отважиться критиковать Государство – проявить отсутствие патриотизма на большой войне. Государство имеет право – поскольку, обладая суверенитетом, оно облечено властью – связать вашу волю своей собственной. Только те, кто действует как его часть или от имени его, обеспечивая исполнения его воли, могут её интерпретировать. Они диктуют, что и кому делать; для тех, кто к Государству не причастен, не остаётся иной участи, как принять молчаливое повиновение.

Реальная политическая практика не видит в подобном отношении какой бы то ни было нравственности. Фактически, мы должны разделять поступки на «пра-

вильные» и «неправильные». Мы должны указывать на группы, существующие внутри Государства или параллельно с ним, и утверждать их действительную вредность или полезность. В то же время, вынося суждение о них, мы отталкиваемся от себя. Мы можем принять за действительную реальность некоторую видимость. Короче говоря, мы доверяем человеческим знаниям. Итак, мы признаём, что существует некоторое явление. Если мы не можем поверить в него, несомненно, нет ничего, во что вообще можно было бы верить. Мы открыто признаем ограниченность наших знаний: мы не можем знать всего. Мы обречены ограничиться узкой специализацией, оставив всеведение одному Абсолюту.

Если мы знаем не всё (я настаиваю на этом!), а лишь кое-что, если мы знаем Америку и Германию, но не знаем Англию и Францию, не знаем о Юлии Цезаре, но многое знаем о Наполеоне Бонапарте, то мы заявляем о своём праве выносить суждения по ним. Они существуют сами по себе, их можно познать, независимо друг от друга. Я не имею в виду то, что Юлий Цезарь абсолютно не связан с Наполеоном, или что между Англией и Америкой нет никаких отношений, а просто то, что перед нами не стоит необходимость эти связи проводить. Применяя это утверждение к политике, получается, что нет на самом деле такой уж необходимости переходить от Государства к его частям на одном основании, что Государство является объединением с более массивным и прочным фундаментом, нежели последние. Напротив, давайте признаем, что его части столь же реальны и в целом самодостаточны! Я не познаю Англию раньше, чем я побываю, скажем, в Бёркли-сквере или Лондоне; из Бёркли-сквера и Лондона я пойму Англию. Но, по словам Джеймса, «всё, о чём вы можете думать, каким бы обширным или всеобъемлющим оно ни было бы, если подойти к нему с точки зрения плюрализма, погружено во «внешнюю

среду» того или иного рода. Посредством неё вещи во многом «связаны» друг с другом, но ни одна из них не включает в себя целиком всё и не доминирует над всем. Союз «и» можно встретить повсеместно. Однако всегда что-нибудь ускользает из нашего внимания... плюралистический мир больше похож на федеративную республику, нежели на Империю или Королевство. Как бы много ни было собрано вместе, сколько бы ни твердили о том, что есть некий мозговой центр, который всем управляет и который детерминирует всё, всегда найдётся что-то ещё, нечто самоуправляемое, то, что отсутствует, или просто не сводится к *единству*».

Итак, мы утверждаем, что группа или индивид, связанные с какой-либо другой группой или индивидом, не обречены вступать в отношения со всеми остальными «органами» политического тела. Когда профсоюз изгоняет одного из своих членов за отказ оплатить сбор, он тем самым не вступает в отношения с мормонской церковью. Профсоюз как таковой не имеет никакого отношения к мормонской церкви; он самодостаточен и сам по себе. Он может как-то взаимодействовать с Государством, но не обязан этого делать. Он может быть связан с Государством, но не входит в него как составляющая. Государство, в терминологии того же Джеймса, выступает распределителем ролей, но не вбирает в себя остальных. Здесь нельзя говорить о какой-то атрибутивности связей между ним и остальными органами.

При этом мы не занимаем позицию, согласно которой государство не имеет вообще отношения к этим группам. Мы лишь отрицаем, что отношение к отдельным частям должно выстраиваться по образу и подобию отношения к Государству – скажем, судить отдельно взятого немца на основании того, как Германия ведёт себя на международной арене. Нам не нужно судить обо всех вещах в одном лишь государственном контексте. Такое отношение к делу есть продукт принуж-

дения. Нас вынуждают приписывать отдельно взятому немцу то, что в действительности следует записать на счёт Германии. Мы должны судить о его поведении исходя из его жизни, а не исходя из отношения к Государству, гражданином которого он является. Согласно монистической теории, жизнь отдельного индивида наполняется смыслом напрямую из его отношений с Государством; в плюралистической же теории такие отношения могут иметь важное значение, но отрицается, что они являются единственным критерием, по которому следует судить о человеке. Итак, в плюралистическом взгляде на государство, как сказал Джеймс, есть «реальные потери и реальные проигравшие» в столкновении всех его частей; и при этом они не добавляют неким таинственным образом великолепия Целому.

Как же тогда, спросят нас, должна выражаться воля Государства? Если Государство является лишь одной из групп, к которым принадлежит человек, в его преданности ему нет места *единству*. Ответ на этот вопрос достаточно прост: наша преданность не является чем-то унифицированным. Например, в случае большой войны, как гражданин своего государства вы можете быть призваны на фронт; но как член другой группы – скажем, квакеров, вы можете сопротивляться призыву. Всякие разговоры о «чрезмерных требованиях», о том, что требования Государства имеют первостепенное значение, на самом деле мало продуктивны. Требования Государства важны, прежде всего, только для самого Государства. История же разных обществ вступает в противоречие с мнением о том, что в условиях кризиса только Государство обладает силой принуждения. А как насчёт других организаций: горняков в Южном Уэльсе? Ольстерской юнионистской партии? Женского социально-политического союза? Разве не являются их случаи примерами того, как некая определенная группа оказала воздействие на индивидов, вступив в конфликт с самим

Государством за право диктовать волю, и вышла из него победителем? Данные примеры, конечно, иллюстрируют крайние случаи, и по всей вероятности, таковые будут редкими, но нет никакой гарантии, что они не напомнят о себе снова.

Но и эти наши аргументы будут опротестованы – последует обвинение в отрицании феномена, который юристами принято называть Суверенитетом. Мол, мы оправдываем сопротивление Государству, отрицаем, что в каждом государстве должен быть «начальник», чья воля должна беспрекословно исполняться. Но при этом совершенно очевидно, что такого инструмента принуждения попросту не существует в реальности. У нас нет никакой гарантии, что будет обеспечено соблюдение того или иного «правила поведения». Ибо действие всякого «правила» зависит от позиции в отношении него разных органов Государства, представители которых могут принадлежать к разным группам – для некоторых из них такое правило может оказаться неприемлемым. Например, если британский парламент решит вдруг издать закон, согласно которому ни один англичанин не имеет права быть католиком, он однозначно не добьётся приведения такого статута в действие. Следовательно, мы должны найти истинное значение Суверенитета и искать его не в инструментальной области принуждения, а в объединяющей доброй воле, за которую он выступает.

Граждане принимают диктат Государства либо по причине того, что их собственная воля находит своё частичное выражение в воле Государства, либо потому, что, допуская благость его намерений, они принимают решение не оказывать сопротивления её вменению. Но тогда становится очевидным, что закон – это отнюдь не приказ, это продукт согласия, устраивающий все стороны. Его благо заключено в его последствиях, он должен ещё проявить себя. Неразумно утверждать, что, например, парламент –

всемогущий орган в исключительном смысле. Власть, которой обладает парламент, определяется не законом, а соглашением сторон, и это согласие, как показал ряд известных исторических примеров, может быть и пересмотрено. Абсолютная власть «принуждения» есть не более чем абстракция фактов: кардинал Уайзмен низвергал её в 1851, Дж. Х. Ньюман – распускал с улыбкой на лице в 1875, а когда эта власть попыталась устроить в Судебном комитете Тайного совета трибунал по ряду церковных дел, авторитетные священнослужители сочли её действия неправомерными и вовсе проигнорировали. Там, где преобладает Суверенитет, где действует Государство, оно действует только с согласия на то людей.

В случае торжества плюралистического подхода, какая будет гарантия того, что воля Государства в конечном итоге возобладает над остальными? Может показаться, что подобный плюрализм ведёт к анархии. Нет, он не даёт больше поводов для анархии, чем это происходит в нынешних политических реалиях. Если мы станем мыслить индуктивно, а значит, строить наши жизненные принципы на отдельных фактах социальной жизни, мы признаем, что санкция на волю государства будет во многом зависеть от людей, которые эту волю интерпретируют. Монархи времён Старого порядка (*ancien regime*) с точки зрения закона обладали суверенной властью во Франции, но их воля не была в то же время волей Государства. Во всяком случае, она не стала таковой в силу крайней неразумности самих монархов: ведь они решили считать всё то, что являлось благом для них самих, также и благом народным. Они перепутали то, что Руссо назвал бы их «частным благом», с «общим благом», и Людовик XVI заплатил за эту ошибку на эшафоте. Воля Государства превалирует над волей других групп ровно до тех пор, пока она достаточно мудра, чтобы получить всеобщее признание, и никак иначе. Воля Государства до некоторой степени

всегда конкурирует с другими волями и «выживает» только благодаря своей способности адаптироваться к окружающей среде – точно по заветам Дарвина. Если она рискнёт вступить в опасное для себя поле, она расплатится за свою дерзость, обнаружив, что Суверенитет – продукт согласия, и как только последнее сойдёт «на нет» – обернулся бессилием.

Можно возразить, что с данной точки зрения Суверенитет означает не более чем способность заручиться согласием. С этим возражением остаётся только согласиться. Для исполнения закона нет гарантии лучше, чем согласие в умах. Это чистая иллюзия – полагать, что власть Государства имеет какие-либо другие гарантии, кроме воли его членов. Как я пытался показать здесь, Государство – это просто «организованная воля» (используем здесь термин Грэма Уоллеса), и его существенной чертой является абсолютная зависимость от тех составляющих, из которых складывается Воля групповая. Утверждение, что феномен Государства как бы «деградирует» в силу такой редукции, никак не отменяет того, что в этом проявляется его сущность. Достаточно взглянуть на реалии общественного бытия, чтобы убедиться: Государство не пользуется каким-либо своим превосходством для удовлетворения своих требований. Его удовлетворение должно полностью зависеть от характера предъявляемого требования. Я снова и снова обнаруживаю, что я предан разными группами, к которым я принадлежу. В каждой конкретной ситуации, я стану поступать по-разному.

Настоящая позиция совсем не опровергается соображением, что цель Государства больше и значительнее, нежели цель любой другой мыслимой группы. У меня нет уверенности, что это так. Теоретически, существование Государства обусловлено тем, что оно призвано обеспечить лучшую жизнь для своих граждан. Но когда мы подходим к анализу неопровержимых фактов, становится до боли

очевидным, что на самом деле Государство существует во благо определенной части граждан, а не сообщества в целом. Я готов привести аргумент, что, например, в Англии до войны цели существования профсоюзов были куда более масштабными, нежели те, которых английское Государство, можно сказать, стремилось достичь. О римско-католической церкви, опять же, можно сказать, что её цели всё равно более масштабны, чем цели мыслимого «мирового государства» будущего; ибо Государство заботится о жизни людей на земле, в то время как Римская Католическая церковь заботится также об их посмертном существовании. Более того, кажется важным не столько величие цели той или иной группы, сколько её способность обеспечить привязанность её членов. Этот момент, как я утверждал ранее, безусловно, проливает свет на позицию тех, кто сопротивляется Государству. Цель их организации, может, не так уж обширна, но она приближена к тому, чего индивид желает непосредственно в своей жизни, для него это сиюминутный выбор. Он отринет волю Государства в пользу требований группы, к которой принадлежит здесь и сейчас, потому что последняя согласуется с его желаниями или его совестью. Думаю, любой, кто размышлял об истории противостояния Государству, обнаружит, что в психологическом плане данная идея представляет собой наиболее плодотворный источник понимания феномена.

На данном этапе я готов признать совершенно свободно, что придал Суверенитету более широкое толкование, чем привыкли признавать за ним юристы. Когда какой-нибудь выдающийся юрист заявляет, что «суверенная власть есть то, что в собственных пределах является абсолютной и никем не неконтролируемой», и когда другой столь же выдающийся правовед вторит ему, что всякий закон Государства основывается на Суверенитете, я могу в ответ на это лишь развести руками. К примеру, в Англии суверенной властью по-прежнему обладает

парламент, и, в широком смысле слова, только он один издаёт законы, что будут исполняться в судах. Однако мнение парламента по тому или иному вопросу, его законодательные акты – всё это есть продукт сложной комбинации различных сил, в которую внесли свой ценный вклад отдельные персоналии и целые группы, обретающие как внутри, так и вне государственной системы.

Мне кажется, в обществе вообще невозможно найти такого Суверена, чья воля исполнялась бы всеми беспрекословно. Вот почему Коркунов был принципиально прав, утверждая, что отдельные проявления Суверенитета нельзя принимать за проявление *единства*. Нельзя преувеличить важность фразы, использованной Джоном Чипманом Греем: «Тех, кто по-настоящему управляет обществом, невозможно обнаружить». Лишь подлинные правители обладают Суверенитетом, и если мы не в состоянии обнаружить их самих, значит и Суверенитет обретает себя где-то за пределами нашего понимания. Стоит прийти к данной мысли, как становится понятно, что интерпретация суверенности в теории государства и права слишком проста, чтобы принять её. Она гласит: сувереном является тот, кто способен добиться, чтобы именно его воля стала законом; кто настолько доминирует над своими собратьями, что поглощает их волю своей. Ясно, что в этом нет ничего абсолютного и безоговорочного.

Вопрос Суверенитета – это всегда вопрос *степени* признания, а не его формы; Государство должно найти более внушительную опору для своих декретов, чем есть у любых других ассоциаций. Люди согласятся принять волю Государства и отразить её в законе не потому, что за ней стоит некая сила, а исходя из понимания, что, если не зафиксировать волю Государства в законе как манифест для всех и каждого, всякое разногласие внутри группы будет влечь за собой частичный распад, а такое сообщество просто

не сможет выжить. В таком случае, по крайней мере, мы очищаем умы от метафизики. Мы не наделяем Государство качествами, которыми оно не обладает, прежде всего, мистического свойства. Мы считаем, что оно имеет право требовать от своих членов того, что способствует достижению его цели: не потому, что у него есть сила поступать так, а потому, что его требования, в конечном итоге, будут способствовать достижению общей цели. Дальше этой мысли мы вряд ли уже сможем продвинуться.

С этой точки зрения, существуют такие вещи, которые Государство не вправе требовать от своих граждан. Например, оно не может потребовать от одного из них, чтобы он казнил совершенно невинного человека; ибо такое требование нарушает цель, ради которой и существует Государство – причём в отношении них обоих. С другой стороны, оно однозначно имеет право требовать от каждого внести посильный вклад в систему национального образования, потому что современное Государство исповедует идею, что чем более образованы его граждане, тем

вероятнее они исполняют предназначение Государства.

То, что я называю «правом требовать», поймет только прагматик. Это право на такое требование, выполнение которого однозначно ведёт к благу, и это уже доказано на опыте. Поэтому, когда Государство требует от одного из своих граждан терпимости к религиозным убеждениям другого на основании, что свобода вероисповедания есть право каждого, это означает, последствия проявления терпимости в большей степени совпадают с конечной целью Государства, чем последствия каких-либо религиозных преследований. Наши права телеологичны по своей природе, они должны проявить себя. Вот почему, признаюсь, одно из главных утешений, что я получаю от изучения Аристотеля – это убежденность, что он пытался очертить прагматистскую теорию государства. «Права» в его философии являются таковыми лишь имея за собой прочный фундамент опыта; и, конечно же, то право, что не влечёт за собой благих последствий – слишком пусто, чтобы признать за ним ценность.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ласки Г. Дж. О суверенитете государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 152–161.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-152-161

FOR CITATION

Laski H. J. On the Sovereignty of the State. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 152–161.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-152-161

УДК 321.011.5:323.1(049.32)

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-162-167

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЦЕННОСТНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАЦИИ НА СТРАЖЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА (РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ В. Ш. СУРГУЛАДЗЕ)

Кузнецов М. Н.

Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

POLITICAL AND LEGAL DIMENSIONS OF IDENTITY POLICIES: THE VALUE SOVEREIGNTY AND ACTIVITY CONCEPT OF A NATION ON GUARD OVER THE SECURITY OF THE SOCIETY AND THE STATE (REFLECTIONS ON THE BOOK BY V. SH. SURGULADZE)

M. Kuznetsov

Peoples' Friendship University of Russia

6, Miklukho-Maklaya ul., Moscow 117198, Russian Federation

В любом обществе ключевую роль играют объединяющие его членов нормы, правила, ценности, которые могут носить формальный и неформальный характер. Однако с течением времени, благодаря векам исторического, социально-политического и культурного развития, в каждом социуме вырабатываются те ценности и нормы, которые обеспечивают его стабильность и консолидацию. Сегодня понимание данных процессов привело к интенсификации научных исследований по изучению проблематики коллективной идентичности. Увеличение количества научных публикаций по указанной тематике закономерно, поскольку связано с ростом международной информационной напряжённости, идеологического, цивилизационного, ценностного противоборства, желанием каждого государства и каждой общности людей обосновать право на собственную уникальность и значимость в постоянно усложняющемся мире. Заметным явлением на научном поприще изучения коллективного самосознания стала работа российского политолога В. Ш. Сургуладзе «Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория практика», изданная Аналитической группой «С.Т.К.» в серии «Мир в сетях идеологии». Монография вышла под научной редакцией канд. ист. н., д-р. юрид. н., заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, профессора Н. А. Фроловой – автора

значительного количества исследований, посвящённых теоретическим и практическим вопросам обеспечения социальной безопасности государства, в том числе и в воспитательном, морально-нравственном, идеологическом измерении [1; 2].

Монография В. Ш. Сургуладзе в первую очередь интересна и ценна тем, что значительная её часть посвящена сугубо практическим аспектам реализации государственной политики идентичности. Политолог предлагает два авторских концептуальных подхода к практической консолидации общества: концепцию ценностного суверенитета и деятельностную концепцию нации.

Под ценностным суверенитетом В. Ш. Сургуладзе подразумевает выработанные обществом нормы, традиции, правовые обычаи, присущие социуму цивилизационные и культурно-исторические закономерности развития, которые формировались веками, а, значит, не могут оцениваться с точки зрения внешних, претендующих на универсальность эталонов. Среди приведённых автором оснований необходимости обеспечения ценностного суверенитета, практического осмысления и правового закрепления понимания суверенитета заслуживает внимания сравнительный анализ политики идентичности, зафиксированной в конституционном праве современных государств [3, с. 242–276].

В. Ш. Сургуладзе приводит конкретные примеры исторически сложившихся социокультурных ценностей, заложенных в основных законах государств мира, тем самым подтверждая уникальность социального и политического опыта каждого государства-нации. По сути подход, которого придерживается автор, является политологической и политико-правовой разработкой активно развивающихся последние годы в отечественной [4] и мировой юридической науке исследований феномена конституционной идентичности [10]. Указанная методологическая особенность, а также принятые в 2020 г.

поправки в Конституцию Российской Федерации вводят «Политику идентичности» В. Ш. Сургуладзе в разряд актуальных теоретических работ, которые по своему характеру находятся в русле концепции конституционной идентичности.

Монография В. Ш. Сургуладзе демонстрирует плодотворность междисциплинарного анализа глобальных и национальных социально-политических процессов. В данном случае пограничный характер исследования связан с тем фактом, что предпринятый политологический анализ, затрагивая широкий круг вопросов правоведения и юридической практики, оказался на передовом рубеже и политологии, и права.

Авторская концепция ценностного суверенитета представляет собой стержневую мысль «Политики идентичности» В. Ш. Сургуладзе. По мнению политолога, деятельность государства в информационной сфере должна сосредотачиваться на защите национально-государственного мировоззрения, традиционных ценностей российского общества [3, с. 24, 27, 29, 70, 74, 76, 82, 97, 108, 176, 223, 238, 241, 288, 297, 303, 314, 330]. При этом и в структуре оглавления, и в названии монографии упоминание ценностного суверенитета отсутствует, хотя именно эта концепция представляет несомненный практический интерес и должна использоваться в контексте противодействия информационным угрозам Российской Федерации при реализации мероприятий, направленных на выявление и предотвращение враждебных действий по манипулированию коллективным восприятием и поведением методиками «мягкой» и «умной» силы, применяемыми разнообразными антироссийскими акторами.

Другим важнейшим теоретическим и практическим исследовательским направлением, разработанным В. Ш. Сургуладзе, является предлагаемый автором подход к консолидации общества на базе реализации деятельностной концепции нации [3, с. 172–233]. Впервые в науч-

ный оборот деятельностную концепцию нации политолог ввёл в работе «Грани российского самосознания: империя, национальное сознание, мессианизм и византизм России» [5], вышедшей в свет в 2010 г., в которой среди прочего освещались особенности взаимосвязей между коллективным самосознанием и комплексом проблем трансформации, модернизации и вестернизации общества, которыми автор занимался в предшествовавшие годы [6]. Исследователь регулярно возвращался к данной проблеме в своих публикациях [7], в связи с чем «Политика идентичности» представляет закономерный итог многолетних научных изысканий, сочетающий как глубокое теоретическое осмысление, так и анализ, проработку важнейших практических вопросов по обеспечению эффективной государственной информационной политики, направленной на обеспечение национальной безопасности России.

В отличие от авторской концепции ценностного суверенитета, деятельностной концепции нации посвящена отдельная глава работы В. Ш. Сургуладзе. Внимание к деятельностным аспектам реализации политики идентичности пронизывает собой всю монографию, являясь магистральной линией исследования [3, с. 7, 13, 20, 25–26, 29, 129, 172–223, 228, 287, 297, 299–300, 302–303, 334].

Методологической особенностью «Политики идентичности» В. Ш. Сургуладзе является тот факт, что автору удалось творчески переосмыслить разработки марксистского классового подхода и исторического материализма в обществоведении применительно к проблемам современного социального развития, характеризующегося перманентными кризисными явлениями. Автор использует условный классовый подход в целях выявления групп социально-политических интересов, сформировавшихся в постиндустриальном обществе информационной эпохи. Политолог отмечает рыхлость социальной структуры ин-

формационного общества и связанную с этим объективную сложность и дискуссионность возможности применять понятие «класс» в современных условиях. Однако со всеми оговорками данный подход нельзя назвать бесперспективным, поскольку всё чаще в научной среде обсуждаются проблемы современных социальных групп, условно относящихся к прекариату и креативному классу.

По мнению В. Ш. Сургуладзе, эффективная государственная политика идентичности возможна только при координации с общим социально-экономическим планированием и развитием. В общенациональной деятельности на благо процветания общества и государства автор видит возможность преодоления информационной и социокультурной разобщённости, свойственной современному цифровому обществу. В теоретической части своего исследования групповые, классовые социально-политические проблемы и противоречия политолог анализирует средствами деятельностного подхода, выявляя его признаки в доктринальных положениях теоретиков и политиков-практиков.

Отдельные проявления авторского подхода к реализации политики идентичности на базе деятельностной концепции нации можно, по-видимому, обнаружить в разные эпохи и у разных народов, однако теоретически данный механизм консолидации общества и его закономерности до сих пор в социальных науках практически не осмыслены. То, что В. Ш. Сургуладзе выделил деятельностный механизм реализации политики идентичности – важное научное достижение, поскольку подходит для практического использования в таком сложном многонациональном и поликонфессиональном государстве, как Россия, тем более в условиях, когда всё чаще приходится сталкиваться с очевидной тупиковостью построения жизни социума на принципах эгоистического обособления либерального общества потребления.

К достоинствам «Политики идентичности» В. Ш. Сургуладзе можно отнести внимание автора к конкретным вопросам и проблемам государственного стратегического планирования, предпринятый анализ имеющихся дисбалансов в указанной сфере государственного управления, предложения по их преодолению. В заключительной главе [3, с. 277–329] исследователь анализирует политику идентичности в целеполагающих документах государственного стратегического планирования Российской Федерации [3, с. 277–302], предлагает конкретные меры реализации разрабатываемых авторских концепций на базе использования имеющихся у государства организационных, политических и правовых ресурсов [3, с. 303–329]. Важнейшее практическое направление осуществления государственной политики идентичности в части консолидации общества на базе деятельностной концепции нации В. Ш. Сургуладзе видит в увязке и координации государственной информационной политики с реализацией положений Федерального Закона № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

В 2019 г. на российском книжном рынке одновременно появились «Политика идентичности» В. Ш. Сургуладзе и работа известного американского либерального исследователя Фрэнсиса Фукуямы «Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия» [9]. Указанное совпадение свидетельствует о том, насколько важными в современном мире стали темы идентичности и идеологии. Характерно и то, что работа российского политолога строится на попытке осмысления национального самосознания с точки зрения здравого смысла и реальной политики, в то время как маститый американский автор посвятил свою книгу задачам защиты находящегося в очевидном кризисе либерализма и американского мультикультурализма. При этом даже идеологу «Конца истории» пришлось вносить поправки в при-

вычные либеральные концепции: как и российский политолог, Ф. Фукуяма был вынужден констатировать, что общество не может нормально существовать без консолидирующих его членов, разделяемых большинством ценностей, признал, что невозможно гармоничное социально-политическое развитие в условиях диктата идеологической повестки дня претендующих на исключительность радикальных меньшинств.

Сопоставление «Политики идентичности» В. Ш. Сургуладзе и «Идентичности» Ф. Фукуямы симптоматично демонстрирует различия российской и американской школ осмысления социально-политической реальности. При этом можно констатировать, что сравнение двух работ свидетельствует о высокой степени идеологической предвзятости американского политолога. На этом примере хорошо видно, как западная наука становится заложницей идеологии либерализма и мультикультурализма, перестаёт искать объективные причины возникновения социально-политических процессов, концентрируясь на апологии разнообразных псевдоуниверсальных концепций. На контрасте с таким подходом работа российского учёного кажется образцом реально-политического и конкретно-исторического мышления. Отчасти указанная разница в подходах проявилась и в том, что В. Ш. Сургуладзе намного внимательнее отнёсся к выявлению функций коллективной идентичности, сопоставив их с социально-политическими и психологическими функциями идеологии, посвятив этой проблеме отдельный параграф [3, с. 87–107] и выделив одиннадцать функциональных свойств идентичности [3, с. 91–98], в то время как Ф. Фукуяма остановился только на пяти [9, с. 164–167].

Монография В. Ш. Сургуладзе будет полезна специалистам в области социальной инженерии, коллективной психологии и управления массовым сознанием и поведением, политологам и политиче-

ским аналитикам, практикам, специализирующимся в области обеспечения информационной безопасности общества и государства, а также профессионалам в сфере высшего образования и патристического воспитания. Работа может представлять интерес для специалистов

в области государственного стратегического планирования, в том числе в части, касающейся правового обеспечения соответствующей сферы социально-политических отношений.

Статья поступила в редакцию 25.08.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Фролова Н. А. Идеология социальной безопасности и правовая политика государства: теоретический и исторический аспект. М. : АВА-БЕСТ, 2007. 144 с.
2. Фролова Н. А. Правовая политика в сфере социальной безопасности России: исторические и современные очерки: проблемы, тенденции, перспективы. М. : Аналитическая группа «С.Т.К.», 2020. 220 с.
3. Сургуладзе В. Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика / под науч. ред. Н. А. Фроловой. М. : Аналитическая группа «С.Т.К.», 2019. 400 с.
4. Зорькин В. Д. Конституционная идентичность России: Доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4. С. 1–12.
5. Сургуладзе В. Ш. Грани российского самосознания. Империя, национальное сознание, мессианизм и византизм России. М. : W. Bafing, 2010. 480 с.
6. Сургуладзе В. Ш. Идентичность. Проблема социокультурной трансформации современного российского общества. М. : Спутник+, 2007. 144 с.
7. Сургуладзе В. Ш. Конституционно-правовое понимание нации. Опыт сравнительного исследования на примере конституционного права зарубежных государств // Свободная мысль. 2017. № 2 (1662). С. 45–60.
8. Сургуладзе В. Ш. Мировая политика в зеркале современного политологического анализа: политические процессы, политика идентичности, стратегия и технологии. М. : Аналитическая группа «С.Т.К.», 2019. 652 с.
9. Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М. : Альпина Паблишер, 2019. 254 с.
10. Jacobsohn G. J. *Constitutional Identity*. Cambridge: Harvard University Press, 2010. 388 p.

REFERENCES

1. Frolova N. A. *Ideologiya social'noj bezopasnosti i pravovaya politika gosudarstva: teoreticheskij i istoricheskij aspekt* [Social security ideology and legal policy of the state: theoretical and historical aspects]. Moscow, AVA-BEST, 2007. 144 p.
2. Frolova N. A. *Pravovaya politika v sfere social'noj bezopasnosti Rossii: istoricheskie i sovremennye ocherki: problemy, tendencii, perspektivy*. [Legal policy in the sphere of social security of Russia: historical and modern essays: problems, trends, prospects]. Moscow, Analiticheskaya gruppa S.T.K. Publ., 2020. 220 p.
3. Surguladze V. *Politika identichnosti v realiyakh obespecheniya natsional'noi bezopasnosti: strategiya, teoriya, praktika* [Identity politics in the realities of national security: strategy, theory, practice]. Ed. by prof. N. A. Frolova. Moscow, Analiticheskaya gruppa S.T.K. Publ., 2019. 400 p.
4. Zor'kin V. D. [Constitutional identity of Russia: doctrine and practice]. In: *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of constitutional justice], 2017, no. 4, pp. 1–12.
5. Surguladze V. *Grani rossijskogo samosoznaniya. Imperiya, nacional'noe soznanie, messianizm i vizantizm Rossii* [Facets of Russian identity. Empire, national consciousness, messianism and Byzantism of Russia]. Moscow, W. Bafing, 2010. 480 p.
6. Surguladze V. *Identichnost'. Problema sociokul'turnoj transformacii sovremennogo rossijskogo obshchestva* [Identity. The issue of socio-cultural transformation of modern Russian society]. Moscow, Sputnik+, 2007. 144 p.

7. Surguladze V. [Constitutional and Legal Understanding of the Nation. A Comparative Study on the Example of the Constitutional Law of Foreign States]. In: *Svobodnaya mysl'* [Free Thought], 2017, no. 2 (1662), pp. 45–60.
 8. Surguladze V. *Mirovaya politika v zerkale sovremennogo politologicheskogo analiza: politicheskie protsessy, politika identichnosti, strategiya i tekhnologii* [World politics in the mirror of modern political analysis: political processes, identity politics, strategy and technology]. Moscow, Analiticheskaya gruppa S.T.K. Publ., 2019. 652 p.
 9. Fukuyama F. *Identichnost': stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: the desire for recognition and the politics of rejection]. Moscow, Al'pina Publisher, 2019. 254 p.
 10. Jacobsohn G. J. *Constitutional Identity*. Cambridge, Harvard University Press, 2010. 388 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Михаил Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;
e-mail: kouznetsov-40@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail N. Kuznetsov – Dr. Sci. (Law), Prof., Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: kouznetsov-40@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кузнецов М. Н. Политико-правовое измерение идентичности: ценностный суверенитет и деятельностная концепция нации на страже безопасности общества и государства (размышления о книге В. Ш. Сургуладзе) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 162–167.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-162-167

FOR CITATION

Kuznetsov M. N. Political and Legal Dimensions of Identity Policies: the Value Sovereignty and Activity Concept of a Nation on Guard Over the Security of the Society and the State (Reflections on the Book by V. Sh. Surguladze). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 162–167.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-162-167

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
2020. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор О. О. Волобуев
Переводчики А. В. Квеглис, А. С. Барминова
Редактор перевода Н. Г. Попова
Корректор Н. Л. Борисова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆, Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 13,25, усл. п.л. 10,5.

Подписано в печать: 30.10.2020. Выход в свет: 09.11.2020. Заказ № 2020/10-03.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А